

ISSN 1994-2540 (Print)
ISSN 2542-1956 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Экономика. Управление. Право

2019

Том 19

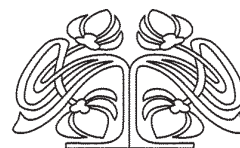
Выпуск 3

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2019 Том 19

ISSN 1994-2540 (Print)
ISSN 2542-1956 (Online)

Издается с 2007 года

Серия Экономика. Управление. Право, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Экономика

Авдеева И. Л., Полянин А. В., Головина Т. А.

Цифровизация промышленных экономических систем:
проблемы и последствия современных технологий

238

Огурцова Е. В., Комков И. В. Развитие внутреннего рынка
государственного долга России: факторы формирования,
перспективы изменения

246

Каткова М. А., Титова Ю. С. Цифровая экономика:
содержание и тенденции развития

257

Управление

Стариков Е. Н., Ткаченко И. Н., Раменская Л. А.

Особенности структурно-технологической модернизации
промышленности Российской Федерации

265

Спирина В. С., Алексеев А. О., Андропова А. А.

Анализ и прогнозирование управленческих решений
в управлении коммерческой недвижимостью

274

Право

Кокурина О. Ю. Заслуга как социально-правовое явление
и понятие: определение, материальные и юридические
признаки (Часть 2)

286

Комкова Г. Н., Куликова С. А. Вопросы законодательного
регулирувания эффективности информационного обеспечения
общественного контроля

294

Велиева Д. С., Пресняков М. В. Сущность принципа правовой
определенности: в поисках конституционно-правового смысла

302

Тогузаева Е. Н. Пути и средства осуществления исполнения
обязанности по правовому просвещению: региональный аспект

310

Тюменева Н. В. Jus naturalle и римское право:
вопросы соотношения

316

Потапенко Е. Г. Результаты абстрактного толкования
по объему норм цивилистического процессуального права

324

Коновеевская И. М. Цифровые права как новый объект
гражданских прав

330

Головкова А. Ю. Доступность и эффективность механизмов
судебной защиты конституционных прав и свобод человека
как показателей верховенства права

335

Торосян Р. А. Реализация конституционного принципа равенства
родительских прав и обязанностей при назначении и отбытии
уголовного наказания

344

Журнал включен в Перечень рецензи-
руемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кан-
дидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук (специальности:
08.00.01; 08.00.05; 08.00.10; 08.00.12;
08.00.13; 08.00.14; 12.00.01; 12.00.02;
12.00.06; 12.00.12)

Зарегистрировано в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и мас-
совых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-56133 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания в объединенном
каталоге «Пресса России» 36012,
раздел 30 «Научно-технические из-
дания. Известия РАН. Известия вузов».
Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка
Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Трубникова Татьяна Александровна

**Адрес учредителя, издателя
и издательства (редакции):**
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Подписано в печать 20.08.19.
Подписано в свет 31.08.19.
Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 13,48 (14,5).
Тираж 500 экз. Заказ 107-Т.
Цена свободная

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2019

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации на русском и английском языках общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований экономической и юридической науки в области экономической теории, экономики, организации, управления, государства и права.

Для рассмотрения статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы: 1) текст статьи в электронном виде, включая УДК, сведения об авторах на русском и английском языках, ORCID автора, название, ключевые слова и структурированную аннотацию на русском и английском языках, список литературы, references в одном документе; 2) справку о результатах самопроверки статьи на наличие неправомерных заимствований; 3) договор на издание и предоставление права использования произведения. Статья направляется на рецензирование только после получения подписанного автором договора (лично в деканате экономического факультета или почтовым отправлением). Более подробная информация о правилах оформления статей и образцы оформления различных источников приведены вместе со стилевым файлом по адресу: <http://eup.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Представляемая для публикации рукопись статьи должна быть законченной научной работой, содержащей важные научные результаты самостоятельных исследований теоретического или эмпирического уровня. Статья должна быть структурирована с использованием подзаголовков: например, Введение, Теоретический анализ, Эмпирический анализ, Результаты, Список литературы, оформлена в соответствии с требованиями и тщательно отредактирована.

Статьи подвергаются анонимному рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель. Статья, задержанная на больший срок или требующая повторной доработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую, корректорскую и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Статьи публикуются в порядке очередности.

Статьи и документы следует присылать в редколлегию Серии по электронной почте: sgu-eup@gambler.ru, документы – простыми (не заказными) письмами по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, экономический факультет, деканат. Справки по тел.: деканат экономического факультета: (8452) 22-51-38. Сайт журнала: <http://eup.sgu.ru>

CONTENTS

Scientific Part

Economics

Avdeeva I. L., Polyandin A. V., Golovina T. A. Industrial Economic Systems' Digitalization: Problems and Consequences of Modern Technologies 238

Ogurtsova E. V., Komkov I. V. Russia's Internal Debt Market Development: Formation Factors, Prospects of Change 246

Katkova M. A., Titova Yu. S. Digital Economy: Content and Development Trends 257

Management

Starikov Y. N., Tkachenko I. N., Ramenskaya L. A. Features of Structural and Technological Modernization of Industry in the Russian Federation 265

Spirina V. S., Alekseev A. O., Andronova A. A. Analysis and Forecasting of Management Decisions in Commercial Real Estate Management 274

Law

Kokurina O. Yu. Merit as a Social and Legal Phenomena and Concept: Definition, Material and Legal Attributes (Part 2) 286

Komkova G. N., Kulikova S. A. Questions of Legislative Regulation to Effectively Ensure Information Support of Public Control 294

Veliyeva D. S., Presnyakov M. V. Essence of the Principle of Legal Definiteness: In Search of Constitutional and Legal Sense 302

Toguzzaeva E. N. Ways and Means of Implementation of the Duty to Provide Legal Education: A Regional Perspective 310

Tumeneva N. V. Jus Naturale and Roman Law: Issues of Correlation 316

Potapenko E. G. Results of Abstract Interpretation of the Volume of Norms of Civil Procedural Law 324

Konobeevskaya I. M. Digital Rights as a New Object of Civil Rights 330

Golovkova A. Yu. Accessibility and Effectiveness of Mechanisms for the Judicial Protection of Constitutional Rights and Freedoms as the Rule of Law Indicators 335

Torosyan R. A. Realization of the Constitutional Principle of Equality of the Parental Rights and Duties while Imposing and Serving Criminal Penalty 344

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: Экономика. Управление. Право»**

Главный редактор

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Солодкая Татьяна Ивановна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Александр Анна, PhD, профессор (Вайоминг, США)
Анисимов Алексей Павлович, доктор юрид. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Балаш Владимир Алексеевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)
Бенюйт Уильям, PhD, профессор (Огайо, США)
Ермасова Наталия Борисовна, PhD, доктор экон. наук, профессор (Иллинойс, США)
Землянухин Александр Исаевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)
Козин Михаил Николаевич, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)
Красильников Олег Юрьевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)
Лхагвадори Ариунаа, PhD, профессор (Уланбатор, Монголия)
Мингалева Жанна Аркадьевна, доктор экон. наук, профессор (Пермь, Россия)
Муравьев Николай Васильевич, PhD, MBA, кандидат экон. наук (Данди, Великобритания)
Носов Владимир Владимирович, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)
Орехова Елена Анатольевна, доктор экон. наук, профессор (Волжский, Россия)
Разгельдеев Назир Тагирович, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Сидоров Сергей Петрович, доктор физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)
Синюкова Татьяна Витальевна, кандидат юрид. наук, доцент (Саратов, Россия)
Стойлова Десислава, PhD, профессор (Благоевград, Болгария)
Трубицына Тамара Ивановна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фирсова Анна Александровна, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)
Хрусталев Виталий Николаевич, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Цыбулевская Ольга Ивановна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Черемисинов Георгий Александрович, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)
Шугрина Екатерина Сергеевна, доктор юрид. наук, профессор (Москва, Россия)
Эретин Сефика Шуле, PhD, профессор (Анкара, Турция)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA of SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: Economics. Management. Law»**

Editor-in-Chief – Olga S. Balash (Saratov, Russia)

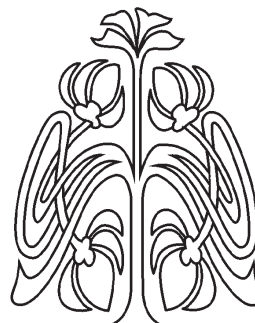
Deputy Editor-in-Chief – Galina N. Komkova (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Tatyana I. Solodkaya (Saratov, Russia)

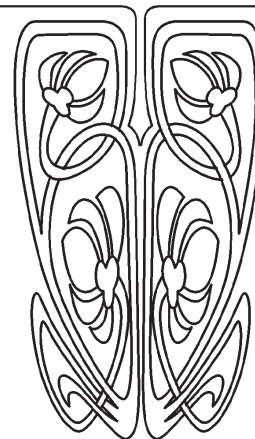
Members of the Editorial Board:

Anne Alexander (Wyoming, USA)
Alexey P. Anisimov (Volgograd, Russia)
Vladimir A. Balash (Saratov, Russia)
William Benoit (Ohio, USA)
Natalia B. Ermasova (Illinois, USA)
Alexander I. Zemlyanukhin (Saratov, Russia)
Mikhail N. Kozin (Moscow, Russia)
Oleg U. Krasilnikov (Saratov, Russia)
Ariunaa Lkhagvadorj (Ulaanbaatar, Mongolia)
Zhanna A. Mingaleva (Perm, Russia)
Nikolai V. Mouraviev (Dundee, United Kingdom)
Vladimir V. Nosov (Moscow, Russia)

Elena A. Orekhova (Volgskii, Russia)
Nazir T. Razgeldeev (Saratov, Russia)
Sergey P. Sidorov (Saratov, Russia)
Tatyana V. Sinyukova (Saratov, Russia)
Desislava Stoilova (Blagoevgrad, Bulgaria)
Tamara I. Trubitsina (Saratov, Russia)
Anna A. Firsova (Saratov, Russia)
Vitali N. Khrustaliov (Saratov, Russia)
Olga I. Tsibulevskaya (Saratov, Russia)
Georgy A. Cheremisinov (Saratov, Russia)
Ekaterina S. Shugrina (Moscow, Russia)
Şefika Ş. Erçetin (Ankara, Turkey)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ЭКОНОМИКА

УДК 330.341.424

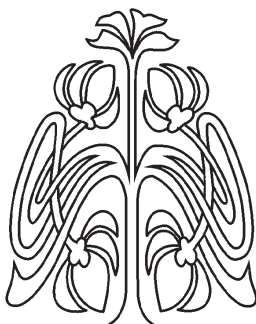
Цифровизация промышленных экономических систем: проблемы и последствия современных технологий

И. Л. Авдеева, А. В. Полянин, Т. А. Головина

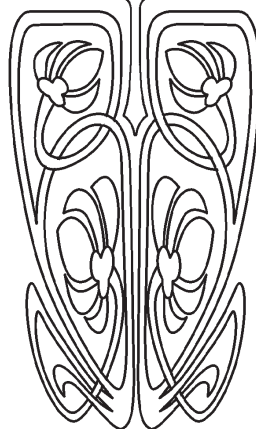
Авдеева Ирина Леонидовна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и государственного управления, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Орел, i-avdeeva-i@yandex.ru

Полянин Андрей Витальевич, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента и государственного управления, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Орел, polyanin.andrei@yandex.ru

Головина Татьяна Александровна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента и государственного управления, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Орел, golovina_t78@mail.ru

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Введение. Статья посвящена раскрытию сущности цифровой трансформации промышленности, которая, по мнению авторов, является ключом к построению экономики знаний и получению измеримых экономических результатов посредством внедрения сквозных технологий. **Теоретический анализ.** Выделены фундаментальные факторы, влияющие на повышение глобальной конкурентоспособности России в условиях осуществления ею технологического прорыва. Главными трендами современности являются огромный объем информации, с которым компаниям приходится иметь дело, быстрая смена бизнес-моделей, появление инновационных инструментов управления. Анализируются проблемы цифровизации промышленных экономических систем, для решения которых требуется адаптация компаний к новым реальностям. Именно цифровая трансформация может вывести компанию на новый уровень развития и эффективности бизнеса. В статье обосновано, что цифровая трансформация производства и связанных с ней традиционных отраслей промышленности является приоритетом для всех индустриальных стран, которые создали свои конкурентные преимущества во время промышленной революции XX века. **Результаты.** Обосновано, что цифровая трансформация производства должна быть направлена на повышение эффективности, производительности и конкурентоспособности отечественной промышленности на мировой арене. В настоящее время данная сфера экономики претерпевает масштабные изменения, вызванные внедрением интеллектуальных систем, способствующих сближению физического и цифрового миров. Эти обширные технологические изменения должны сопровождаться развитием принципиально новых бизнес-процессов на всех уровнях управления.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровизация промышленности, технологическое развитие, индекс цифровизации промышленности, промышленный интернет вещей.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-238-245>

Введение

Скорость, с которой происходят технологические изменения, постоянно растет. Стремительное развитие прорывных технологий бросает новые вызовы и глобальным лидерам цифровизации, и тем, кто уже вовлечен в процессы цифровой трансформации.

По мере того как мир становится все более цифровым, цифровые платформы превращаются в важный инструмент межотраслевой

трансформации, поскольку увеличивают эффективность цифровой экосистемы, способствуют установлению высокоскоростной и надежной связи, поддерживают процесс совместного создания продуктов и услуг организациями из разных стран и часовых поясов.

Применение цифровых платформ на так называемых «цифровых фабриках» революционизирует промышленное производство. Торговые площадки, базирующиеся на цифровых платформах, трансформируют не только рынок услуг, но и сельское хозяйство. Образовательные цифровые платформы дают возможность предоставлять сервисы учащимся всех возрастов и социальных групп.

В ряде сегментов отечественного рынка российские цифровые платформы сегодня доминируют, несмотря на конкуренцию со стороны глобальных гигантов. Некоторые российские компании стали мировыми лидерами. Российским директивным органам необходимо уделять особое внимание поощрению этой модели цифровой трансформации в различных отраслях экономики. Важно обеспечить правильный баланс между защитой национальных интересов, интересов потребителей и поддержкой роста цифровых платформ для получения цифровых дивидендов во всех сферах экономической деятельности, которые эти платформы поддерживают.

В то время как традиционная российская промышленность, за исключением нескольких ведущих предприятий, в целом отстает, с точки зрения проникновения цифровых технологий, в сфере предоставления услуг, особенно в сфере финансовых технологий (финтех), совершается стремительный скачок в цифровую эпоху. Россия должна использовать опыт лидеров в области внедрения цифровых технологий внутри страны, а также передовой международный опыт, чтобы помочь отстающим отраслям экономики и инвестировать в предпринимательство, инновации и повышение цифровых навыков.

Теоретический анализ

В целях повышения конкурентоспособности ключевых отраслей промышленности в России необходимо использовать существующие национальные инициативы «Технет» НТИ и «4.0 RU».

«Технет» НТИ – это дорожная карта Национальной технологической инициативы по развитию кросс-рыночного и кросс-отраслевого направления «Передовые производственные технологии», которое обеспечит конкурентоспособность отечественных компаний в высокотехнологичных отраслях промышленности (утверждена

14 февраля 2017 г. на заседании президиума Совета при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России, проведенном Председателем Правительства РФ Д. А. Медведевым).

«Технет» – первая в рамках национальной технологической инициативы дорожная карта, разработанная для развития и эффективного применения «сквозных технологий», в первую очередь – новых производственных технологий.

Система «4.0 RU» – проект, направленный на создание единого цифрового пространства промышленности России под названием «4.0 RU», который курирует Минпромторг РФ при активном участии крупнейшего производителя отечественной станкостроительной отрасли компании «Стан», мирового лидера в сфере информационных технологий компании «Лаборатория Касперского», российской логистической компании НПП «ИТЭЛМА» и мирового лидера в области технологического производства компании Siemens.

Основой для построения единого цифрового пространства «4.0 RU» является комплексное внедрение цифровых технологий на всех этапах и уровнях промышленного производства. Формирование такой киберфизической среды обеспечивает возможность сокращения времени вывода новых продуктов на рынок, повышения степени гибкости производства, качества продукции, эффективности производственных процессов и в конечном счете – вывода промышленности страны на принципиально новый уровень.

В настоящее время существует несколько фундаментальных факторов, влияющих на цифровизацию и рост экономики (рис. 1).

Вовлечение частного сектора в партнерства по цифровой трансформации, стимулирование цифровой трансформации крупных доминирующих государственных предприятий (госкорпораций) по принципу «сверху вниз», укрепление связей с научным и исследовательским сообществом, выделение приоритетных ресурсов и создание благоприятного налогового регулирования для стимулирования инвестиций в цифровые технологии – это механизмы, способствующие максимальному использованию возможностей прорывных технологий.

На национальном уровне страны управляют этими изменениями посредством развертывания крупномасштабных программ, таких как Партнерство по передовому производству (Advanced Manufacturing Partnership) в Соединенных Штатах, Industry 4.0 в Германии, ГЧП «Фабрики Будущего» (Factories of the Future) в ЕС, «Сделано в Китае 2025» (Made in China 2025) и т. д.

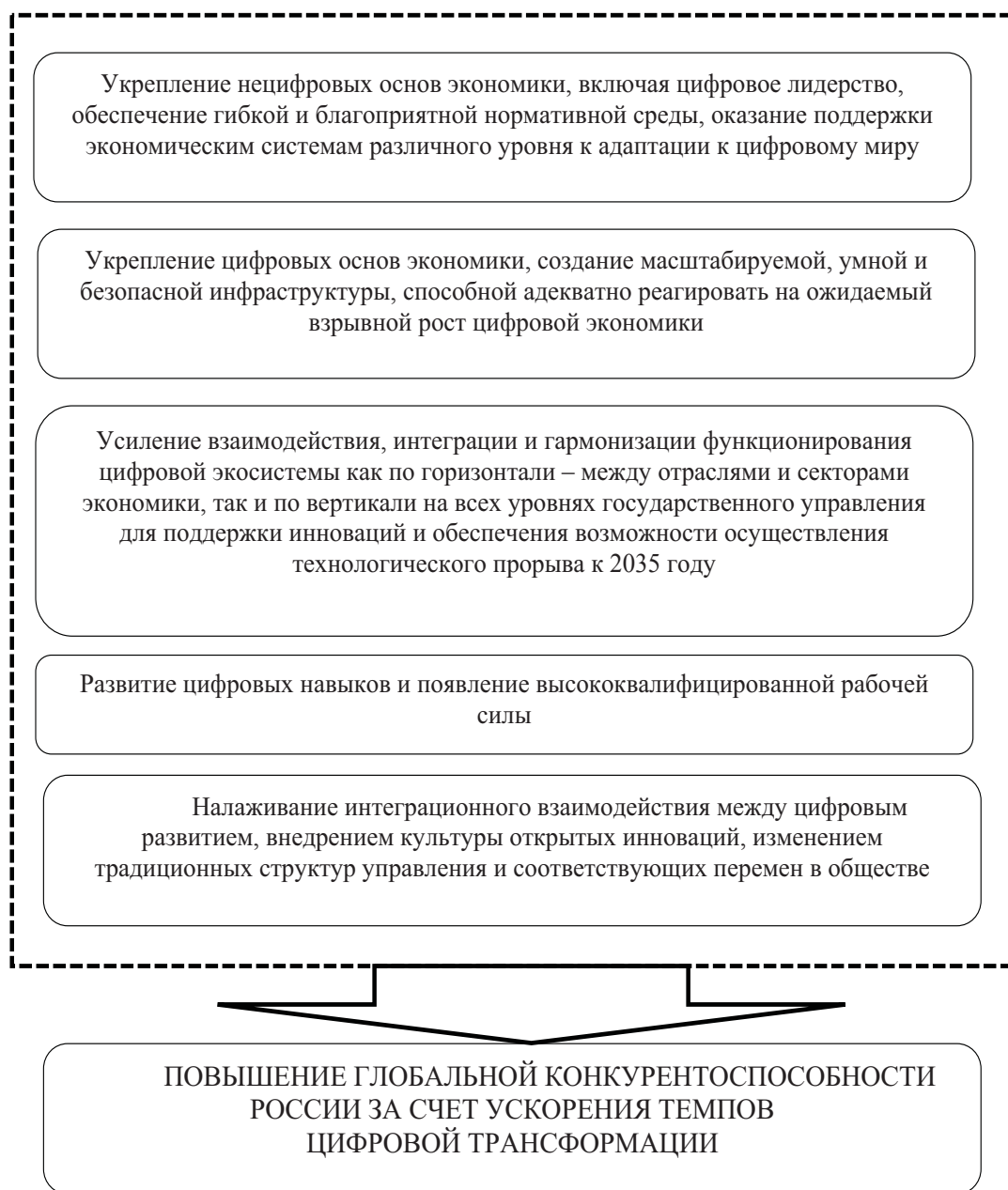

Рис. 1 Фундаментальные факторы, влияющие на повышение глобальной конкурентоспособности России в условиях осуществления ею технологического прорыва

Fig. 1. Fundamental factors affecting the enhancement of Russia's global competitiveness in the context of its technological breakthrough

На отраслевом уровне трансформация промышленности характеризуется минимизацией участия человека в производственном процессе и переходом к эффективному управлению на основе данных. Помимо широкого внедрения ERP-решений (Enterprise Resource Planning – планирование ресурсов предприятия), активно реализуются технологии, способствующие

трансформации традиционного производства в цифровое и характеризующиеся полной цифровой интеграцией производственных и логистических цепочек.

Эффективная практическая реализация системы подготовки инженерно-технических кадров невозможна без использования цифровой поддержки мониторинга и принятия решений и обеспечения

сетевого взаимодействия участников процесса подготовки кадров. В связи с этим многими исследователями осуществляется разработка методов цифровой поддержки мониторинга и принятия решений, обладающей потенциалом выявления базовых закономерностей и способностью прогнозирования развития системы подготовки кадров.

Ведущая позиция Германии в области обрабатывающей промышленности, производства оборудования и машиностроения позволила ей стать центром развития «Индустрии 4.0».

Научные исследования, разработка технологий производства и систем управления способствуют формированию нового подхода к индустриализации. Основные принципы «Индустрии 4.0» можно сформулировать следующим образом [1]:

1) функциональная совместимость. Киберфизические системы (носители обрабатываемых деталей, сборочных станций и продуктов), люди и «умные» производства должны иметь возможность общаться посредством «интернета вещей» и интернет-услуг;

2) виртуализация. «Умный» завод должен иметь виртуальную копию (так называемого

цифрового двойника), созданную посредством связывания данных от датчиков (получаемых в ходе мониторинга физических процессов) с виртуальными имитационными моделями производства;

3) децентрализация. Киберфизические системы должны быть способны принимать собственные решения в рамках «умных» производств;

4) функционирование в режиме реального времени. Сбор и анализ данных должны происходить в реальном времени с мгновенной выдачей результатов;

5) ориентация на услуги. Киберфизические системы, люди и «умные» заводы должны иметь возможность оказывать услуги через Интернет;

6) модульность. «Умным» заводам необходима гибкая адаптация к изменяющимся требованиям – путем замены или расширения отдельных модулей.

По данным McKinsey Global Institute 2016 рассчитывается индекс цифровизации промышленности MGI, который содержит 20 показателей для измерения цифровых активов, использования цифровых технологий, работников в каждой отрасли народного хозяйства (рис. 2) [2].

Рис. 2. Индекс цифровизации промышленности MGI, 2016

Fig. 2. Industrial Digitalization Index MGI, 2016

В IIoT (Industrial Internet of things) точно так же с помощью компьютерных сетей создается единое информационное пространство, к которому подключаются производственные объекты. Для этого на ключевые части оборудования устанавливаются датчики, исполнительные механизмы, контроллеры и человеко-машинные интерфейсы, информация с которых с помощью специального ПО или поставляется в удобном стандартизированном виде пользователям для удаленного контроля, анализа и принятия управленческих решений, или используется автоматизированными системами управления, работающими без участия человека [3].

В первом случае рост эффективности достигается за счет повышения уровня достоверности и полноты данных, которыми пользуются сотрудники самых разных подразделений, до этого разобщенных и относительно автономных. Полученная информация может быть использована, например, для предотвращения внеплановых простоев оборудования и аварийных ситуаций, перехода на «обслуживание по состоянию», ликвидации сбоев в управлении цепочками поставок. Во втором случае речь идет уже о достижении целевого уровня «Индустрии 4.0», т.е. о переходе на полностью автоматизированное цифровое производство, процессами в котором управляют «умные» устройства в режиме онлайн [4].

Сетевой контроль и управление производственным оборудованием, активами и ситуациями или контроль над производственным процессом приносят интернет вещей в сферу промышленного применения и интеллектуального производства. Интеллектуальные системы позволяют ускорить процесс производства новых продуктов, динамически реагировать на требования к продукции и производить оптимизацию производства и поставок товара в режиме реального времени с помощью сетевого оборудования, сенсоров, систем управления вместе взятых.

Актуальность подготовки инженерно-технических кадров, обладающих профессиональными компетентностями, соответствующими требованиям инновационного производства, программ и технологий, обусловлена важностью создания условий для [5]:

- целевой интенсивной подготовки инженерно-технических кадров в условиях цифровизации производства;

- непрерывного взаимодействия школ, исследовательских университетов и представителей производства в вопросах подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров, обеспечивающего непрерывность образования;

- появления на базе образовательных организаций и производств научно-технических площадок, лабораторий, бизнес-инкубаторов для создания инновационных коммерчески выгодных продуктов и эффективных производств на базе идей научно-исследовательских коллективов, вновь созданных предприятий и начинающих предпринимателей в целях развития цифровой экономики.

Цифровые системы управления, автоматизирующие процессы контроля, инструменты оператора и информационные системы обслуживания, оптимизирующие безопасность станций и заводов, относятся к компетенции интернета вещей [6].

Интернет вещей (Internet of Things, IoT) – это концепция, описывающая соединение реальных объектов с виртуальным миром через сеть Интернет. В основе понятия интернета вещей лежит идея, что если масса реальных объектов будет связана через Интернет, то все подключенные системы будут коммутировать друг с другом и образуют тандем, который позволит сформировать новый пользовательский опыт от взаимной интеграции систем и устройств.

На этой идее основан промышленный интернет вещей (Industrial Internet of Things, IIoT), где через сеть могут взаимодействовать как клиент с машинами, например, размещая индивидуальный заказ на производство, так и машины с машинами в процессе выполнения этого заказа. Такая интеграция позволяет решать поставленные задачи клиентом независимо и гибко.

Для обеспечения такого H2M (Human to Machine) и M2M (Machine to Machine) взаимодействия индустрия информационных технологий (ИТ) предлагает решения на базе облачных технологий [7].

Облачные технологии представлены набором сервисов, которые удаленно предоставляют клиентам (как человеку, так и машине) определенный спектр ресурсов и услуг. Облачные технологии позволяют объединить распределенные объекты в единое информационное пространство, что является необходимым условием организации гибких производств [8].

Но в то же время промышленный интернет вещей распространяется и на управление активами с помощью профилактического обслуживания, статистической оценки и измерений для обеспечения максимальной надежности.

Интеллектуальные промышленные системы управления также могут быть интегрированы с умными сетями электроснабжения (SmartGrid), что позволяет оптимизировать энергопотребление в реальном времени. Измерения, оптимиза-

ция оборудования, автоматизированные системы управления, обеспечение безопасности и жизнеобеспечения и другие функции реализуются огромным количеством сетевых датчиков [9].

Национальный научный фонд (National Science Foundation) в 2001 г. основал научно-исследовательский центр по интеллектуальным системам технического обслуживания (IMS) с целью исследования технологии прогнозирующей аналитики для мониторинга подключенных машин и определения сроков деградации оборудования и последующего предотвращения потенциальных отказов. Видение достижения практически нулевого отказа оборудования с использованием прогнозирующей аналитики на базе интернета вещей привело к дальнейшему развитию электронного производства и электронного обслуживания.

Термин ПИВ (промышленный интернет вещей) все чаще встречается в области обрабатывающей промышленности, подразумевая ту часть интернета вещей, которая связана с промышленностью. ПИВ в промышленной области, вероятно, будет иметь такое большое значение для бизнеса, что в конечном итоге приведет к четвертой промышленной революции, так называемой индустрии 4.0. Прогнозируется, что в будущем успешные компании смогут увеличивать свой доход с помощью интернета вещей, создавая новые бизнес-модели и повышая продуктивность, используя аналитику для инноваций, и преобразования рабочей силы. Потенциал роста путем внедрения ПИВ принесет 12 трлн долл. мирового ВВП к 2030 г. [9].

Хотя подключение и сбор данных являются ключевыми функциями ПИВ, они не должны быть целью, а лишь основой для достижения чего-то большего. Среди всех технологий профилактическое обслуживание, вероятно, является «легким выигрышем», так как оно применимо к существующим активам и системам управления. Цель интеллектуальных систем технического обслуживания – сократить время простоя и увеличить производительность. Одно это сразу же уменьшит расходы на техническое обслуживание на 30% [9].

Промышленная крупномасштабная аналитика данных будет играть ключевую роль в обеспечении интеллектуального профилактического обслуживания, но это не единственная возможность «промышленных больших данных» [10].

Киберфизические системы являются основной технологией промышленных больших данных и будут представлять собой интерфейс между человеческим и кибермиром. Такие системы могут быть спроектированы с использова-

нием архитектуры 5С (соединение (connection), преобразование (conversion), кибер (cyber), познание (cognition), конфигурация (configuration)), и она преобразует собранные данные в информацию, с которой можно работать, и в конечном счете смешается с физическими активами для оптимизации процесса. Такая интеллектуальная система была продемонстрирована Научно-исследовательским центром NSF интеллектуальных систем технического обслуживания (IMS) при университете Цинциннати на примере ленточной пилы в Чикаго в 2014 г. Ленточнопильные станки не всегда дорогостоящие, но затраты на ленточные пилы огромны, так как данное оборудование изнашивается очень быстро. Однако без применения интеллектуальной аналитики определить время фактической поломки ленточной пилы можно только на опыте. Разработанная прогнозирующая система сможет распознавать и отслеживать износ ленточных пил даже при изменяющихся начальных условиях так, чтобы пользователи могли получать информацию о лучшем времени замены ленточной пилы практически в реальном времени. Это значительно повысит удобство работы и безопасность оператора, а также сэкономит затраты на замену ленточных пил до их фактического разрыва. Разработанные аналитические алгоритмы были реализованы посредством облачных серверов и были доступны через Интернет и на мобильных устройствах.

Результаты

Цифровизация промышленных экономических систем приобретает разнообразные формы проявления. Большинство промышленных предприятий уже сейчас имеют высокую степень автоматизации производственных процессов. Некоторые из них даже строят дата-центры, внедряют облачные решения и современные технологии хранения и обработки данных.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что любая трансформация требует пристального внимания руководства, выделения лучших ресурсов и формирования позитивного имиджа компании, способного объединять персонал. Для цифровой трансформации также необходимы определенные компетенции действующих сотрудников наряду с созданием новых рабочих мест для специалистов, ответственных за сбор и анализ производственной информации.

Чем раньше начнется трансформация, тем больше потерь в производственном процессе – от сырья до конечного продукта – сможет выявить компания. Ранее недоступные решения по усо-

вершенствованию производственных процессов могут стать закономерными, что в конечном итоге приведет к общему улучшению показателей эффективности бизнеса.

Быстрое развитие и более широкое использование цифровых технологий в промышленности требуют дальнейшей модернизации действующей нормативно-правовой базы. Уточнение и, возможно, корректировка законодательной основы имеют важное значение для создания необходимого доверия и правовой определенности для промышленности.

Цифровые технологии развиваются так быстро, что правовые рамки необходимо постоянно контролировать для убеждения в том, что они остаются с учетом технологического развития. Также в перспективе требуется решение вопросов кибербезопасности деятельности промышленных систем. Защита данных должна стать важным принципом для стимулирования предприятий к инновациям и разработке новых идей, методов и технологий безопасности и защиты персональных данных.

Список литературы

1. Цифровизация, промышленный интернет вещей и Индустрия 4.0. Кратко // Neftegaz.RU. URL: <https://neftegaz.ru/tech-library/menedzhment/142438-tsifrovizatsiya-promyshlennyy-internet-veshchey-i-industriya-4-0-kratko> (дата обращения: 02.03.2019).
2. *Woetzel J.* Bridging global infrastructure GAPS. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Industries/Capital%20Projects%20and%20Infrastructure/Our%20Insights/Bridging%20global%20infrastructure%20gaps/Bridging-Global-Infrastructure-Gaps-Full-report-June-2016.ashx> (дата обращения: 02.03.2019).
3. *Koch V., Kuge S., Dr. Reinhard Geissbauer, Schrauf S.* Industry 4.0 and Opportunities and Challenges of the Industrial Internet. Strategy& PwC, 2014. 52 p.
4. Промышленный интернет вещей в России. Исследование TAdviser и ГК «Ростех» // TAdviser. Государство. Бизнес. IT. URL: <http://www.tadviser.ru> (дата обращения: 02.03.2019).
5. *Самостроенко Г. М., Сулима Е. П.* «Цифровое» наследство как фактор развития предпринимательства в области защиты персональных данных // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12, № 1. С. 252–258. DOI: 10.12737/24800
6. *Парахина Л. В.* Анализ зарубежных высокотехнологичных рынков // Проблемы и тенденции развития функционального и отраслевого менеджмента в условиях современной экономики : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. Орел, 2017. С. 192–197.
7. Industrial Internet of Things – IIoT // TAdviser. Государство. Бизнес. IT. URL: <http://www.tadviser.ru> (дата обращения: 02.03.2019).
8. *Hunt J., McManus A. G.* Key Java : Advanced Tips and Techniques. Springer Science & Business Media, 2013. 331 p.
9. *Сергеева О. Ю.* «Индустрия 4.0» как механизм формирования «умного производства» // Нанотехнологии в строительстве. 2018. Т. 10, № 2. С. 100–113. DOI: 10.15828/2075-8545-2018-10-2-100-113
10. *Кузьмина Н. Н., Ананченкова П. И.* Четвертая промышленная революция : глобальные вызовы и перспективы цифровизации. Часть 1. Цифровизация как основа четвертой промышленной революции // Труд и социальные отношения. 2018. Т. 29, № 2. С. 5–14. DOI: 10.20410/2073-7815-2018-29-2-5-14

Образец для цитирования:

Авдеева И. Л., Полянин А. В., Головина Т. А. Цифровизация промышленных экономических систем: проблемы и последствия современных технологий // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 238–245. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-238-245>

Industrial Economic Systems' Digitalization: Problems and Consequences of Modern Technologies

I. L. Avdeeva, A. V. Polyandin, T. A. Golovina

Irina L. Avdeeva, <https://orcid.org/0000-0002-4357-7809>, Central Russian Institute of Management – Branch of RANEPa, 5A Boulevard Pobedy, Orel 302028, Russia, i-avdeeva-i@yandex.ru

Andrey V. Polyandin, <https://orcid.org/0000-0003-1158-6898>, Central Russian Institute of Management – Branch of RANEPa, 5A Boulevard Pobedy, Orel 302028, Russia, polyandin.andrei@yandex.ru

Tatyana A. Golovina, <https://orcid.org/0000-0001-9258-4100>, Central Russian Institute of Management – Branch of RANEPa, 5A Boulevard Pobedy, Orel 302028, Russia, golovina_t78@mail.ru

Introduction. The article is devoted to the disclosure of the essence of the industry's digital transformation, which, according to the authors, is the key to building an economy of knowledge and obtaining measurable economic results by introducing cross-cutting technologies. **Theoretical analysis.** The fundamental factors influencing the increase of Russia's global competitiveness in the context of its technological breakthrough are highlighted. The main modern trends are the huge amount of information that companies have to deal with, the rapid change of business models, the emergence of innovative management tools. The problems of industrial economic systems' digitalization are analyzed, for the solution of which the adaptation of companies to new realities is required. It is digital transformation that can take the company to a new level of development and business efficiency. The article substantiates that the digital transformation of production and the legacy industries connected with it is a priority for all industrialized countries that have created their competitive advan-

tages during the industrial revolution of the 20th century. **Results.** It is proved that the digital transformation of production should be aimed at improving the efficiency, productivity and competitiveness of domestic industry in the world arena. Currently, this sector of the economy is undergoing major changes caused by the introduction of intelligent systems that promote the convergence of the physical and digital worlds. These extensive technological changes should be accompanied by the development of fundamentally new business processes at all levels of management.

Keywords: digital economy, industry digitalization, technological development, industry digitalization index, industrial Internet of things.

References

1. Digitalization, industrial internet of things and Industry 4.0. Briefly. *Neftegaz.RU*. Available at: <https://neftegaz.ru/tech-library/menedzhment/142438-tsifrovizatsiya-promyshlenny-internet-veshchey-i-industriya-4-0-kratko> (accessed 2 March 2019) (in Russian).
2. Woetzel J. *Bridging global infrastructure GAPS*. Available at: <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Industries/Capital%20Projects%20and%20Infrastructure/Our%20Insights/Bridging%20global%20infrastructure%20gaps/Bridging-Global-Infrastructure-Gaps-Full-report-June-2016.ashx> (assessed 2 March 2019).
3. Koch V., Kuge S., Dr. Reinhard Geissbauer, Schrauf S. *Industry 4.0 and Industrial Internet*. Strategy & PwC, 2014. 52 p.
4. Industrial Internet of Things in Russia. Study Tadviser and GC «Rostec». *TAdviser: State. Business. IT*. Available at: <http://www.tadviser.ru> (assessed 2 March 2019) (in Russian).
5. Samostroenko G. M., Sulima E. P. “Digital” Inheritance as a Factor of Development of Entrepreneurship in the Sphere of Protecting Personal Data. *Central Russian Journal of Social Sciences*, 2017, vol. 12, no. 1, pp. 252–258. DOI: 10.12737/24800 (in Russian).
6. Parahina L. V. Analysis of foreign high-tech markets. *Problemy i tendentsii razvitiya funktsional'nogo i otraslevogo menedzhmenta v usloviyakh sovremennoi ekonomiki* [Problems and trends in the development of functional and sectoral management in the modern economy. Proc. of the XII Int. sci. and pract. conf.]. Orel, 2017, pp. 192–197 (in Russian).
7. Industrial Internet of Things – IIoT. *TAdviser: State. Business. IT*. Available at: <http://www.tadviser.ru> (assessed 2 March 2019) (in Russian).
8. Hunt J., McManus A. G. *Key Java: Advanced Tips and Techniques*. Springer Science & Business Media, 2013. 331 p.
9. Sergeeva O. Yu. “Industry 4.0” as a mechanism for formation of “Smart production”. *Nanotekhnologii v stroitel'stve* [Nanotechnologies in Construction], 2018, vol. 10, no. 2. pp. 100–113 (in Russian). DOI: 10.15828/2075-8545-2018-10-2-100-113
10. Kuzmina N. N., Ananchenkova P. I. The Fourth Industrial Revolution: Global Challenges and Prospects for Digitalization. Part 1. Digitalization as the Basis of the Fourth Industrial Revolution. *Trud i sotsial'nye otnosheniya* [Labor and Social Relations], 2018, vol. 29, no. 2, pp. 5–14 (in Russian). DOI 10.20410/2073-7815-2018-29-2-5-14

Cite this article as:

Avdееva I. L., Polyaniin A. V., Golovina T. A. Industrial Economic Systems' Digitalization: Problems and Consequences of Modern Technologies. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 238–245 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-238-245>

УДК 65.012.3

Развитие внутреннего рынка государственного долга России: факторы формирования, перспективы изменения

Е. В. Огурцова, И. В. Комков

Огурцова Елена Вячеславовна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической теории и национальной экономики, Саратовский национально исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, tirolmen@yandex.ru

Комков Иван Викторович, магистр кафедры экономической теории и национальной экономики, Саратовский национально исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ivan_komkov@mail.ru

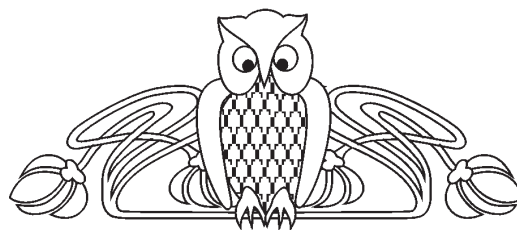
Введение. Статья посвящена анализу факторов формирования внутреннего долга Российской Федерации, перспектив развития внутреннего рынка государственных заимствований. Актуальность вопроса, связанного с внутренним долгом страны, усиливается сложной геополитической обстановкой, сложившейся вокруг России. В результате роста политической напряженности по отношению к российской экономике были введены ограничения доступа к внешним источникам финансирования. В этих условиях актуализируется вопрос развития внутреннего рынка государственного долга РФ. **Теоретический анализ.** В статье проанализированы основные факторы увеличения объемов внутренних заимствований, а именно: «майские указы» президента, низкая эффективность их реализации и санкции США и ЕС, которые ограничивают доступ к внешним ресурсам. **Эмпирический анализ.** Проведен анализ перспективного спроса на государственные облигации в качестве основного инструмента государственного заимствования на внутреннем рынке среди крупнейших держателей облигаций федерального займа – банков и нерезидентов. **Результаты.** В ходе изучения причин наращивания внутреннего долга выявлена проблема ограниченности спроса на государственные облигации. Предложены меры по исправлению этой ситуации. **Ключевые слова:** внутренний долг, облигации федерального займа, бюджетный дефицит, эффективность бюджетной политики.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-246-256>

Введение

В современных условиях финансовая система является определенным индикатором состояния всей экономики. Вместе с тем финансовая система страны – это и ключевой экономический регулятор, воздействие которого на национальную экономику может ускорить или замедлить ее развитие.

Определить состояние экономики страны, качественные его изменения, вектор данных

изменений возможно с помощью различных параметров и характеристик. Финансовый климат государства, его проблемы и перспективы оцениваются, в первую очередь, состоянием государственного бюджета, размером его дефицита/профицита, его динамикой, а также собственно величиной государственного долга – агрегированной характеристикой этого дефицита.

Теоретический анализ

Российское законодательство делит государственный долг на внешний и внутренний. Согласно ст. 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации, внутренним государственным долгом являются долговые обязательства, возникающие в валюте Российской Федерации, а также обязательства субъектов Федерации и муниципальных образований перед РФ, возникающие в иностранной валюте в рамках использования целевых иностранных кредитов (заимствований) [1]

Исследованием проблем государственного долга занимаются многие отечественные ученые. В работах А. Вавилова, Г. Трофимова, Б. Хейфец, А. Илларионова представлены особенности стабилизации государственного долга России. Управление государственным долгом исследуется в трудах А. Попковой, А. Улюкаева, М. Куликова, К. Астапова, Ю. Воронина. Динамика госдолга России анализируется в статьях А. Смирнова, А. Миронова и М. Гордиенко. Вопросы прогнозирования государственного долга рассматривают Е. Брюхов и Т. Осечкин. Особенностью данных исследований стало установление корреляции динамики государственного долга и динамики развития отечественной экономики, что позволило: спрогнозировать в среднесрочном периоде (2013–2017 гг.) объемы внутреннего и внешнего долга, построив тренды временных рядов; сформулировать подход к построению стабилизационной политики.

Текущий этап экономического развития характеризуется стремительным ростом внутреннего долга РФ, как в абсолютном выражении, так и в сравнении с медленнее растущим ВВП (рис. 1).

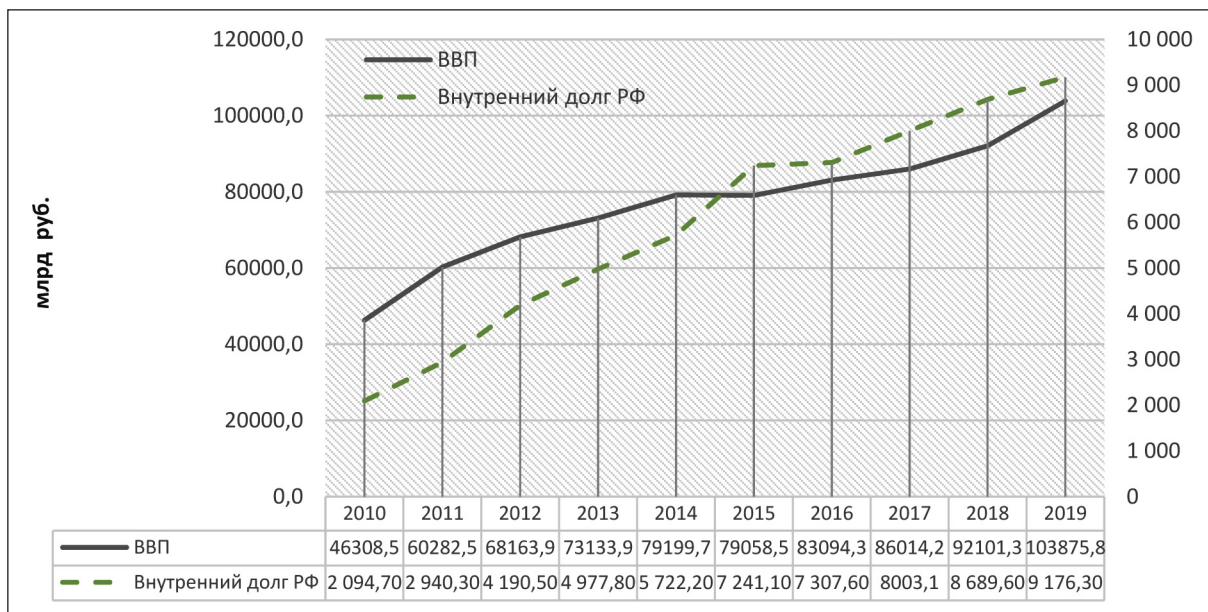

Рис. 1. Сопоставление роста ВВП и внутреннего долга РФ [2]

Fig. 1. Comparison of GDP growth and the Russian Federation's internal debt [2]

По состоянию на март 2019 г. внутренний долг РФ уже превышает 9 трлн руб. При этом только за последние пять лет он вырос более чем в 2 раза. Очевидно, что такие серьезные изменения в долговой политике России оказывают сильное влияние на экономику страны в целом. Для понимания процессов, происходящих в структуре долга Российской Федерации, важно определить основные причины этих изменений.

В первую очередь, рост долгового финансирования в новейшей истории России объясняется тем, что национальный долговой рынок является одним из основных источников финансирования дефицита федерального бюджета. Бюджетный дефицит и государственный долг пересекаются в момент выпуска займов для покрытия дефицита и при последующем нарастании долговых обязательств, когда процентные платежи увеличивают бюджетный дефицит будущих периодов.

Правительству приходится ежегодно занимать на внутреннем рынке свыше одного триллиона рублей. Законом контролируется, чтобы эта сумма не превышала суммарного годового объема налоговых поступлений и других доходов. Однако быстрый рост долга, как отмечают специалисты, уже в 2019 г. может привести к тому, что эти цифры не только сравниваются, но и изымаемые на погашение госдолга средства на 4,2% превзойдут налоговые поступления в казну. Также Минфин в прогнозах на 2019 г. ожидает рост государственного долга на 20% по отношению к внутреннему валовому продукту и более чем на 5% выросшие расходы по обслуживанию долга [2].

Привлекаемые средства, пополняя бюджет, распределяются на финансирование различных целей и задач, стоящих перед правительством. Однако постоянно растущая динамика привлекаемых, в основном на внутреннем рынке, заемных средств вызывает некоторое опасение. Для того чтобы оценить оправданность растущей такими темпами долговой нагрузки, необходимо проанализировать главные, по нашему мнению, причины этих изменений.

Один из основных факторов, определяющих динамику внутренних заимствований Российского государства, – санкционные ограничения, накладываемые США и ЕС на российскую экономику.

Ключевые санкции, оказавшие влияние на экономику РФ:

- ограничение доступа ряду российских банковских организаций к дешевым зарубежным займам;
- запрет иностранным банкам на финансирование определенных российских компаний и приобретение их продукции (пример: Роснефть и Газпромнефть);
- запрет для большинства стран ЕС инвестировать в российские компании и приобретать их акции;
- ограничение оборота ценных бумаг российских компаний и приобретения ценных бумаг иностранных компаний юридическими и физическими лицами Российской Федерации.

Результат этих ограничений и санкций выражается в следующих последствиях:

– рост процентных ставок по кредитам (как результат повышения Центральным банком ключевой ставки с целью снижения темпов падения рубля);

– поддержка компаний из федерального бюджета, что способствовало ускорению темпов инфляции и росту цен;

– повышение цен на продукцию компаний, привлекающих иностранный капитал. Примерами могут выступать следующие организации: компания «Сириус», концерн «Алмаз-Антей», автомобильные заводы «ГАЗ» и «АвтоВАЗ» и др.;

– повышение пенсионного возраста, рост налога на добавленную стоимость, на недвижимость, на добычу полезных ископаемых, акцизов на алкогольную продукцию, табак и т.д. По мнению большинства экспертов-аналитиков, именно рост оттока капитала из страны стал основной причиной экономической нестабильности в России, начавшейся в 2014 г.;

– снижение рейтинга российских компаний на мировом рынке;

– отток иностранного капитала, который начался в марте 2014 г. и продолжается по сей день.

По объективным причинам вводимые с 2014 г. антироссийские санкции ограничили доступ России к рынку внешних займов. Внешний долг Российской Федерации со своего пикового значения в 732,7 млрд долл. в июле 2014 г. снизился до уровня 453,7 млрд долл. в начале 2019 г. За 2018 г. внешние займы сократились на 64,4 млрд долл., или на 12,4% [2]. По словам главы Центрального банка Российской Федерации Э. Набиуллиной, Российское государство будет активно погашать внешний долг и контролировать внешний долг российских компаний [3].

Внутренний долг РФ также не остался за пределами внимания западных политиков. В августе 2018 г. в конгрессе США обсуждался новый пакет санкций. На этот раз санкции должны ограничить нерезидентам доступ к российскому суверенному долгу. Санкционные риски моментально сказались на размещениях Минфина, которому удалось реализовать сравнительно скромные объемы облигаций федерального займа (ОФЗ) – 81 млрд руб. за месяц, что примерно в три раза меньше, чем за аналогичный период 2017 г. [2]. В условиях перманентной неопределенности относительно возможных санкций спрос на гособлигации остается нестабильным (рис. 2).

Рис. 2. Ежемесячные объемы размещения ОФЗ (фактические и запланированные на 2019 г.) [4]

Fig. 2. Monthly volumes of Russia's government bonds placement (actual and planned for 2019) [4]

Санкционные риски привели к тому, что присутствие иностранных инвесторов на рынке ОФЗ заметно сократилось. С марта 2018 г. доля принадлежащих им бумаг уменьшилась с 34,4 до 25,7%. В номинальном выражении объем сократился на 500 млрд руб. [5]. Отношение иностранных инвесторов к российскому долговому рынку остается

весьма осторожным. В связи с этим перспектива запланированных масштабных государственных заимствований вызывает вопросы.

Не менее значимым фактором, обуславливающим динамику внутренних заимствований Российского государства, является низкая эффективность бюджетных расходов.

В рейтинге эффективности бюджетных расходов, составленном экспертами Высшей школы экономики, Россия заняла 19-е место из 25-и стран с сопоставимой по размерам экономикой [5]. При построении рейтинга экспертами были проанализированы государственные расходы и макроэкономические показатели состояния экономики различных стран после глобального кризиса, охватывающие период с 2010 по 2015 г. Низкое место России в рейтинге авторы объясняют невысокими оценками результативности госуправления, показателями детской смертности и низкой продолжительности жизни. Позиции России ниже среднего и по индикаторам коррупции, независимости судебной системы, соблюдению прав собственности.

К сожалению, приходится признать, что уровень эффективности расходования бюджетных средств в России остается достаточно низким. До сих пор для руководителей финансово-экономических подразделений бюджетных учреждений основным результирующим показателем деятельности является уровень исполнения смет, т.е. в основном их оценка эффективности организации ограничивается сравнением «плана» и «факта». Таким образом, расходы заранее сориентированы в первую очередь на их 100%-ное исполнение, а не на достижение конкретного результата. Осуществляемые мероприятия по экономии и эффективности носят, как правило, условный характер, а любые траты всегда можно формально подвести под государственные или внутриведомственные целевые программы. Такой принцип работы дает почву для процветания коррупции и других вариантов нецелевого использования бюджетных средств. Это, в свою очередь, приводит к тому, что для выполнения государственных функций требуется значительно больший объем привлекаемых средств, чем необходимо на самом деле. Таким образом, коррупция и низкая эффективность бюджетных расходов напрямую связаны с ростом внутреннего долга.

Любое казенное, бюджетное или автономное учреждение, федеральное государственное унитарное предприятие, как и министерство, ведомство или служба в целом, подвергается многочисленному числу ежегодных проверок, сдает различные формы бухгалтерской, финансовой, статистической и другой отчетности. В 2017 г. Счетная палата выявила более 6,5 тыс. нарушений в расходовании бюджетных средств на 1,9 трлн руб. против 3,9 тыс. нарушений на 965 млн руб. в 2016 г. В 2017 г. Счетная палата вернула в бюджет 18,8 млрд руб. против 8,8 млрд руб. в 2016 г. При этом по большинству выявленных нарушений возврат средств в бюджет невозможен.

Наиболее часто встречающиеся виды нарушений приходится на осуществление государственных закупок (2,3 тыс. нарушений на 118,7 млрд руб.), формирование и исполнение бюджетов (почти 2 тыс. нарушений на 599 млрд руб.), ведение бухгалтерского учета, составление бюджетной отчетности (586 нарушений на 813,5 млрд руб.) [6].

Острой проблемой в бюджетной сфере России всегда была организация эффективного финансового регулирования. Особую актуальность имеют вопросы создания новых форм и методов финансового контроля. Финансирование учреждений с целью исполнения бюджетных заданий, а не на основе принятых смет предполагает новые подходы к контролю и смещение акцентов в контроле на вопросы выполнения конкретных задач.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что недостаточность принимаемых мер, направленных на решение проблем в части использования бюджетных средств, является одной из главных причин низкой эффективности функционирования бюджетной системы. Это, в свою очередь, вынуждает правительство привлекать дополнительные ресурсы из внешних и внутренних источников, увеличивая тем самым размер государственного долга [7].

Значимое влияние на динамику внутренних заимствований Российского государства оказывают и институциональные факторы. Президент РФ Владимир Путин 7 мая 2018 г. подписал указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Первоочередными были определены следующие задачи: вхождение России в топ-5 крупнейших экономик мира, увеличение реальных доходов населения и повышение доступности ипотеки.

Согласно опубликованным правительством материалам, на реализацию поставленных целей в общей сложности потребуется 25,7 трлн руб. Наиболее дорогим станет национальный проект модернизации магистральной инфраструктуры – он обойдется в 6,35 трлн руб. (не учитывая стоимости энергетической части проекта). Безусловно, «майские указы» окажут серьезное влияние на структуру расходов бюджета в ближайшие шесть лет. Бюджетные расходы в 2019 и в 2020 гг. уже выросли на 10% по сравнению с предыдущими планами [8] (рис. 3).

Для таких ресурсоемких задач потребуются дополнительные источники финансирования. Частично увеличение расходов бюджета компенсируется увеличением налоговых доходов за счет повышения НДС с 18 до 20% в 2019 г. Однако

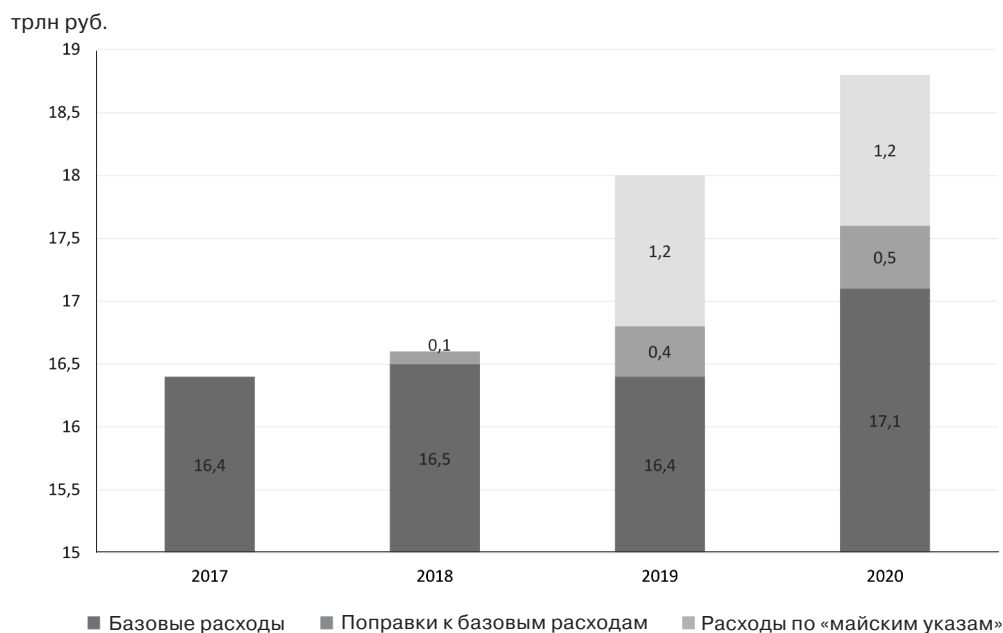

Рис. 3. Расходы федерального бюджета на 2018–2020 гг., расходы по «майским указам» и поправки к базовым расходам бюджета [9]

Fig. 3. The expenditures of the Federal budget in 2018–2020, the cost of the “May decrees” and amendments to the base budget expenditures [9]

еще более важным источником финансирования станет рост государственных займов – на 85% в 2019 г. и на 60% в 2020 г. относительно планируемого изначально, несмотря на то, что в 2019 г. бюджет посчитан профицитным [3]. Долг увеличится из-за того, что государство может потратить лишь часть нефтегазовых доходов. Согласно бюджетному правилу, доходы, полученные от продажи нефти по цене выше 40 долл. за баррель (этот уровень ежегодно индексируется на 2 п.п.), не расходуются, а направляются в Фонд национального благосостояния (ФНБ). Если не учитывать средства этого фонда, бюджет все еще остается дефицитным (2,7% ВВП в 2018 г. и 1,5% ВВП в 2019–2021 гг.) [9]. Наличие этого дефицита и объясняет необходимость государственных заимствований (рис. 4).

Невыполнение (в основном по причине новых санкций) программы заимствований в 2018 г. не представляет опасности для бюджета благодаря текущему профициту, но в более долгосрочной перспективе ситуация становится менее определенной. Возникает вопрос, насколько Минфин РФ будет способен привлечь заемные ресурсы, необходимые для покрытия запланированных возросших расходов, при сокращении присутствия иностранных инвесторов [10].

В проекте бюджета на 2019–2021 гг. заложено увеличение валовых объемов привлечения внутреннего государственного долга до 2,5 трлн

руб. Для сравнения, в 2017 г. Минфин разместил ОФЗ на 1,7 трлн руб., а в 2018 г. объем реализованных бумаг составил около 1 трлн руб. [2]. В ситуации сохранения неопределенности относительно дальнейших санкций и ограниченного спроса на российский суверенный долг министерство окажется перед выбором: размещать ОФЗ на менее выгодных условиях, т.е. под более высокий процент, или залезть в ФНБ для успешного финансирования всех инициатив в рамках «майских указов».

Кроме того, планы по размещению госдолга создают риски классического эффекта вытеснения, когда государство конкурирует за финансовые ресурсы с другими финансовыми институтами. Планируемые в 2019 г. чистые объемы государственного заимствования сравнимы с прогнозируемым Центробанком ростом корпоративного портфеля кредитов. При таких условиях увеличиваются риски роста рыночных процентных ставок кредитования. Это может оказать негативное влияние на экономику страны, учитывая, что в половине отраслей сегодня уровень рентабельности ниже средней ставки по кредиту.

Эмпирический анализ

Несмотря на растущую тенденцию, стоит признать относительно низкий уровень закредитованности нашей страны (13,2% соотношение

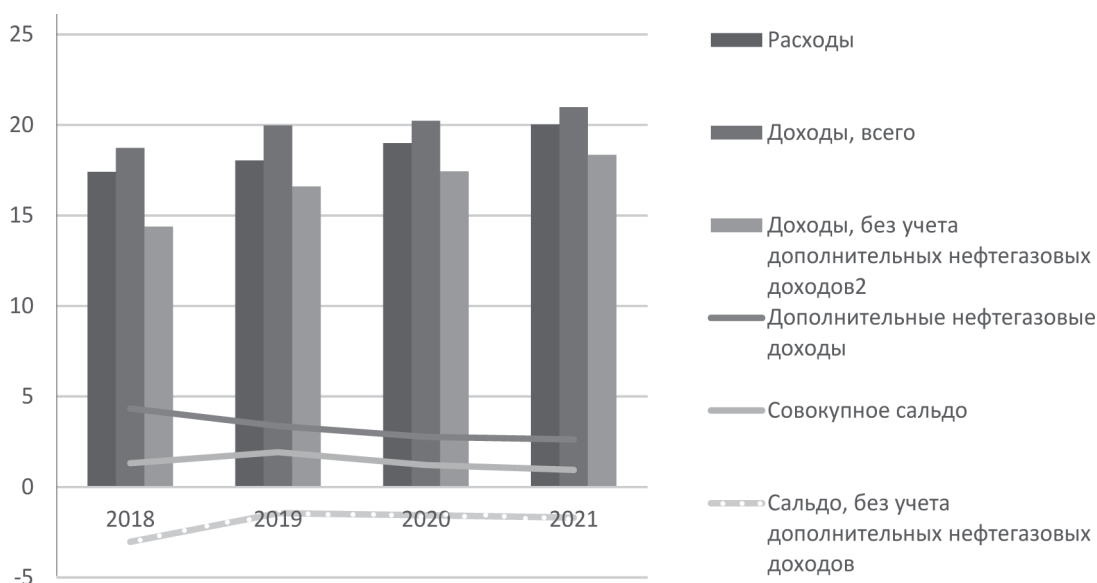

Рис. 4. Доходы и расходы федерального бюджета в 2018–2021 гг., трлн руб. [11]
 Fig. 4. Revenues and expenditures of the Federal budget in 2018–2021, billion rubles [11]

государственного долга/ВВП по состоянию на 2018 г.) и достаточно сбалансированную структуру долговых обязательств [9]. В условиях пересмотра кредитного рейтинга в сторону улучшения и объективно низкой вероятности повторения дефолта имеет смысл проанализировать рынок внутреннего долга Российской Федерации с точки зрения возможности привлечения необходимого объема средств для финансирования всех запланированных проектов. Учитывая текущую конъюнктуру, реализация Минфином планов по привлечению рекордных 2,4 трлн руб. [2] ежегодно у многих вызывает сомнение. Для оценки реалистичности этих планов необходимо проанализировать структуру основных групп инвесторов, оценить перспективы увеличения спроса со стороны каждой из этих групп, основываясь на статистических сопоставлениях и качественных выводах.

Структура основных инвесторов в ОФЗ (по состоянию на 01.07.2018) представлена на рис. 5. По данным диаграммы можно определить, что главными держателями внутреннего долга РФ являются российские банки и нерезиденты.

Облигации федерального займа нужны банкам, в первую очередь, для обеспечения необходимого уровня ликвидности своих активов и реализации краткосрочных консервативных стратегий инвестирования. Поэтому в отличие от нерезидентов, которые предпочитают покупать ОФЗ сроком от трех до десяти лет, российские банки предпочитают более короткие бумаги – сроком до трех лет. Доля ценных бумаг в струк-

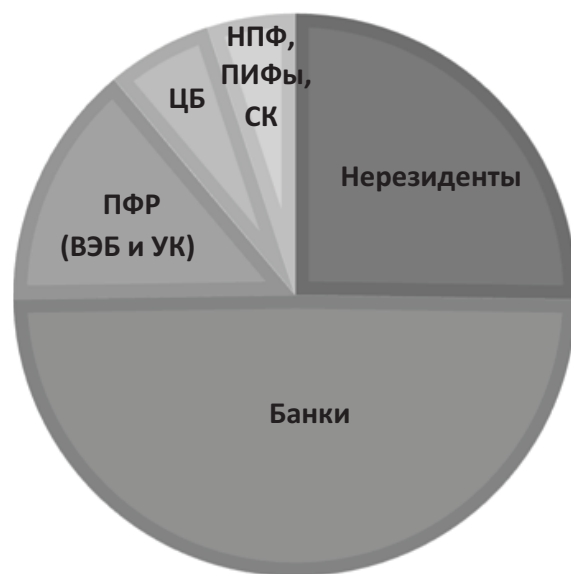

Рис. 5. Основные группы инвесторов на рынке ОФЗ (на 01.07.2018 г.) [2]

Fig. 5. Main groups of investors in the Russia's government debt market (as of July 1, 2018) [2]

туре активов российских банков не превышает 15%, при этом доля ОФЗ меньше 5%. Последние 10 лет этот показатель находился в диапазоне 3–4%. На 1 января 2019 г. он составлял 3,3% [4].

Оценивая заинтересованность банков в ОФЗ в будущем, определяем спрос банков «инерционным», т.е. зависящим только от роста банковского сектора. Долю вложений в ОФЗ в активах банков

в этих расчетах считаем неизменным показателем. Таким образом, учитывая, что в настоящий момент активы банковского сектора составляют примерно 97% ВВП, получаем, что чистый рост активов на 10% неизбежно приведет к расширению банковского спроса на ОФЗ на 0,3–0,4% ВВП, эквивалентным объему ОФЗ на 300–400 млрд руб. в год.

Следующий шаг заключается в определении прогнозных значений темпов роста банковского сектора на ближайшие три года. В 2018 г. объем активов банков вырос на 10,4%, или на 8,9 трлн руб. [12]. При этом суммарный объем активов, находящихся на балансе банков, по итогам года составил 94,1 трлн руб. В 2019–2021 гг. в целом по экономике ожидаются довольно низкие темпы роста. Ноябрьский прогноз Минэкономразвития РФ в базовом сценарии предполагает увеличение банковских активов в ближайшие три года в среднем на 7–9%. В этом сценарии, как указывалось выше, инерционный спрос со стороны банков позволит расширить вложения в ОФЗ не более чем на 0,4% ВВП.

Естественно, доля ОФЗ в структуре банковских активов не обязательно должна оставаться на текущем уровне. Она может увеличиться при ухудшении качества кредитного портфеля, что, впрочем, не вполне соответствует прогнозам о переходе к позитивной фазе экономического цикла. Либо доля ОФЗ изменится при осложнении ситуации с ликвидностью – чего трудно ожидать, поскольку последнее время речь идет, скорее, о ее избытке. Остается фактор возможного роста реальных ставок по ОФЗ – отметим, что текущие ставки (на уровне 8%, по индексу доходности Cbonds-GBI RU YTM) уже превышают 2,5% в реальном выражении [13]. Следовательно, с учетом объемных потребностей в привлечении заимствований по ОФЗ в ближайшие три года вряд ли возможно значительное снижение доходности облигаций.

Для того чтобы оценить перспективы спроса нерезидентов на рынке ОФЗ, необходимо изучить поведение иностранных участников в предыдущие годы. Рассмотрим данные по доле нерезидентов на рынке ОФЗ и по динамике номинального объема их вложений (рис. 6).

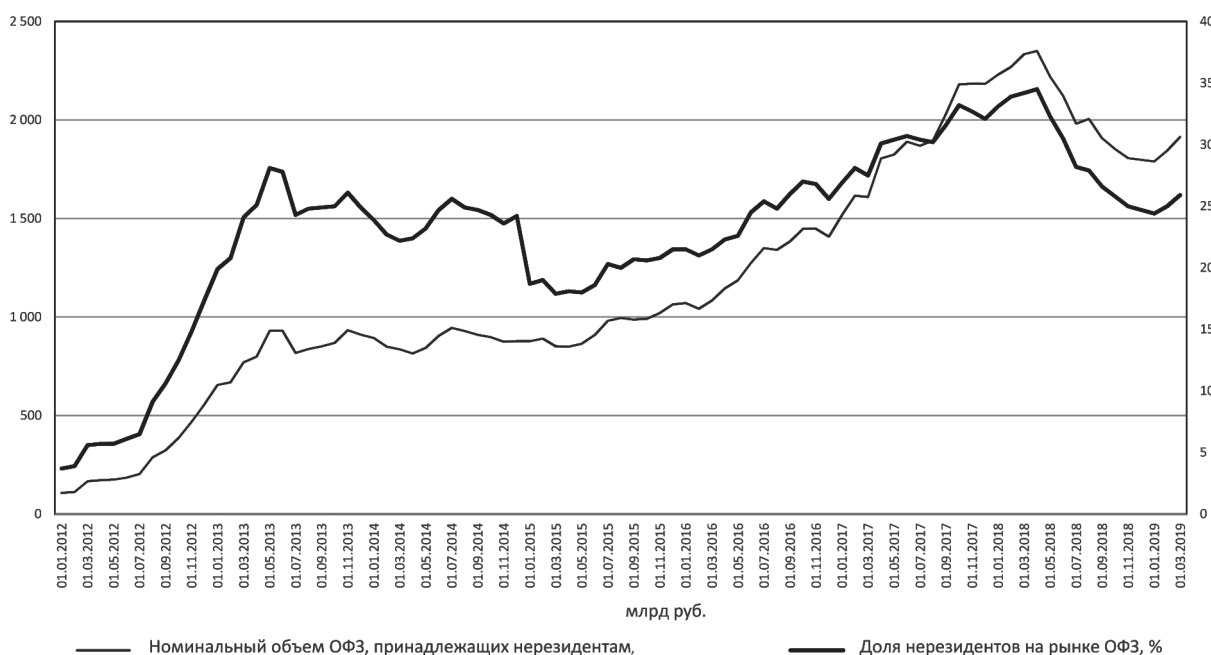

Рис. 6. Динамика объема вложений и доли нерезидентов в ОФЗ [12]

Fig. 6. Dynamics of volume of investments and share of non-residents in Russia's government bonds [12]

График демонстрирует бурный рост доли нерезидентов в 2012 – начале 2013 г., который был вызван институциональной реформой либерализации рынка ОФЗ; с середины 2013 г. по конец 2014 г. эта доля принципиально не менялась. В начале 2015 г. она существенно снизилась, однако, как показывает динамика номинального объема,

иностранцы не распродавали данный актив. Снижение доли произошло ввиду прочих обстоятельств, в первую очередь из-за появления антикризисного пакета ОФЗ на 1 трлн руб. [2]. С середины 2015 г. и доля, и номинальный объем ОФЗ на руках у нерезидентов уверенно росли до апреля 2018 г., когда возник риск санкций со

стороны США. Кроме того, повышение ставки Федеральной резервной системы, нестабильная ситуация в мировой экономике, торговые войны между США и Китаем и кризис в Турции привели к оттоку капитала из экономик развивающихся стран, в том числе и России, в направлении более надежных активов. Впервые можно было наблюдать массовую распродажу ОФЗ иностранными участниками рынка. В 2018 г. доля нерезидентов во внутреннем долге снизилась почти на 30% [2]. В 2019 г. ситуация стала меняться в лучшую сторону, инвесторы возвращаются в Россию на фоне повышения суверенного рейтинга от основных международных агентств (S&P, Moody's и Fitch), высоких цен на

нефть и смягчения риторики США и ЕС касательно новых пакетов санкций против России.

Главная причина роста популярности вложений нерезидентов в российские рублевые облигации заключается в привлекательной реальной доходности этих ценных бумаг в условиях умеренных рисков. Помимо этого, важным фактором роста привлекательности ОФЗ стала девальвация рубля в 2014 г., которая увеличила покупательную способность иностранных инвестиционных фондов, включивших в свой портфель рублевые активы [4].

Сравним два графика: индексную доходность ОФЗ (Cbonds-GBI RU YTM) и уровень инфляции на конец года с 2012 г. (рис. 7).

Рис. 7. Доходность ОФЗ (Cbonds-GBI RU YTM) в сравнении с официальной инфляцией по итогам года [2, 12]
 Fig. 7. The yields of Russia's government bonds (Cbonds-GBI RU YTM) in comparison with inflation rate by the end of the year [2, 12]

При сравнении графиков можно заметить, что с конца 2016 г. реальные ставки по ОФЗ превышали 2%, что для рынка государственных облигаций можно назвать существенной премией. Такая ситуация стала возможной из-за того, что годовая накопленная инфляция под влиянием шока конца 2014 г. в 2015 г. не в полной мере отражала ожидаемую инфляцию, важный показатель, определяющий размер реальных ставок. При этом относительно высокая ключевая ставка Банка России сохранила привлекательные доходности по ОФЗ, которые создали повышенный спрос на российский внутренний долг в 2016–2017 гг.

Очевидно, потенциальные инвесторы-нерезиденты также сопоставляют уровень доходно-

сти по ОФЗ с альтернативными возможностями вложений. В роли главного бенчмарка выступают условно безрисковые активы – американские казначейские облигации. На начало 2019 г. доходность к погашению UST 10Y составляла 2,5%, а пятилетних бумаг UST 5Y – 2,3% при инфляции доллара 2,1% по итогам 2018 г., т.е. показатели доходности остаются очень невысокими в реальном выражении [14].

Для нерезидентов, инвестирующих валютные ресурсы в рублевые активы, важнейшее значение имеют курсовые риски. Несколько лет назад, после шоковой девальвации в конце 2014 г. и в условиях падения цен на нефть до многолетнего минимума, риски дальнейшей девальвации рубля были на низком уровне. Однако в 2018 г.

курс рубля снижался даже при стремительно растущих ценах на нефть. Несмотря на то, что в 2019 г. Минэкономразвития РФ ожидает падение рубля не больше, чем на 2–3%, предыдущий год показал, что курс национальной валюты крайне чувствителен к внешнему политическому фону и все еще остается высоко волатильным.

Важнейшее влияние на спрос на ОФЗ нерезидентов будет оказывать также дальнейшая политика ФРС США касательно базовой ставки. В последние годы ставка стала расти и в начале 2019 г. временно зафиксировалась на уровне 2,25–2,5%, что, безусловно, стало одной из причин оттока капитала с развивающихся рынков, в том числе и из российской экономики. Судя по последним заявлениям ФРС, американский центральный банк планирует приостановить дальнейшее ее повышение, однако в долгосрочной перспективе постепенное увеличение ставки до 3% вполне возможно. Если это произойдет, то однозначно приведет к уходу ряда инвесторов из России.

Результаты

Подводя итоги, заметим, что в ходе проведенного анализа были определены три фактора положительной динамики внутреннего долга: «майские указы» президента, низкая эффективность их реализации и санкции США и ЕС, которые ограничивают доступ к внешним ресурсам заимствования. Относительно небольшой объем государственного долга России обуславливает хорошие возможности использования источников долгового финансирования без существенного увеличения долгового бремени. Однако перспективы наращивания наиболее актуальной части долга – внутреннего – тесно связаны с емкостью спроса со стороны основных групп инвесторов, с перспективами его расширения. Наибольшую значимость в формировании спроса на ОФЗ исторически имели российские банки и нерезиденты. Существующие тенденции не позволяют прогнозировать высокие темпы роста банковских активов в ближайшие годы, а высокие санкционные риски являются барьером для иностранных инвестиций.

Тем не менее, дефицит бюджета и планы правительства определяют необходимость привлечения дополнительных средств. Учитывая текущую макроэкономическую ситуацию, рассчитывать возможно исключительно на внутренний рынок кредитования, который в определенной степени ограничен. В связи с этим возрастают риски того, что Минфину не удастся реализовать план по ежегодному размещению

ОФЗ более чем на 2 трлн руб. Конъюнктура рынка суверенного долга, вероятно, подтолкнет министерство к финансированию части инициатив «майских указов» за счет средств Фонда национального благосостояния, что де-факто эквивалентно некоторому смягчению бюджетного правила. При этом высока вероятность роста процентных ставок по заемным ресурсам. Альтернативным способом реализации поставленных задач мы видим развитие внутреннего рынка государственного долга РФ за счет создания и совершенствования условий и инструментов его функционирования.

Список литературы

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 27.12.2018). Доступ из справ.-правовой система «КонсультантПлюс».
2. Государственный внутренний долг Российской Федерации // Министерство финансов РФ : [сайт]. URL: https://www.minfin.ru/ru/performance/public_debt/internal/ (дата обращения: 04.03.2019).
3. Результаты заседания Совета по стратегическому развитию и нацпроектам от 24 октября 2018 года // Президент России : [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58894> (дата обращения: 04.04.2019).
4. Статистика внешнего сектора // Центральный банк Российской Федерации : [сайт]. URL: http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=svs&ch=ITM_52410#CheckedItem (дата обращения: 04.03.2019).
5. Акиндинова Н. В., Чернявский А. В., Чепель А. А. Межстрановой анализ структуры и эффективности бюджетных расходов // *Вопр. экономики*. 2018. № 12. С. 5–27.
6. Риски бюджета : внутренний долг РФ вырос до рекорда. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/96653> (дата обращения: 22.03.2019).
7. Кривошапко Ю. Миллиарды на вынос : Внешний долг России сокращается рекордными темпами. URL: <http://rg.ru/2016/01/20/gosdolg.html> (дата обращения: 10.04.2019).
8. Почему российской экономике не поможет увеличение госдолга. URL: https://finance.rambler.ru/markets/41261453/?utm_content=rfinance&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 10.04.2019).
9. Бюджет для граждан. К Федеральному закону о федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов. М., 2017. URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2017/12/main/BDG_2018_FINAL.pdf (дата обращения: 04.03.2019).
10. Михненко Е. В. Облигации федерального займа : сущность, особенности, доходность // *Современные научные исследования : актуальные вопросы, достижения и инновации* : материалы Междунар.

- (заочной) науч.-практ. конф. Нефтекамск, 2017. С. 112–115.
11. Обзор ситуации в банковском секторе в декабре и прогноз на 2019 год. URL: <http://www.riarating.ru/banks/20190130/630116326.html> (дата обращения: 14.04.2019).
 12. Группа индексов : Основной индекс государственных облигаций Мос Биржи – RGBI. URL: http://ru.cbonds.info/indexes/indexdetail/?group_id=121 (дата обращения: 25.03.2019).
 13. Влияние санкций на экономику России // Бизнес Клуб Онлайн : [сайт]. URL: <http://biznesklubonline.com/stati/556/> (дата обращения: 14.03.2019).
 14. Bureau of Labor Statistics // United States Department Labor. Site. URL: <https://www.bls.gov/news.release/cpi.toc.htm> (дата обращения: 04.03.2019).

Образец для цитирования:

Огурцова Е. В., Комков И. В. Развитие внутреннего рынка государственного долга России: факторы формирования, перспективы изменения // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 246–256. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-246-256>

Russia's Internal Debt Market Development: Formation Factors, Prospects of Change

E. V. Ogurtsova, I. V. Komkov

Elena V. Ogurtsova, <https://orcid.org/0000-0002-8751-7138>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, tirolmen@yandex.ru

Ivan V. Komkov, <https://orcid.org/0000-0002-8546-7739>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, ivan_komkov@mail.ru

Introduction. The article is devoted to the Russian Federation's internal debt formation factors analysis, to the development prospects of internal borrowings market. The urgency of the issue related to the internal debt of our country is in the difficult geopolitical situation that has developed around Russia. Due to political tension, our country was partially limited from external sources of funding. Under these conditions, the most urgent now is the question of the Russian Federation's internal debt, its current state and the prospects for its further increase. **Theoretical analysis.** The article analyzes three main factors of increasing the volume of domestic borrowing, namely: the president's "May decrees", low efficiency of their implementation and sanctions imposed by the US and the EU, which restrict access to external resources. **Empirical analysis.** An analysis was made concerning the prospects for government bonds demand, as the main instrument of government borrowing at the domestic market, among the largest holders of government bonds: banks and non-residents. **Results.** In the course of studying the causes of increasing domestic debt, the problem of limited demand for government bonds was revealed. At the end of the article, measures were proposed to remedy this situation.

Keywords: domestic debt, federal bonds, sanctions, budget deficit, banking, foreign investors, budget policy effectiveness.

References

1. Budget Code of the Russian Federation of 31.07.1998 no. 145-FZ (an edition of 27.12.2018). *АТП «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
2. Public internal debt of the Russian Federation. *Ministry of Finance of the Russian Federation*. Site. Available at: https://www.minfin.ru/performance/public_debt/internal/ (accessed 4 March 2019) (in Russian).
3. Results of the meeting of the Council for Strategic Development and National Projects of October 24, 2018. *Prezident Rossii* (President of Russia. Site). Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/58894> (accessed 4 April 2019) (in Russian).
4. External sector statistics. *Tsentral'nyi bank Rossiiskoi Federatsii* (Central Bank of the Russian Federation. Site). Available at: http://www.cbr.ru/statistics/?Prtd=svs&ch=ITM_52410#CheckedItem (accessed 4 March 2019) (in Russian).
5. Akindinova N. V., Chernyavsky A. V., Chepel A. A. Cross-Country Analysis of the Structure and Efficiency of Budget Expenditures. *Voprosy Ekonomiki*, 2018, no. 12, pp. 5–27 (in Russian).
6. *Riski byudzheta: vnutreniy dolg Rossii vyros do recorda* (Budget risks: Russia's domestic debt rose to a record). Available at: <https://www.vestifinance.ru/articles/96653> (accessed 22 March 2019) (in Russian).
7. Krivoshepko Yu. *Milliardy na vyнос: Vneshniy dolg Rossii sokraschaetsia rekordnymi tempami* (Billions to go: Russia's foreign debt is shrinking at a record pace). Available at: <http://rg.ru/2016/01/20/gosdolg.html> (accessed 10 April 2019) (in Russian).
8. *Pochemu rossiiskoi ekonomike ne pomozhet uvelichenie gosdolga* (Why the Russian economy will not help the increase in public debt). Available at: https://finance.rambler.ru/markets/41261453/?utm_content=rfinance&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (accessed 10 April 2019) (in Russian).
9. *Byudzhet dlya grazhdan. K Federal'nomu zakonu o federal'nom byudzhete na 2018 god i na planovyy period 2019 i 2020 godov* (Budget for citizens. To the Federal Law on the Federal Budget for 2018 and for the planning period of 2019 and 2020). Moscow, 2017. Available at: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2017/12/main/BDG_2018_FINAL.pdf (accessed 4 March 2019) (in Russian).

10. Mihnenko E. V. Federal loan bonds: essence, features, profitability. In: *Sovremennye nauchnye issledovaniya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii* [Modern scientific research: topical issues, achievements and innovations. Materials of the Int. (correspondence) sci. and pract. conf.]. Neftekamsk, 2017, pp. 112–115 (in Russian).
11. *Obzor situatsii v bankovskom sektore v dekabre i prognoz na 2019 god* (Review of the situation in the banking sector in December and forecast for 2019). Available at: <http://www.riarating.ru/banks/20190130/630116326.html> (accessed 14 April 2019) (in Russian).
12. *Gruppa indeksov: Osnovnoi indeks gosudarstvennykh obligatsiy Mos Birzhy – RGBI* (Index group: The main index of government bonds of Mos Exchange – RGBI). Available at: http://ru.cbonds.info/indexes/indexdetail/?group_id=121 (accessed 25 March 2019) (in Russian).
13. The impact of sanctions on the Russian economy. *Biznes Klub Online. Site*. Available at: <http://biznesklubonline.com/stati/556/> (accessed 14 March 2019) (in Russian).
14. Bureau of Labor Statistics. *United States Department Labor. Site*. Available at: <https://www.bls.gov/news.release/cpi.toc.htm> (accessed 4 March 2019).

Cite this article as:

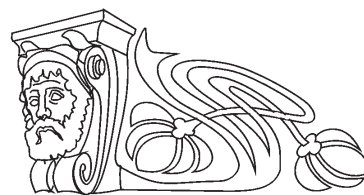
Ogurtsova E. V., Komkov I. V. Russia's Internal Debt Market Development: Formation Factors, Prospects of Change. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 246–256 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-246-256>

УДК 330.342

Цифровая экономика: содержание и тенденции развития

М. А. Каткова, Ю. С. Титова

Каткова Марина Андреевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика труда и производственных комплексов», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., mkatkova@mail.ru

Титова Юлия Сергеевна, кандидат экономических наук, ведущий специалист, АО «Российские космические системы», Москва, silentia@list.ru

Введение. Предметом исследования выступают основные свойства и закономерности развития цифровой экономики.

Теоретический анализ. Использована методология теории постиндустриального и информационного общества. Выдвинута гипотеза, что цифровая экономика является новой стадией развития экономики и общества. Раскрыта структура информационной экономики. Выделены новые свойства цифровой экономики: основной вид продукта; переход от производства товаров к производству услуг; формирование информационно-сетевых структур; изменение пропорций и направлений инвестиционных активов, возрастание роли творческого труда; появление новых технологий управления и др. **Эмпирический анализ.** Дана характеристика воздействия цифровизации на деятельность государства, предприятий и организаций, домохозяйств и индивидов. Обоснованы особенности развития рыночных отношений цифровой экономики. Показано влияние информационно-коммуникационных технологий и информационных ресурсов на эффективность функционирования бизнеса. Показана возрастающая активность российских предприятий и организаций в сети Интернет. Выявлены тенденции и закономерности развития цифровой экономики. Результаты могут быть применены при разработке концепций и программ, нацеленных на ускоренное формирование в России цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровая экономика, структура цифровой экономики, свойства цифровой экономики.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-257-264>

Введение

В конце прошлого столетия в мировой экономике произошли качественные изменения, состоялся постепенный переход от индустриальной к цифровой экономике. Объективной основой цифрового общества и цифровой экономики являются научные знания и информация, именно эти элементы знаменуют переход экономики и общества в качественно новое состояние. Информатизация и информационные технологии приводят к существенным качественным изменениям во всех сферах жизнедеятельности общества. Расширение и развитие информационно-ком-

муникационных технологий (ИКТ) выступают катализатором социально-экономических процессов, обеспечивают ускорение роста экономики и благосостояния населения.

Теоретический анализ

Какое же место занимает цифровая экономика в современной экономической системе? Является ли она составной частью экономики или следует говорить о цифровизации всей экономики? Представляется, что, с одной стороны, она является частью (сектором) экономики, с другой стороны, формируется цифровая экономика в целом. В экономической науке и практике очерчены границы цифрового сектора экономики, определены его вещественные, рыночные, структурные элементы, на основе которых рассчитываются количественные показатели развития этого сектора экономики, но не качественные. А качественные характеристики связаны с местом и новой ролью информации и цифровых данных в развитии современной экономики и общества. Это выражается в том, что информация и цифровые данные пронизывают все «поры» современной экономики, они определяют количественные показатели ее развития, темпы роста, эффективность функционирования и использования всех факторов производства и экономики в целом, оказывают определяющее влияние на принимаемые управленческие и коммерческие решения на всех уровнях национального хозяйства. Цифровая экономика оказывает прямое и косвенное влияние на все отрасли, комплексы и сферы экономики: образование, здравоохранение, культуру, военно-промышленный комплекс, энергетику, финансово-банковскую систему, оптовую и розничную торговлю, транспорт, государственное управление, экономическую безопасность, рекламу, маркетинг, средства массовой информации.

Тем самым подтверждается идея всеобъемлющего влияния ИКТ и информационных ресурсов на всю экономику, поведение и рутины пользователей Интернета, мобильных средств связи.

Все это позволяет выдвинуть гипотезу о том, что цифровая экономика представляет собой новую стадию развития производительных

сил и экономики. Стадия – устойчивое состояние экономики, она характеризуется новыми свойствами, тенденциями и закономерностями, присущими современному историческому отрезку времени. В отличие от индустриальной стадии развития общества (а ее критерий связан с вещественными, материальными факторами производства), главными факторами производства, развития экономики становятся информационные и интеллектуальные ресурсы, а также невещественный продукт – информация, знания и их носители (собственники). Движущей силой развития этой стадии является наука, внедрение ее достижений в практику хозяйствования.

Концепция цифровой экономики сформировалась на основе теории постиндустриального и информационного общества и является их логическим продолжением и развитием. Данная теория отражает и концентрирует свое внимание на комплексном анализе воздействия цифровых и информационных данных на новых условиях деятельности, изменениях в характере производства, структуре экономики, процедурах и механизмах взаимодействия между субъектами хозяйствования.

Цифровая стадия экономики – особый тип экономики, который, в отличие от индустриального общества, зависит от развития наукоемких активов – опыта, знаний, ноу-хау.

Что же собой представляет «цифровая экономика»?

В конце прошлого столетия новые научные открытия и изобретения в области информационных технологий привели к информационной революции, формированию нового технологического уклада, главным критерием (свойством) которого выступает масштабное распространение и применение информационно-коммуникационных технологий, цифровая экономика основана на знаниях и инновациях. Основной отраслью нового технологического уклада является производство средств автоматизации и телекоммуникационного оборудования, посредством которых формируются современная информационная инфраструктура, информационная сеть Интернет, качественно новая электронная система коммуникаций, информационно-сетевые связи и отношения.

Поскольку цифровая экономика находится на начальном этапе своего становления, то правомерно утверждать, что современная стадия характеризуется переплетением и сочетанием прежних индустриальных и новых информационных технологий при возрастающей роли последних. Таким образом, целостная концеп-

ция цифровой экономики только формируется, многие ее положения остаются слабо разработанными и дискуссионными.

Поэтому не существует единого, устоявшегося определения понятия «цифровая экономика». Под цифровой экономикой понимаются:

– «...современный тип хозяйствования, который характеризуется ключевой ролью данных, а также методов управления ими как главного ресурса в сфере производства, распределения, потребления и обмена» [1];

– «...система экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий» [2];

– «...всемирная сеть экономической деятельности, коммерческих операций и профессиональных взаимодействий, которые поддерживаются информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ)» [3] и др.

В Указе Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» дается следующая трактовка цифровой экономики: «Цифровая экономика – хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» [4].

По нашему мнению, нет смысла подвергать критическому анализу данные определения, существенные черты цифровой экономики вполне однозначны, поэтому представленные трактовки отличаются друг от друга только разной степенью детализации отдельных свойств.

Назовем новые свойства, характеризующие цифровую экономику:

– основным видом продукта становятся информационные услуги;

– происходит переход от производства товаров к производству услуг;

– на основе интеграции информационной и сетевой составляющих создаются информационно-сетевые структуры. Ускоренными темпами формируются сетевая инфраструктура, сетевые технологии и сетевой бизнес;

– главная роль принадлежит научным знаниям, которые становятся основой технологических инноваций;

– изменяются пропорции и направления инвестиционных активов, основная доля инве-

стиций приходится на нематериальные активы (наука, НИОКР, программное обеспечение, Интернет, здравоохранение, образование и повышение квалификации кадров);

– в деятельности субъектов возрастает роль творческого труда;

– на основе использования информационных ресурсов появляются новые технологии управления и др.

Структура цифрового сектора экономики состоит из двух крупных комплексов:

1) сектора разработки, производства и реализации ИКТ;

2) сектора информационно-экономической инфраструктуры, предоставляющего конечным потребителям информационные ресурсы и услуги.

Новые инновационные технологии разрабатывают и производят преимущественно промышленные предприятия, прежде всего электронной отрасли.

Предприятия реального сектора экономики, в свою очередь, подразделяются на две группы:

– предприятия, выпускающие компьютерные и телекоммуникационные технологии (промышленную и бытовую электронику, компьютеры, программное обеспечение, микрочипы, устройства телекоммуникации и др.). В современных условиях именно данные предприятия рассматриваются как точки инновационного роста, обеспечивающие отрасли общественного производства цифровыми ресурсами;

– предприятия и организации, применяющие цифровые информационные технологии для производства продукции, а также для хранения, обработки и использования информационных данных в процессе организации и управления. Ускоренные темпы роста демонстрирует и тесно взаимосвязанный с информационно-коммуникационными технологиями рынок информационных услуг (электронной торговли).

Информационно-экономическую инфраструктуру формируют институты, осуществляющие *сбор, обработку, хранение, распределение и передачу* необходимой информации, а также инструменты взаимодействия организаций и граждан, обеспечивающие доступ к информационным ресурсам.

Предприятия, организации второго сектора специализируются на обработке и предоставлении информационных услуг. Обработкой информации занимаются институты научнотехнической информации, исследовательские центры, агентства, консультативные фирмы, вычислительные центры и др.

Субъекты информационных услуг продают продукты, которые можно предоставить в интерактивном режиме (программное обеспечение, реклама, информация, развлекательные игры и др.), а также оказывают интерактивные услуги (интернет-банкинг, страхование, консультативные услуги и др.). Опосредованно продаются продукты и услуги, которые невозможно передать потребителям в интерактивном режиме (книги, мебель, продукты питания и многое другое), они реализуются через сетевые структуры. Следует отметить, что через сетевые структуры продается больше услуг, чем готовых продуктов (товаров).

Существенные изменения связаны с действием объективных законов и механизмов рыночной экономики и, соответственно, с целями развития капитала. А эти законы и механизмы побуждают субъекты цифровой экономики постоянно совершенствовать организационно-экономические, производственные и социальные отношения, расширять субъектно-объектный состав цифровой экономики, вовлекать в товарно-денежные отношения практически всех участников экономической и социальной жизни общества.

В отличие от традиционной торговли, товарно-денежные отношения, осуществляемые посредством информационно-сетевых структур, с использованием Интернета, имеют явные преимущества: широкий товарный ассортимент, круглосуточная доступность, возможность сопоставления цен, экономия времени, возможность анализа технических характеристик товара, доставка на дом, снятие географических (территориальных) барьеров при покупке товаров и др.

Стремление снизить издержки и увеличить прибыль, ускорить реализацию товаров потребителям побуждает рыночных агентов развивать системы электронных расчетов и платежей, создавать корпоративные порталы (информационные базы данных), корпоративные электронные рынки, интернет-магазины, электронные биржи и др.

Эмпирический анализ

В связи с коммерциализацией цифровой экономики существенные изменения происходят в финансовом и реальном секторах экономики.

В финансово-банковской системе успешно развиваются новые виды деятельности:

– страховые интернет-услуги (страхование имущества, жизни, автомобиля, грузоперевозок, работников фирм и организаций, медицинское страхование и др.);

– интернет-банкинг (дистанционное обслуживание счетов клиентов через электронные

платежные системы независимо от их географического расположения);

– интернет-трейдинг (интерактивное инвестирование субъектами экономики через Интернет, обеспечивающий непосредственный доступ к торгам на валютной, фондовой, товарной бирже);

– интернет-маркетинг (используется финансовыми организациями и предприятиями реального сектора экономики для изучения конкурентов, покупательной способности потребителей, услуг, порталов, сайтов, интернет-магазинов, проведения рекламы товаров и др.);

– интернет-аукционы (на онлайн-аукционах потенциальные покупатели назначают свою цену, а товары продаются по самой высокой предложенной цене). Эта форма продажи широко распространена в США и странах Европейского союза;

– виртуальные офисы (позволяют экономить на служебных помещениях, а сотрудники могут выполнять свои обязанности на дому с использованием телекоммуникаций, компьютеров) и др.

Этот перечень можно дополнить наличием таких новых институтов и процессов, как интерактивные хоумкомпании, виртуальные корпорации, дистанционные трудовые отношения (фриланс), тревеливинг, аутсорсинг, технология управления блокчейн, краудсорсинг, использование криптовалют и др.

В современных условиях ИКТ активно используют большинство предприятий реального сектора экономики. Цифровой потенциал предприятия (зависит от использования вычислительной техники, возможностей Интернета, программного обеспечения, наличия квалифицированных специалистов и др.) предопределяет

его конкурентные позиции на рынке. Поэтому знание современной вычислительной техники, программного обеспечения, умение применять их в практической деятельности становятся обязательными компетенциями квалифицированных специалистов. Цифровые технологии обладают долгосрочным синергетическим эффектом, поэтому развитие цифрового потенциала предприятия является важным фактором удержания и повышения его конкурентоспособности. Цифровые технологии повышают скорость взаимодействия поставщиков и потребителей; способствуют развитию процессов обмена результатами интеллектуального труда между разработчиками новых продуктов, исследователями и учеными; формируют предпосылки непрерывной эффективной коллективной работы над созданием и производством инноваций, ориентированных на широкий сегмент потребителей.

Существенно ускоряется период обновления промышленного оборудования. В цифровом секторе экономики коэффициент обновления основных средств самый высокий. Полная замена парка технологического оборудования и программного обеспечения осуществляется раз в два–три года.

Интернет значительно облегчает бизнесу проведение рекламных и маркетинговых мероприятий, поиск поставщиков и клиентов, размещение заказов на производимые товары и услуги, обмен коммерческой информацией с поставщиками и потребителями, ведение документооборота и др.

О возрастающей активности российских предприятий и организаций в сети Интернет свидетельствуют данные, представленные в табл. 1 [5].

Таблица 1 / Table 1

Использование сети Интернет для связи с поставщиками и потребителями товаров (работ, услуг) в организациях, % от общего числа обследованных организаций
Use of the Internet to communicate with suppliers and consumers of goods (works, services) in organizations, % of the total number of surveyed organizations

Цель использования сети Интернет	2003	2007	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Получение сведений о товарах (работах, услугах)	24,6	38,7	52,5	54,8	55,9	58,8	58,1	59,0
Предоставление сведений о потребностях организации в товарах (работах, услугах)	13,7	26,2	37,6	41,0	42,1	45,6	44,6	44,6
Размещение заказов на товары (работы, услуги)	12,1	24,1	35,0	39,2	41,1	43,4	41,7	41,3
Предоставление сведений об организации, ее товарах (работах, услугах)	17,6	25,2	36,4	40,1	41,8	43,2	42,3	42,8
Получение заказов на выпускаемые товары (работы, услуги)	10,5	13,6	16,9	17,1	41,8	43,2	42,3	42,8

Проведенный анализ позволяет выделить следующие особенности функционирования промышленных предприятий в условиях цифровой экономики:

- увеличиваются расходы предприятий на научные исследования и разработки, связанные с цифровыми технологиями, инновационными процессами;
- информационные данные используются для оптимизации организационных и управленческих решений;
- все более широко применяются программные продукты для совершенствования производственных процессов при изготовлении сложных продуктов;
- цифровые технологии активно используются для налаживания социальных и производственных взаимодействий между персоналом предприятия, экономических отношений и связей между предприятием и его контрагентами.

В коммерческом виртуальном пространстве формируется новый рынок поведенческой информации, связанный с анализом поведения пользователей в Интернете. Поведение каждого из нас теперь товар. Товаром здесь является поведение каждого пользователя: посещаемые сайты, поиск конкретной информации, запросы, копирование текстов, онлайн покупки, контакты электронной почты и др. Провайдеры, другие субъекты рынка поведенческой информации продают данные о виртуальном поведении граждан заинтересованным агентам, которые используют их для воздействия на потенциальных потребителей.

Цифровые технологии выполняют важную роль в деятельности государственных органов управления. Использование возможностей ИКТ при оказании государственных услуг обеспечивает:

- экономию бюджетных расходов;
- облегчение оказания государственных услуг (получение справок, разрешений и др.);
- снижение проявлений бюрократии и коррупции;
- оперативный учет потребностей и интересов граждан, предприятий и организаций при принятии управленческих решений;
- свободный доступ к необходимой государственной информации, сокращение времени граждан на взаимодействие с представителями государственной власти;
- уменьшение административной нагрузки на бизнес и граждан;
- постоянное расширение видов электронных государственных услуг, оказываемых населению;

– повышение уровня доверия населения к государственным органам власти и др.

Как уже отмечалось, цифровая экономика имеет свои особенности по сравнению с предшествующей стадией развития экономики и общества, а цифровой сектор отличается от других секторов и отраслей современной экономики. Эти особенности проявляются в следующих тенденциях (закономерностях).

1. Постепенно возрастает доля в валовом внутреннем продукте национальных экономик отраслей, связанных с производством ИКТ, сбором, хранением, обработкой, распространением и использованием цифровых данных. По расчетам Института статистических исследований и экономики знаний Высшей школы экономики, в 2016 г. вклад информационной индустрии в российский ВВП составил 3,3%, или 2,528 трлн руб. [6].

2. Высокие темпы роста и расширение объемов электронной торговли. Рынок информационных услуг в России за последние 10 лет вырос более чем в 10 раз. Общий объем электронной интернет-торговли составлял: в 2004 г. – 10 млрд руб., в 2008 г., – 39 млрд руб., в 2011 г. – 244,6 млрд руб., в 2012 г. – 400 млрд руб., в 2016 г. превысил 800 млрд руб. [7]. Растет число интернет-магазинов, которых в 2017 г. насчитывалось уже свыше 50 тысяч.

Длительное время, начиная с 2005 г., ежегодные темпы роста *интернет-торговли* составляли 25–30%. В связи с экономическим кризисом и снижением покупательной способности населения в последние годы наблюдается замедление темпов роста торговли (табл. 2) [8]. Тем не менее, темпы роста интернет-торговли в мире и в России остаются достаточно высокими и значительно превышают среднемировые темпы роста ВВП (около 3% в 2017 г.) и темпы роста мировой торговли товарами (2,5% в 2017 г.).

Таблица 2 / Table 2

Среднегодовые темпы роста интернет-торговли, %
Average annual growth rate of Internet Commerce, %

Субъект	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Мировая экономика	22,3	18,3	20,2	17,7	15,9	14,8
Россия	34,4	19,4	17,1	10,8	6,9	6,1

3. В условиях цифровой экономики трансформационные и особенно транзакционные издержки имеют тенденцию к снижению:

- *издержки заключения сделок* сокращаются благодаря электронному документообороту, развитию электронной коммерции, возможностям заключения виртуальных контрактов;

– *издержки поиска информации* кардинально сокращаются вследствие широкой доступности к разнообразной информации, возможностей ее мгновенной передачи, развития электронных поисковых систем;

– *издержки ведения переговоров* значительно сокращаются вследствие развития сети Интернет, новых средств коммуникации (электронная почта, программы Skype, ICQ, онлайн-переговоры и др.);

– *издержки измерения* сокращаются благодаря возможностям использования мнения экспертов и пользователей сети Интернет.

Использование результатов информационной революции сопровождается не только снижением себестоимости производимых продуктов

и услуг, но и экономией времени (и финансовых средств) на разнообразные трансакции. Эта тенденция обусловлена сокращением времени на пространственные перемещения, на оказание разнообразных услуг в сфере государственного и корпоративного управления, оптовой и розничной торговли, финансовой и банковской системе и др.

4. В корпоративном секторе цифровой экономики происходят процессы концентрации капитала, укрупнения корпораций, потому что они развиваются более быстрыми темпами по сравнению с компаниями традиционных отраслей экономики, о чем свидетельствует рейтинг капитализации крупнейших мировых компаний (табл. 3) [9].

Таблица 3 / Table 3

Капитализация ИТ-компаний
Capitalization of IT companies

Компания	Основная сфера деятельности	Капитализация, млрд долл.
Apple	Производство электроники и информационных технологий	577,4
Google	Интернет-сервисы, приложения, видеохостинг YouTube	547,9
Microsoft	Производство программного обеспечения	443,0
Amazon	Торговля в Интернете	360,0
Wells Fargo	Банки	299,0
Samsung	ПК, мобильные устройства, бытовая техника и электроника	254,0
China Mobile	Телекоммуникации	250,0
Verizon	Телекоммуникации	229,0
AT&T	Телекоммуникации	226,0
Walmart	Ритейл	216,9

Анализ капитализации крупнейших компаний мира, проведенный в 2019 г., показал, что она возросла в 1,5–2,0 раза, а 9 компаний из первой десятки относятся к сектору цифровой экономики [10].

5. В цифровой экономике действуют специфические, присущие только ей законы. Речь идет, прежде всего, о законе сетевого эффекта (закон Р. Меткалфа) и законе обратного ценообразования (закон Дж. Гильдера).

В соответствии с сетевым эффектом ценность сетей для пользователей зависит от их числа, и по мере экспоненциального увеличения участников сетевого взаимодействия начинает действовать синергетический эффект, выражающийся в улучшении качества обслуживания абонентов, увеличении возможностей доступа к разнообразной информации, расширении пространственных границ (географическая удаленность агентов утрачивает свое значение) и т.д.

На предшествующей стадии развития экономики усовершенствование техники и технологии, повышение качества выпускаемой продукции неизменно сопровождалось ее удорожанием и относительным уменьшением величины получаемого дохода. Дж. Гильдер доказал (практика это подтверждает), что по мере развития информационной революции, нарастания мощностей компьютеров, расширения и совершенствования сетевых структур происходит относительное и абсолютное снижение цен на ИКТ и на единицу потребляемой информации (она стремится к нулевым отметкам).

Таким образом, в современной экономике происходят качественные изменения, обусловленные бурным развитием информационно-коммуникационных технологий, рынка информационных услуг. Степень и быстрота использования достижений информационной революции оказывает определяющее влияние на

темпы социально-экономического роста, качество жизни населения, конкурентоспособность национальной экономики на мировом рынке.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект «Трансформация правосубъектности участников налоговых, бюджетных и публичных банковских правоотношений в условиях развития цифровой экономики» № 18-29-16102).

Список литературы

1. Стефанова Н. А., Седова А. П. Модель цифровой экономики // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6, № 1 (18). С. 91–93. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_28875081_45712106.pdf (дата обращения: 20.02.2019).
2. Цифровая экономика : история и перспективы // Ростех : [сайт]. URL: <http://ar2016.rostec.ru/digital-history/> (дата обращения: 05.03.2019).
3. Азизкулов Д. М. Цифровая экономика : понятие, особенности и перспективы на российском рынке // Вектор экономики. 2018. № 3 (21). С. 62–72. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32751051_13924538.pdf (дата обращения: 05.02.2019).
4. Цифровая экономика Российской Федерации // Федеральной службы государственной статистики : [сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/figure/ukaz_203.pdf (дата обращения: 21.03.2019).
5. Российский статистический ежегодник. М. : Росстат, 2016. 725 с.
6. Информационная индустрия принесла 3,3% от ВВП России // Ведомости : [сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2017/10/02/736054-informatsionnaya-industriya> (дата обращения 13.02.2019).
7. Рынок информационных услуг в России // Узнай всё! : [сайт]. URL: <https://uznayvse.ru/> (дата обращения: 19.03.2019).
8. Темпы роста интернет-торговли // Shopolog : [сайт]. URL: <https://www.shopolog.ru/> (дата обращения: 03.04.2019).
9. Brand Finance : [сайт]. URL: <http://brandfinance.com> (дата обращения: 15.03.2019).
10. Анализ капитализации крупнейших компаний мира, относящихся к сектору цифровой экономики // FXSSI : [сайт]. URL: <https://ru.fxssi.com> (дата обращения: 15.04.2019).

Образец для цитирования:

Каткова М. А., Титова Ю. С. Цифровая экономика: содержание и тенденции развития // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 257–264. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-257-264>

Digital Economy: Content and Development Trends

M. A. Katkova, Yu. S. Titova

Marina A. Katkova, <https://orcid.org/0000-0002-3437-2369>, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politekhnikeskaya St., Saratov 410003, Russia, mkatkova@mail.ru

Yulia S. Titova, <https://orcid.org/0000-0002-7830-2004>, Russian Space Systems, 53 Aviamotornaya St., Moscow 111250, Russia, silentia@list.ru

Introduction. The subject of the research is the basic properties and patterns of the digital economy development. **Theoretical analysis.** The methodology of the post-industrial and information society theory is used. It has been hypothesized that the digital economy is a new stage in the economy and society development. The structure of the information economy is revealed. New qualities of digital economy are defined, such as: the main type of product, transfer from goods production to service production, information-networking structure formation, change of proportions and destinations of investment assets, increase of creative work role, emergence of new management technologies, etc. **Empirical analysis.** The impact of digitalization on the activities of the state, enterprises and organizations, households and individuals is

characterized. The features of the digital economy market relations development are substantiated. The influence of information and communication technologies and information resources on business functioning is shown. The growing activity of Russian enterprises and companies in the Internet is paid attention to. Trends and patterns of the digital economy development are revealed. The results can be applied in the development of concepts and programs aimed at accelerating the digital economy formation in Russia.

Keywords: digital economy, digital economy structure, properties of the digital economy.

Acknowledgements: *This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project “Transformation of legal personality of participants of tax, budgetary and public banking legal relationships in the context of development of digital economy” No. 18-29-16102).*

References

1. Stefanova N. A., Sedov A. P. Digital Economy Model. *Karel'skii nauchnyi zhurnal* (Karelian Scientific Journal), 2017, vol. 6. no. 1 (18), pp. 91–93. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_28875081_45712106.pdf (accessed 20 February 2019) (in Russian).

2. Digital Economy: History and Prospects. *Rostekh* (Ros-
tec. Site). Available at: [http://ar2016.rostec.ru/digital-
history/](http://ar2016.rostec.ru/digital-
history/) (accessed 5 March 2019) (in Russian).
3. Azizkulov D. M. The Concept of Digital Economy,
Her Feature and Prospect in the Russian Market. *Vek-
tor ekonomiki* (Vector Economy), 2018, no. 3 (21),
pp. 62–72. Available at: [https://elibrary.ru/download/
elibrary_32751051_13924538.pdf](https://elibrary.ru/download/
elibrary_32751051_13924538.pdf) (accessed 5 February
2019) (in Russian).
4. Digital Economy of the Russian Federation. *Federal'naia
sluzhba gosudarstvennoi statistiki* (Federal State Sta-
tistics Service. Site). Available at: [http://www.gks.ru/
free_doc/new_site/figure/ukaz_203.pdf](http://www.gks.ru/
free_doc/new_site/figure/ukaz_203.pdf) (accessed 21
March 2019) (in Russian).
5. Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik [Russian statisti-
cal yearbook]. Moscow, Rosstat, 2016. 725 p. (in
Russian).
6. The information industry brought 3.3% of Russia's GDP.
Vedomosti. Site. Available at: [https://www.vedomosti.
ru/technology/articles/2017/10/02/736054-informat-
sionnaya-industriya](https://www.vedomosti.
ru/technology/articles/2017/10/02/736054-informat-
sionnaya-industriya) (accessed 13 February 2019) (in
Russian).
7. The market of information services in Russia. *Uznai vse!
(Learn everything! Site)*. Available at: [https://uznayvse.
ru/](https://uznayvse.
ru/) (accessed 19 March 2019) (in Russian).
8. The growth rate of online commerce. *Shopolog. Site*.
Available at: <https://www.shopolog.ru/> (accessed 3 April
2019) (in Russian).
9. Brand Finance. Site. Available at: [http://brandfinance.
com](http://brandfinance.
com) (accessed 15 March 2019).
10. Analysis of the capitalization of the largest companies in
the world related to the digital economy sector. *FXSSI.
Site*. Available at: <https://ru.fxssi.com> (accessed 15 April
2019) (in Russian).

Cite this article as:

Katkova M. A., Titova Yu. S. Digital Economy: Content and Development Trends. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Eco-
nomics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 257–264 (in Russian). DOI: [https://doi.org/10.18500/1994-2540-
2019-19-3-257-264](https://doi.org/10.18500/1994-2540-
2019-19-3-257-264)

УПРАВЛЕНИЕ

УДК 338.45

Особенности структурно-технологической модернизации промышленности Российской Федерации

Е. Н. Стариков, И. Н. Ткаченко, Л. А. Раменская

Стариков Евгений Николаевич, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и экономической безопасности, Уральский государственный лесотехнический университет, Екатеринбург; старший научный сотрудник отдела региональной промышленной политики и экономической безопасности, Институт экономики Уральского отделения РАН, Екатеринбург; доцент кафедры корпоративной экономики и управления бизнесом, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, starik1705@yandex.ru

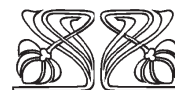
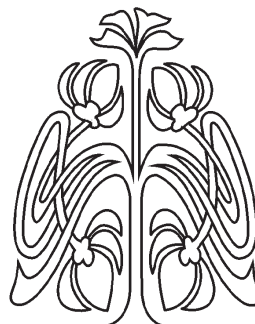
Ткаченко Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой корпоративной экономики и управления бизнесом, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, tkachenko@usue.ru

Раменская Людмила Александровна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры корпоративной экономики и управления бизнесом, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, ramen_lu@mail.ru

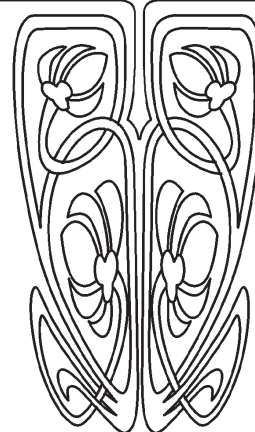
Введение. Необходимость модернизации обусловлена достижением предела производительности в рамках существующего технологического уклада, а также системным кризисом российской промышленности. **Теоретический анализ.** На основе семантического анализа терминов были выявлены существенные особенности современного этапа модернизационных преобразований: масштабные изменения в существующих отраслях промышленности под воздействием применения «прорывных» технологий, что приведет к изменению цепочек создания потребительской ценности и формированию новых бизнес-моделей на основе платформ; появление новых рынков, участники которых могут стать контрагентами для предприятий традиционных отраслей промышленности; высокая значимость государственных инициатив для осуществления преобразований. Модернизация помимо промышленности должна затронуть также государственные и общественные институты. **Эмпирический анализ.** На базе анализа данных статистики было оценено современное состояние российской промышленности. Подтверждена неравномерность промышленного производства в отраслевом и региональном разрезе. На примере Свердловской области показано, что региональным приоритетом структурно-технологической модернизации промышленности является машиностроение. Определены ключевые области роста машиностроительного производства в регионе, перспективные существующие и будущие рынки реализации их продукции, к которым относятся радиоэлектроника, аддитивное производство, авиа- и судостроение, железнодорожная техника, космические системы, ядерная медицина, фотоника, робототехника. **Результаты.** Большая часть отечественного промышленного производства соответствует третьему технологическому укладу, тогда как развитые страны переходят к шестому. Подтвержден тезис о структурной деградации промышленности России, произошедшей вследствие углубления неэффективной специализации на низкотехнологичных энерго- и ресурсоемких производствах и фактической потери отдельных отраслей, имеющих инвестиционное и социальное значение.

Ключевые слова: модернизация, реиндустриализация, промышленность, Свердловская область.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-265-273>

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Введение

В настоящее время в условиях стагнации отечественной экономики вопросы модернизации промышленности выходят на первый план. Традиционной моделью модернизации основных отраслей экономики, и прежде всего промышленности, для России является «догоняющее развитие», однако в современном мире только замены оборудования или обновления продукции недостаточно для достижения мировой конкурентоспособности страны. В период 2000–2010 гг. в наиболее промышленно развитых странах мира рост производительности производства в рамках существующего технологического уклада значительно снизился, что позволило сделать вывод о достижении «потолка» производительности в традиционных отраслях промышленности [1].

Следовательно, возникла потребность в существенной трансформации бизнес-моделей промышленного производства за счет радикальных технологических и организационных решений, что знаменует собой переход к новому технологическому укладу. Вместе с тем при определении приоритетов модернизации промышленного производства следует учитывать особенности развития отдельных регионов.

Настоящая статья посвящена выделению существенных особенностей современного этапа модернизационных преобразований промышленности, анализу настоящего состояния промышленного производства и определению ключевых точек роста модернизационных преобразований в регионе на примере Свердловской области.

Теоретический анализ

Концепция технологических укладов, развивающая теорию длинных волн Н. Д. Кондратьева, была разработана С. Ю. Глазьевым, который под технологическим укладом понимал совокупность технологий, характерных для определенного уровня развития производства [2, с. 192].

Различают шесть технологических укладов. Для третьего характерно широкое использование электричества в промышленном производстве; для четвертого – компьютеров, синтетических материалов; для господствующего на сегодняшний день в развитых странах пятого – технологий микроэлектроники, спутниковой связи, сети Интернет. Переход к шестому технологическому укладу характеризуется применением прорывных технологий в промышленности, нацеленных на переход от массового производства к гибкой кастомизированной продукции.

В экономико-управленческой литературе современный этап модернизационных преобразований описывается рядом близких по зна-

чению понятий – «новая индустриализация» или «неоиндустриализация», «реиндустриализация», «инновационная индустриализация». Несмотря на то что различие между данными понятиями неочевидно вплоть до того, что отдельные авторы считают эти термины равнозначными [3], по нашему мнению, отличие заключается в фокусе внимания на отдельные составляющие процесса модернизации. Для выявления ключевых акцентов и особенностей современного этапа модернизационных преобразований был проведен семантический анализ 84 дефиниций в тематических публикациях.

Результат анализа показал, что трактовка термина «неоиндустриализация» наиболее связана с понятиями «научоемкий способ производства», «автоматизация производства», «интенсификация», «конкурентоспособность».

Аналогичный анализ термина «новая индустриализация» показал, что наиболее часто в его дефинициях встречаются «новые отрасли», «импортозамещение».

Термин «инновационная индустриализация» наименее популярен и, помимо явной взаимосвязи с «инновационной деятельностью», зачастую связан с «экономикой знаний».

Термин «реиндустриализация» наиболее популярен в научной литературе и трактуется наиболее разнообразно – как процесс восстановления, возрождения или создания [4–6], вид политики [7], стратегический ориентир [8].

Таким образом, можно сделать вывод, что понятие «неоиндустриализация» в наибольшей степени описывает модернизацию традиционных промышленных отраслей, в первую очередь за счет автоматизации отдельных процессов для достижения уровня развитых стран.

В терминологии технологических укладов это означает развитие в рамках пятого уклада и повышение эффективности существующих процессов за счет автоматизации.

«Новая индустриализация» описывает создание новых отраслей (робототехника, биохимия, нанотехнологии и др.), развитие которых приведет к существенному изменению потребительских предпочтений, возникновению новых рынков и снижению значимости существующих отраслей для экономики, что соответствует переходу к шестому технологическому укладу.

«Реиндустриализация» в широком смысле описывает значимость формирования институциональных стимулов институциональных преобразований, а в узком – характеризует участие государства в модернизационном процессе посредством реализации различных государственных инициатив.

Проведенный анализ позволил описать сущностные особенности современного этапа модернизационных преобразований и выявить их влияние на традиционные отрасли промышленности:

1) масштабные изменения в существующих отраслях экономики под воздействием применения «прорывных» технологий, что приведет к изменению цепочек создания потребительской ценности и формированию новых бизнес-моделей на основе платформ. Термины «умное производство» [9], «умный завод» [10] и проч., как правило, означают использование совокупности диджитальных технологий (например интернета вещей (IoT), умных датчиков (Smart Sensors) и др.) для повышения эффективности производства;

2) появление новых рынков, участники которых могут стать контрагентами для предприятий традиционных отраслей промышленности. Например, при реализации Национальной технологической инициативы (НТИ) [11] были определены перспективные рынки, которые будут сформированы в ближайшие 15–20 лет: рынки беспилотного транспорта (Аэронет, Автонет, Маринет), персонализированной медицины (Хелснет) и систем безопасности (Сейфнет), «умных» энергосетей (Энержинет), децентрализованных валют (Финннет), средств человеко-машинных коммуникаций (Нейронет), интреллектуальный роботизированный рынок продовольственной продукции (Фуднет);

3) высокая значимость государственных инициатив для осуществления преобразований. Наиболее промышленно развитые страны мира в период 2010–2015 гг. запустили масштабные государственные программы развития традиционных и формирования новых отраслей промышленности.

В Германии в рамках одного из десяти проектов стратегии в области высоких технологий [12] в 2012 г. была создана широко известная программа развития промышленности «Индустрия 4.0»

(Industry 4.0). Аналогичные программы инициированы во Франции и Великобритании. В США помимо национальных инициатив, направленных на развитие одного направления, разработан «Национальный стратегический план развития передовых промышленных технологий США».

В данном контексте Россия, отстаивая свои глобальные позиции на международных промышленных рынках, определила ключевые направления технологической модернизации, которые были закреплены в 2008 г. в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года» [13], на основе которой был составлен прогноз долгосрочного развития Российской Федерации на период до 2030 г. [14].

При этом базисом российской промышленности к середине 2020-х гг. должны стать топливно-энергетический и агропромышленный комплексы, металлургия и горнодобывающая промышленность, для которой, в первую очередь, необходима глобальная модернизация. Инвестиции в глубинное обновление основных фондов и современное программное обеспечение производственных процессов могут привести к 40%-ному росту производительности [15].

В следующем разделе на основе статистических данных будет проведен анализ существующего состояния промышленности России по отношению к вызовам современных модернизационных преобразований.

Эмпирический анализ

Отечественная промышленность в течение более чем двух десятилетий является одним из главных объектов масштабного организационно-экономического реформирования. Объективно это связано с традиционно ведущей ролью промышленного производства в экономике России, обусловленной его значительным удельным весом в основных фондах, численности занятых, реализованной продукции и экспорте (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Основные показатели развития промышленности Российской Федерации [16]

Main indicators of the development of the Russian Federation's industry [16]

Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
ВВП, млрд руб.	46 308,5	59 698,1	66 926,8	71 016,7	77 945,1	80 804,3	84 562,1	87 263,6
в том числе валовая добавленная стоимость промышленного производства	11 304,5	13 481,8	15 052,2	15 994,9	17 321,6	19 330,1	19 456,7	20 651,4
Доля промышленности в ВВП	28,2	26,2	26,1	25,9	25,6	26,7	27,1	27,3
Основные фонды, млрд руб.	93 186	108 001	121 269	133 522	147 430	160 725	162 354	165 398
в том числе в промышленности	23 843	27 979	31 865	36 171	41 126	46 563	47 265	48 275
Среднегодовая численность занятых, млн чел.	67,5	67,6	68,0	67,9	67,8	68,4	68,7	69,1

При этом существующий уровень роста совокупной факторной производительности, включающей вклад новых технологий, остается весьма скромным и составляет только 2% в год.

Несмотря на то что отечественная промышленность в течение последнего десятилетия пережила два инвестиционных шока, первый из которых был связан с мировым финансовым

кризисом 2008–2009 гг., а второй – с геополитическими событиями 2014 г., обернувшихся введением международных санкций и существенным снижением курса рубля, ряд отраслей промышленного производства демонстрирует рост показателей совокупной капитализации. Наиболее положительную динамику показывают, прежде всего, базовые ресурсобеспечивающие отрасли (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Капитализация предприятий основных отраслей промышленности Российской Федерации, млрд руб. [16]
Capitalization of enterprises of the main Russian Federation's industries, billion rubles [16]

Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Добыча полезных ископаемых	934,7	933,2	894,1	742,1	605,7	765,2	816,5	874,4
в том числе добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	886,9	845,2	794,9	637,9	503,1	622,3	658,4	702,3
Обрабатывающие производства	1646,3	2143,3	2087,7	2254,5	2518,7	2957,4	3021,6	3297,8
в том числе производство пищевых продуктов, включая напитки и табак	221,0	278,1	279,5	299,8	256,6	279,9	287,5	301,2
текстильное и швейное производство	14,8	16,1	14,1	13,5	13,8	14,4	15,3	16,1
производство кокса и нефтепродуктов	123,1	132,1	164,8	177,8	186,7	301,4	347,5	401,5
химическое производство	115,5	124,9	149,1	148,1	158,8	214,8	223,6	234,5
металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	144,1	189,9	186,2	235,2	405,1	418,5	421,7	427,6
производство машин и оборудования	114,2	125,7	129,4	150,7	156,8	152,9	158,1	161,4

Таким образом, можно констатировать, что выбранный в нашей стране путь модернизационных преобразований привел к появлению и закреплению ряда негативных тенденций в промышленности, которые увеличивают критическое отставание России от государств с развитой индустрией.

Структурные сдвиги и процессы, происходящие в отечественной промышленности, не совпадают с общемировыми тенденциями развития реального сектора экономики. С одной стороны, как и во всем мире, вклад отечественного промышленного сектора в ВВП, по сравнению с другими видами экономической деятельности, ежегодно уменьшается, уступая место сфере услуг. Так, в 2010 г. он составил 26,4%, тогда как в 2017 г. его доля сократилась до 21,4%, причем уменьшение произошло за счет перерабатывающей промышленности, удельный вес которой снизился с 21,3 до 17,6%. При этом почти неизменным остался удельный вес добывающих отраслей – 8,7–8,5% в 2008–2017 гг. [16].

С другой стороны, в отличие от большинства стран мира, расширение сферы услуг в

России не сопровождается качественными изменениями в структуре промышленности, а, наоборот, выступает одним из факторов ее деградации. Основной прирост сектора услуг в экономике нашей страны осуществляется только за счет динамичного развития торговли и финансовой деятельности. При этом те виды услуг, которые непосредственно связаны с качественным совершенствованием производства, в частности, маркетинговые, исследовательские, образовательные, инженерно-консалтинговые, развиваются медленно и составляют незначительную долю в общей структуре услуг.

Структура промышленного экспорта свидетельствует о заметном присутствии продукции отечественной промышленности только в сырьевых и низкотехнологичных сегментах (табл. 3).

Опираясь на вышеприведенные данные, можно сделать вывод о существенной структурной деградации промышленности России, произошедшей вследствие углубления неэффективной специализации на низкотехнологичных энерго- и ресурсоемких производствах и фактической потери отдельных отраслей (производств), имеющих инвестиционное (в частности – отдельные

Таблица 3 / Table 3

Товарная структура экспорта России, январь – июль 2014–2017 гг., млрд долл. США [16]
Commodity structure of export of Russia, January – July 2014–2017, billion US dollars [16]

Показатели	2014		2015		2016		2017	
	СДЗ*	СНГ	СДЗ	СНГ	СДЗ	СНГ	СДЗ	СНГ
Всего	261,5	40,4	183,0	26,1	132,7	19,9	167,5	25,4
Продовольственные товары и с/х	7,2	3,1	5,8	2,3	6,3	2,1	7,4	2,6
Минеральные продукты	199,7	20,4	126,8	11,3	83,7	7,3	113,2	9,1
в том числе топливно-энергетические товары	197,5	19,8	125,4	10,8	82,5	6,9	111,5	8,6
Продукция химической промышленности	12,8	4,0	11,9	3,3	8,5	3,2	9,3	3,9
Кожевенное сырье, пушнина	0,2	0,0	0,2	0,0	0,1	0,0	0,2	0,0
Древесина	5,3	1,5	4,7	1,0	4,7	0,9	5,4	1,1
Драг. камни и металлы	6,9	0,2	4,9	0,1	4,9	0,1	5,7	0,1
Текстиль	0,2	0,4	0,1	0,3	0,1	0,3	0,2	0,4
Металлы	19,6	3,8	17,5	2,8	13,4	2,4	16,7	3,1
Машины, оборудование	7,8	5,9	9,1	4,1	8,6	2,8	8,1	4,1
Другие товары	1,8	1,04	1,97	0,85	2,39	0,66	1,42	1,01

Примечание. * Страны дальнего зарубежья.

подвиды машиностроения, например, лесное машиностроение, тракторное машиностроение, станкостроение и др.) и социальное (например, легкая промышленность) значение. Значительно сократились абсолютные объемы выпуска и продаж основных видов промышленной продукции (некоторые виды техники, товары длительного пользования и т.д.).

Кроме того, следует отметить, что современная динамика национального промышленного производства остается крайне неравномерной в региональном разрезе. Так, в 2017 г. темп прироста промышленного производства по регионам России варьировался в диапазоне от +41,9% (Еврейская автономная область) до -10,8% (г. Севастополь) (табл. 4).

Таблица 4 / Table 4

Прирост промышленного производства в регионах Российской Федерации (по типам регионов) в 2017 г., % [16]
Increase in industrial production in the regions of the Russian Federation (by regions type) 2017, % [16]

Группа	Тип	Всего	Добыто	Обработано	Э/э, газ
Высоко-развитые	Финансово-экономические центры	4,1	6,7	5,3	-2,2
	Сырьевые экспортно ориентированные	1,7	2,2	0,0	-1,5
Развитые	С диверсифицированной экономикой	3,1	-1,0	4,3	2,4
	С опорой на обрабатывающую промышленность	5,2	5,4	5,8	-0,8
	С опорой на добывающую промышленность	3,1	1,6	4,3	3,1
Средне-развитые	Промышленно-аграрные	4,8	2,1	5,6	-1,8
	Аграрно-промышленные	4,1	11,3	3,8	0,9
Менее развитые	Менее развитые сырьевые	0,8	2,8	-11,8	-1,7
	Менее развитые аграрные	7,8	21,6	6,2	-1,5

Также в структуре отечественной промышленности изменились на противоположные соотношения между выпуском продукции первичной и глубокой переработки, низкотехнологичной и высокотехнологичной, сырьевой и конечного потребления. Ярким примером является из-

менение соотношения между выпуском продукции горно-металлургического комплекса, с одной стороны, и машиностроения и легкой промышленностью – с другой. Очевидно, что наблюдается примитивизация отраслевой структуры отечественной промышленности. Так, доля

металлургии выросла более чем вдвое – с 9,9% в 2011 г. до 21,8% в 2017 г., тогда как удельный вес машиностроительных производств, наоборот, вдвое уменьшился – с 26 до 12%, а удельный вес легкой промышленности вообще снизился на порядок – с 12,3 до 3,7%.

Таким образом, в последнее десятилетие динамика промышленного производства в России не стала достаточно устойчивой и стабильной. Наблюдается неравномерность промышленного роста в отраслевом и региональном разрезе. Под влиянием внешнеторговых факторов в условиях дерегулирования хозяйственных отношений основным результатом структурной модернизации отечественной промышленности в последние два десятилетия стала ее сырьевая направленность.

Учитывая высокую дифференциацию показателей регионального промышленного развития, представляется целесообразным рассмотреть потенциал модернизационных преобразований в отдельном регионе.

Региональные приоритеты структурно-технологической модернизации промышленности (на примере Свердловской области).

Значимость модернизационных преобразований в промышленности особенно высока в «старопромышленных» регионах страны. Для промышленности Свердловской области, продукция которой составляет более трети валового регионального продукта, необходимость масштабных модернизационных преобразований является одним из ключевых вопросов регионального развития.

Необходимость модернизации усугубляется высоким износом основных фондов. По данным Свердловскстата, степень изношенности основных фондов в регионе по обрабатывающим производствам составляет 48,8%, а в добывающей промышленности достигает 56,4%.

На основе анализа отраслевой структуры промышленного производства Свердловской области, прогноза развития отраслевых рынков (включая прогноз развития новых рынков НТИ) и анализа стратегических направлений развития промышленности в регионе были выявлены ключевые области модернизации региональной промышленности, к которым относится машиностроительная промышленность. Выбор данной отрасли обусловлен высоким инновационным потенциалом предприятий оборонной промышленности (ОПК), ориентированных на расширение номенклатуры высокотехнологичной гражданской продукции и продукции двойного назначения.

Предприятия ОПК региона производят нефтегазовое оборудование, дорожно-строительную технику, железнодорожные транспортные

средства, городской электротранспорт, радиоэлектронные компоненты и приборы, электротехнические изделия, медицинскую и светотехническую продукцию.

Ключевые направления модернизационных преобразований машиностроительного комплекса Свердловской области представлены в табл. 5.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что региональная промышленность в целом обладает достаточным потенциалом и может соответствовать вызовам современного этапа модернизации преобразований. Однако для эффективной реализации модернизационных преобразований необходимо привлечение государственных инвестиций в машиностроительную промышленность.

Результаты

Статистические данные на сегодняшний день свидетельствуют о том, что около 58% производимой промышленной продукции приходится на низкий – третий технологический уклад (производства строительных материалов, черной металлургии, судостроения, обработка металла, легкая, деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная промышленность) и еще почти 38% – на четвертый технологический уклад. По показателю финансирования научно-технических разработок почти 70% финансирования используется на развитие производств четвертого и только 23% – пятого технологического уклада. В технологической части капитальных вложений 83% направляется в производства третьего технологического уклада и только 10% – четвертого. Для сравнения, в США доля шестого технологического уклада составляет 5%, а основой является пятый технологический уклад, базирующийся на микроэлектронных компонентах, доля которого 60% [17].

Очевидно, что российский промышленный комплекс серьезным образом отстает от промышленных комплексов ведущих стран мира с точки зрения материало-, ресурсо- и энергоемкости, и это, несомненно, отрицательно сказывается на перспективном уровне конкурентоспособности продукции отечественных производителей.

Во-вторых, недостаточно развитый внутренний рынок привел к формированию ряда устойчивых самовоспроизводящихся ограничений, повлиявших на формирование технологической структуры и модернизацию отечественной промышленности, а также промышленную специализацию России в мире. Среди таких ограничений можно выделить существование «ловушки» сырьевой отягощенности, которая в немалой степени определяет соответствующую структуру отечественного производства. Наличие этой

Таблица 5 / Table 5

Перспективные направления модернизационных преобразований в машиностроительной промышленности Свердловской области

Perspective directions of modernization transformations in the machinery industry of the Sverdlovsk region

Ключевые направления модернизации	Существующие рынки продукции	Перспективные рынки реализации продукции (в терминах НТИ)
Радиоэлектроника	Приборостроение Транспортное машиностроение Военная промышленность	Аэронет Автонет Энерджинет Сейфнет
Аддитивное производство	Металлургия Судостроение Авиастроение Военная промышленность	Аэронет Автонет Маринет Сейфнет
Авиастроение	Рынок титановых сплавов Двигателестроение Робототехника Рынок композитных материалов	Аэронет Автонет Энерджинет Сейфнет
Судостроение	Рынок титановых сплавов Военная промышленность	Аэронет Энерджинет Сейфнет
Космические системы	Военная промышленность Рынок композитных материалов Машиностроение Ядерная медицина Нанотехнологии	Аэронет Энерджинет
Ядерная медицина	Нанотехнологии Низкоуглеродная энергетика	Хелснет
Фотоника	Оптоэлектронное приборостроение Лазерное оборудование Нанотехнологии	Аэронет Энерджинет
Робототехника	Приборостроение Транспортное машиностроение Сельскохозяйственное машиностроение Судостроение Авиастроение Военная промышленность	Аэронет Автонет Энерджинет Сейфнет
Железнодорожная техника	Двигателестроение Приборостроение Робототехника	Автонет Энерджинет

«ловушки» свидетельствует о низком внутреннем спросе на инвестиции в потребительские товары и отсутствии достаточных рыночных импульсов для изменений в структуре производства.

В-третьих, низкий уровень замкнутости технологических циклов и локализации выпуска готовой продукции внутри страны также выступают факторами, ограничивающими возможности структурной модернизации. В результате Россия теряет значительные объемы добавленной стоимости, которая могла бы создаваться внутри страны смежными производствами за счет замыкания технологических цепочек, изменяя тем самым соотношение в структуре выпуска промышленной продукции в пользу отраслей глубокой переработки.

В-четвертых, модернизация производственного аппарата на новой технологической базе пока не состоялась. Рыночная адаптация отечественной промышленности осуществлялась не путем создания новых, в том числе высокотехнологичных, производств, а путем массового исчезновения предприятий и целых отраслей, чья продукция оказалась невостребованной (и неконкурентоспособной) на рынке.

В результате сегодня можно констатировать, что структурно-технологическая модернизация промышленности России привела к адаптации промышленности к потребностям рынка, однако не внутреннего, а внешнего, причем со специализацией на поставках сырья и продукции первичных переделов (металлургия), а не высоко-

технологичных товаров и услуг, приведя в итоге к росту зависимости и уязвимости страны от мировой экономической конъюнктуры.

Анализ региональной составляющей модернизационных преобразований позволил сделать вывод о необходимости определения ключевых «точек роста» региональной промышленности.

Список литературы

1. Новая технологическая революция : вызовы и возможности для России. Экспертно-аналитический доклад / под ред. В. Н. Княгинина. М. : Центр стратегических разработок, 2017. 136 с.
2. Глазьев С. Ю. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? М. : Книжный мир, 2016. 640 с.
3. Бодрунов С. Д. О международном конгрессе «Возрождение производства, науки и образования в России : вызовы и решения». 22–23 нояб. 2014 г. // Экономическое возрождение России. 2014. № 3 (41). С. 8–10.
4. Сухарев О. С. Реиндустриализация экономики России и технологическое развитие // Приоритеты России. 2014. № 10 (247). С. 2–16.
5. Татаркин А. И., Романова О. А., Бухвалов Н. Ю. Новая индустриализация экономики России // Вестн. УрФУ. Сер. Экономика и управление. 2014. № 3. С. 13–21.
6. Мазур О. А. Реиндустриализация российской экономики как условие расширенного воспроизводства совокупного работника // Теория и философия хозяйства. 2012. № 1 (73). С. 14–20.
7. Priscearu P. EU Reindustrialization policy // Knowledge Horizons. Economics. 2014. Vol. 6, № 2. Pp. 21–25.
8. Кульков В. М. Постиндустриализация или новая индустриализация? // Проблемы современной экономики. 2014. № 3 (51). С. 56–59.
9. Kang H. S., Lee J. Y., Choi S.S., Kim H., Park J. H., Son J. Y., Kim B. H., Noh S. D. Smart Manufacturing : Past Research, Present Findings, Future Directions // International journal of precision engineering and manufacturing-green technology. 2016. Vol. 3, № 1. P. 111–128. DOI: 10.1007/s40684-016-0015-5
10. Radziwon A., Bilberg A., Bogers M., Madsen E. S. The Smart Factory: Exploring Adaptive and Flexible Manufacturing Solutions // Procedia Engineering. 2014. Vol. 69. P. 1184–1190.
11. О реализации Национальной технологической инициативы : постановление Правительства РФ от 18.04.2016 № 317. URL: <http://government.ru/docs/22721> (дата обращения: 20.05.2019).
12. The New High-Tech Strategy. Innovations for Germany. URL: <https://www.bmbf.de/en/the-new-high-tech-strategy-2322.html> (дата обращения: 19.05.2019).
13. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. URL: <http://government.ru/info/6217/> (дата обращения: 20.05.2019).
14. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=144190&fld=134&dst=100001,0&rnd=0.5125607127182248#014626842871781287> (дата обращения: 12.05.2019).
15. Идрисов Г. И., Княгинин В. Н., Кудрин А. Л., Рожкова Е. С. Новая технологическая революция : вызовы и возможности для России // Вопр. экономики. 2018. № 4. С. 5–25.
16. Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: www.gks.ru (дата обращения: 20.05.2019).
17. Rogozin D. Скоро мы сможем печатать оружие на принтерах. URL: <https://rg.ru/2013/11/22/tehnologii.html> (дата обращения: 20.04.2019).

Образец для цитирования:

Стариков Е. Н., Ткаченко И. Н., Раменская Л. А. Особенности структурно-технологической модернизации промышленности Российской Федерации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 265–273. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-265-273>

Features of Structural and Technological Modernization of Industry in the Russian Federation

Y. N. Starikov, I. N. Tkachenko, L. A. Ramenskaya

Yevgeniy N. Starikov, <https://orcid.org/0000-0002-3465-7233>, Ural State Forestry University, 37 Sibirsky Trakt, Ekaterinburg 620100; Institute of Economics, the Ural branch of Russian Academy of Sciences, 29 Moskovskaya St., Ekaterinburg 620014; Ural State University of Economics, 62/45 8 Marta / Narodnoy Voli St., Ekaterinburg 620144, Russia, starik1705@yandex.ru

Irina N. Tkachenko, <https://orcid.org/0000-0003-0996-0684>, Ural State Economics University, 62/45 8 Marta / Narodnoy Voli St., Ekaterinburg 620144, Russia, tkachenko@usue.ru

Liudmila A. Ramenskaya, <https://orcid.org/0000-0003-3884-4500>, Ural State University of Economics, 62/45 8 Marta / Narodnoy Voli St., Ekaterinburg 620144, Russia, ramen_lu@mail.ru

Introduction. The need for modernization is due to the achievement of the productivity limit within the existing technological order, as well as the systemic crisis of the Russian industry. **Theoretical analysis.** Based on the semantic analysis of terms, the essential features of the modern stage of modernization transformations were identified: large-scale changes in existing industries under the influence of the “breakthrough” technologies’ use, which will lead to changes in the chains of consumer value creation and the formation of new business models based on platforms; the emergence of new markets, whose members may become counterparties for

enterprises of traditional industries; high importance of government initiatives for the implementation of transformations. Modernization beyond industry should affect both state and public institutions.

Empirical analysis. Based on the analysis of statistical data, the current state of the Russian industry was assessed. The unevenness of industrial production in the sectoral and regional context was confirmed. On the example of the Sverdlovsk region, it is determined that the regional priority of structural and technological modernization of industry is mechanical engineering. Key areas of machine-building production growth in the region, prospective existing and future markets for the sale of their products, including radio electronics, additive manufacturing, aircraft and shipbuilding, railway technology, space systems, nuclear medicine, photonics, robotics, have been identified. **Results.** Most of the domestic industrial production corresponds to the third technological order, while developed countries are moving to the sixth. The thesis on the structural degradation of Russian industry, which occurred as a result of the deepening of inefficient specialization in low-tech energy- and resource-intensive industries and the actual loss of certain industries of investment and social importance, was confirmed.

Keywords: modernization, reindustrialization, industry, Sverdlovsk region.

References

1. *Novaya tekhnologicheskaya revolyutsiya: vyzovy i vozmozhnosti dlya Rossii. Ekspertno-analiticheskiy doklad* [New technological revolution: challenges and opportunities for Russia. Expert-analytical report. Ed. by V. N. Knyaginina]. Moscow, Center for Strategic Research, 2017. 136 p. (in Russian).
2. Glaz'yev S. Yu. *Ekonomika buduschego. Yest'li u Rossii shans?* [Economy of the future. Does Russia have a chance?]. Moscow, Knizhnyi mir Publ., 2016. 640 p. (in Russian).
3. Bodrunov S. D. About international congress "Revival of production, science, and education in Russia: challenges and solutions". 22–23 November 2014. *Ekonomicheskoe vrozhdzenie Rossii* [Economical Revival of Russia], 2014, no. 3 (41), pp. 8–10 (in Russian).
4. Sukharev O. S. Reindustrialization of Economy and Technological Development In Russia. *Priorities of Russia*, 2014, no. 10 (247), pp. 2–16 (in Russian).
5. Tatarin A. I., Romanova O. A., Bukhvalov, N. Yu. New industrialization of the Russian economy. *Vestnik UrFU Ser. Ekonomika i upravlenie* [Bulletin of Ural Federal University. Ser. Economics and Management], 2014, no. 3, pp. 13–21 (in Russian).
6. Mazur O. A. Russian economy reindustrialization as a condition of total employee expanded reproduction. *Teoriya i filosofiya khozyaystva* [Theory and philosophy of economy], 2012, no. 1 (73), pp. 14–20 (in Russian).
7. Prisecaru P. EU Reindustrialization policy. *Knowledge Horizons. Economics*, 2014, vol. 6, no. 2, pp. 21–25.
8. Kulkov V. M. Post-industrialization or new industrialization? *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Problems of Modern Economics], 2014, no. 3 (51), pp. 56–59 (in Russian).
9. Kang H. S., Lee J. Y., Choi S. S., Kim H., Park J. H., Son J. Y., Kim B. H., Noh S. D. Smart Manufacturing: Past Research, Present Findings, Future Directions. *International journal of precision engineering and manufacturing-green technology*, 2016, vol. 3, no. 1, pp. 111–128. DOI: 10.1007/s40684-016-0015-5
10. Radziwon A., Bilberg A., Bogers M., Madsen E. S. The Smart Factory: Exploring Adaptive and Flexible Manufacturing Solutions. *Procedia Engineering*, 2014, vol. 69, pp. 1184–1190.
11. On the implementation of the National Technology Initiative. Resolution of the Government of the Russian Federation of 18.04.2016 no. 317. Available at: <http://government.ru/docs/22721> (accessed 20 May 2019) (in Russian).
12. The New High-Tech Strategy. Innovations for Germany. Available at: <https://www.bmbf.de/en/the-new-high-tech-strategy-2322.html> (accessed 19 May 2019).
13. The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020. Available at: <http://government.ru/info/6217/> (accessed 20 May 2019) (in Russian).
14. Forecast of the long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2030. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=144190&fld=134&dst=100001,0&rnd=0.5125607127182248#014626842871781287> (accessed 12 May 2019) (in Russian).
15. Idrisov G. I., Knyaginina V. N., Kudrin A. L., Rozhkova E. S. New technological revolution: Challenges and opportunities for Russia. *Voprosy Ekonomiki*, 2018, vol. 4, pp. 5–25 (in Russian).
16. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki (Federal State Statistics Service. Site). Available at: www.gks.ru (accessed 20 May 2019).
17. Rogozin D. *Skoro my smozhem pechatat' oruzhiye na printerakh* (Soon we will be able to print weapons on printers). Available at: <https://rg.ru/2013/11/22/tehnologii.html> (accessed 20 April 2019).

Cite this article as:

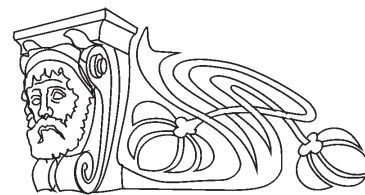
Starikov Y. N., Tkachenko I. N., Ramenskaya L. A. Features of Structural and Technological Modernization of Industry in the Russian Federation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 265–273 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-265-273>

УДК 332.7+519.86+657.922

Анализ и прогнозирование управленческих решений в управлении коммерческой недвижимостью

В. С. Спирина, А. О. Алексеев, А. А. Андропова

Спирина Варвара Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Строительный инжиниринг и материаловедение», Пермский национальный исследовательский политехнический университет, spirina@cems.pstu.ru

Алексеев Александр Олегович, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Строительный инжиниринг и материаловедение», Пермский национальный исследовательский политехнический университет, alekseev@cems.pstu.ru

Андропова Александра Андреевна, аспирант кафедры «Строительный инжиниринг и материаловедение», Пермский национальный исследовательский политехнический университет, for-c.a@yandex.ru

Введение. Задача управления коммерческой недвижимостью, в частности торгово-развлекательными комплексами, имеет высокую степень неопределенности. Внешним источником данной неопределенности являются потребительские предпочтения, влияющие на выбор посещения того или иного торгово-развлекательного комплекса. Кроме этого, высокая неопределенность связана со сложностью прогнозирования результатов управленческой и предпринимательской деятельности. **Теоретический анализ.** Возрастающая конкуренция и повышение территориальной концентрации объектов коммерческой недвижимости делают востребованной информацию о текущей и прогнозируемой посещаемости объекта недвижимости потребителями для эффективного управления недвижимостью и осуществления предпринимательской деятельности на базе торгового объекта. Значимость последствий неверно принятых управленческих решений выдвигает требование к разработке и внедрению в практику количественных методов прогнозирования и управления, обладающих свойствами высокой точности и надежности. Основой для прогнозирования предлагается разработанная авторами модель оценивания потребительской привлекательности объекта коммерческой недвижимости. **Эмпирический анализ.** Выявлена актуальность и необходимость проблемы прогнозирования управленческих решений в сфере управления коммерческой недвижимостью. **Результаты.** Показана модифицированная модель Хаффа, которая используется для прогнозирования посещаемости коммерческой недвижимости и привлекательности для потребителей. Главной особенностью предлагаемой модели выступает ее универсальность по отношению к типу и формату коммерческой недвижимости. Введенная свертка Q , описывающая качество имущества, является функцией многих переменных, набор которых и тип функциональной зависимости индивидуален для каждого типа коммерческой недвижимости. Приведен модельный пример комплексной оценки анализа чувствительности к изменениям статуса частных параметров, которые могут служить инструментальной основой системы поддержки принятия

решений. Также приведен пример анализа чувствительности и поиска оптимальной стратегии хозяйствующих субъектов торгово-развлекательных комплексов. Показаны экранные формы многопользовательской системы поддержки принятия индивидуальных управленческих решений в программной среде RDS (Research of Dynamic Systems).

Ключевые слова: система поддержки принятия решений, коммерческая недвижимость, управление недвижимостью.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-274-285>

Введение

Управление коммерческой недвижимостью и торгово-развлекательными комплексами (ТРК) в настоящее время является масштабной народнохозяйственной задачей ввиду высокого темпа роста ввода в эксплуатацию торговых площадей, а также значительным объемом инвестиций в данном сегменте на уровне нескольких миллиардов долларов США ежегодно. В то же время эта задача имеет высокую степень неопределенности [1, 2], внешним источником которой являются потребительские предпочтения, влияющие на выбор посещения того или иного ТРК [3–6]. Степень неопределенности экономических процессов управления ТРК дополнительно повышается в связи со сложностью прогнозирования результатов управленческой и предпринимательской деятельности, увеличением количества неоднородных хозяйствующих субъектов и осуществлением их деятельности автономно.

Неопределенность повышается в связи с тем, что даже рациональные люди, склонные к стратегическому поведению, не во всех случаях придерживаются равновесных и/или оптимальных стратегий. Кроме того, равновесные стратегии не всегда устойчивы, т. е. ошибочное действие одного участника (или осознанное с целью дестабилизации равновесия) может приводить к неожиданным последствиям, например, из-за каскадного эффекта.

В исследуемой задаче человеческий фактор является ключевым источником неопределенности, и это определяет потребность участников экономических процессов управления торгово-развлекательными комплексами в интеллектуальной поддержке принятия решений. Возрастающая конкуренция и повышение территориальной кон-

центрации объектов коммерческой недвижимости делает востребованной информацию о текущей и прогнозируемой посещаемости объекта недвижимости потребителями [7, 8] для эффективного управления недвижимостью и осуществления предпринимательской деятельности на базе ТРК [9].

Теоретический анализ

Рассмотрим возможные риски неэффективного управления торговым центром на примере реализации рекламной акции, сопровождающейся предоставлением скидок на определенные группы товаров. Анализ рисков целесообразно проводить, используя метод определения точки

безубыточности (рис. 1), только в постановке зависимости денежных потоков – CF (cash flow) от количества посетителей – n . Проведение рекламной акции сопровождается увеличением условно постоянных затрат – TFC (Total fixed cost) за счет средств, выделяемых на рекламу, а соответственно, и общих затрат – TC (Total cost). Предоставление скидок, в свою очередь, приводит к уменьшению среднего чека покупателя – AR (Average revenue), который определяет угол наклона прямой, описывающей общую выручку – TR (Total revenue) (рис. 1, б). Общие переменные затраты – TVC (Total variable cost) будут неизменны.

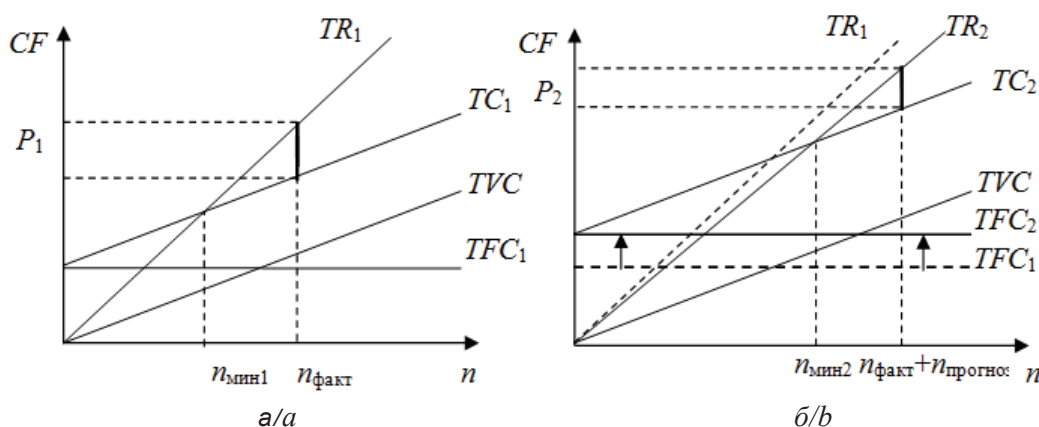

Рис. 1. Анализ чувствительности денежных потоков торгового центра от количества посетителей до (а) и после реализации (б) рекламной акции

Fig. 1. Analysis of the Sensitivity of the Cash Flow of the Shopping Centre from the Number of Visitors Before (a) and After the Implementation (b) of the Promotion

Как видно из рис. 1, прибыль от продаж – P (Profit) может оказаться меньше даже при условии увеличения числа посетителей. Также очевидно, что смещение $n_{мин}$ при проведении маркетинговых акций приводит к возрастающей необходимости прогнозирования потоков покупателей.

Для прогнозирования посещаемости объекта коммерческой недвижимости может быть использована модифицированная модель Хаффа [10–12] (1), позволяющая оценить потребительскую привлекательность торговой недвижимости:

$$A_{ij} = \frac{\{Q_j\}}{\{T_{ij}\}^{\lambda_k}}, \quad (1)$$

где i – порядковый номер покупателя (под i -м потребителем подразумевается потребитель, расположенный в точке i); j – порядковый номер объекта коммерческой недвижимости; A_{ij} – привлекательность j -го объекта недвижимости для i -го потребителя; Q_j – качество объекта недвижимости; T_{ij} – время, затрачиваемое i -м потреби-

телем на дорогу до j -го объекта недвижимости; $\lambda_k \in [0; 1]$ – параметр, отражающий эффект влияния разных типов объектов на воспринимаемые временные затраты (данный параметр находится эмпирически); $\{\}$ – численное значение параметра.

На оценку потребительской привлекательности торгово-развлекательных комплексов существенное влияние оказывает время корреспонденции (T) потребителей от места проживания до торгового объекта. Относительно объектов коммерческой недвижимости образуются так называемые пешеходно-транспортные зоны [13] и соответствующие им параметры λ : для первой зоны (с радиусом до 4 км) – $\lambda = 0$; для второй (с радиусом от 4 до 8 км) – $\lambda = 0,5$; для третьей (с радиусом свыше 8 км) – $\lambda = 1$. На пересечении этих зон, в зависимости от расположения исследуемых объектов коммерческой недвижимости, можно выделить несколько секторов K (рис. 2), в каждом из которых на потребителей по-разному влияет время корреспонденции до конкретного объекта недвижимости.

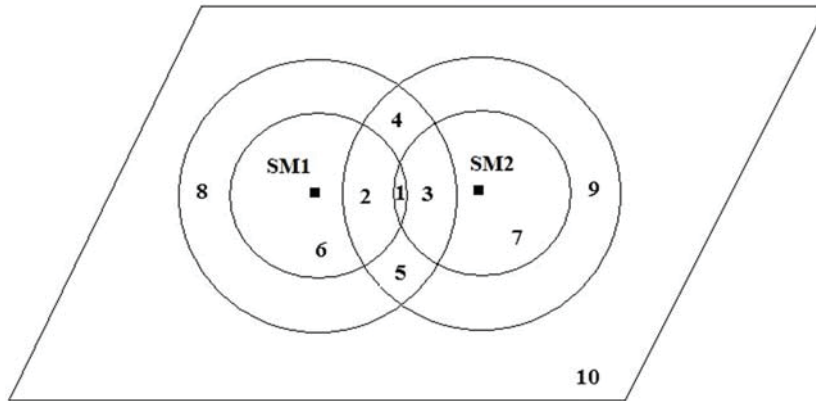

Рис. 2. Распределение секторов на примере двух торгово-развлекательных комплексов

Fig. 2. Distribution of Sectors on the Example of Two Shopping Malls (SM)

Вычислив на основе модифицированной модели Хаффа (1) вероятность выбора потенциальным потребителем того или иного торгового объекта:

$$P_{ij} = \frac{A_{ij}}{\sum_{j=1}^n A_{ij}}, \quad (2)$$

и зная количество посетителей в каждом секторе k , можно вычислить количество ожидаемых посетителей (n) в торговом объекте:

$$n = \sum_{k=1}^K (P_{ij}^k \cdot N_k), \quad (3)$$

где P_{ij}^k – вероятность посещения i -ым посетителем из k -го сектора j -й объект недвижимости; N_k – количество жителей k -го сектора; K – количество секторов, для рассматриваемого примера с двумя ТРК: $K = 10$ (см. рис. 2).

Определив ожидаемое количество посетителей, можно вычислить приблизительный объем выручки (TR) на основе среднего чека объекта (AR):

$$TR = n \cdot AR, \quad (4)$$

и может быть определена совокупная прибыль торговых и развлекательных точек торгового объекта:

$$Pr = TR - TFC(x_l) - TVC(x_l), \quad (5)$$

где x_l – показатели, характеризующие состояние контролируемых параметров $l \in L$ объекта коммерческой недвижимости; TFC – общие постоянные затраты.

Общие переменные затраты (TVC) определяют состояние объекта, т. е. его качество $Q_j(x_{lj})$ и потребительскую привлекательность A_{ij} ($Q_j(x_{lj})$, T_{ij} , $\lambda(k)$).

Показателями эффективности принимаемых управленческих решений могут быть качество объекта коммерческой недвижимости, его потребительская привлекательность, количество дополнительно привлеченных посетителей, выручка или прибыль торговых и развлекательных точек, а критерием эффективности – максимизация указанных показателей.

С экономической точки зрения эффективность управления торгово-развлекательным комплексом целесообразно рассматривать с позиции прибыли. Таким образом, задача управления j -м ТРК может быть сформулирована как задача оптимизации с целевой функцией:

$$Pr_j(x_{lj}) = \sum_{k=1}^K \left(\frac{\alpha \cdot \frac{Q_j(x_{lj})}{T_{ij}^{\lambda(k)}}}{\sum_{j=1}^J \alpha \cdot \frac{Q_j(x_{lj})}{T_{ij}^{\lambda(k)}}} \cdot N_k \right) \cdot AR - TFC(x_{lj}) - TVC(x_{lj}) \rightarrow \max, \quad (6)$$

с бюджетным ограничением на управление:

$$TFC(x_{lj}) + TVC(x_{lj}) \leq B_j, \quad (7)$$

и ограничением на множество допустимых значений контролируемых параметров $x_{lj} \in X^l \subset R^l$, что содержательно интерпретируется следующим образом – найти такое допустимое состояние контролируемых параметров x_{lj} объекта недвижимости, чтобы получить максимальную прибыль при соблюдении бюджетного ограничения.

Эмпирический анализ

Одним из способов исследования эффективности принимаемых управленческих решений является анализ чувствительности

комплексной оценки к изменению состояния частного параметра. В случае анализа чувствительности матричных механизмов комплексного оценивания [14] функции чувствительности нелинейные и кусочно-гладкие, потому что важность факторов зависит от области определения; в квалиметрических механизмах функции чувствительности гладкие. Функциональные возможности программного комплекса «Декон» [15] позволяют строить функции чувствительности комплексной оценки к изменению

состояния частного параметра, что служит инструментальным базисом системы поддержки принимаемых решений.

Построив функции чувствительности, можно определить перспективное направление (рис. 3, а) для улучшения качества торгового объекта и критические направления (рис. 3, б), которые характеризуются тем, что отсутствие управления будет приводить к пассивному ухудшению состояния частного параметра и, соответственно, качества торгового объекта.

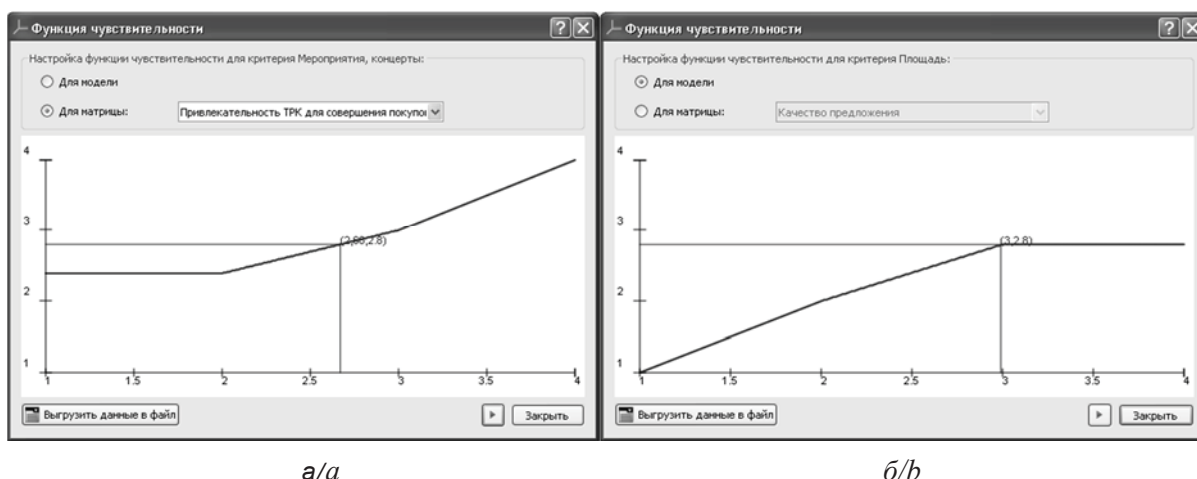

Рис. 3. Пример функций чувствительности, показывающий перспективное направление (а) и критическое направление (б) торгового центра

Fig. 3. An Example of Sensitivity Functions Showing the Perspective Direction (a) and the Critical Direction (b) of a Shopping Mall

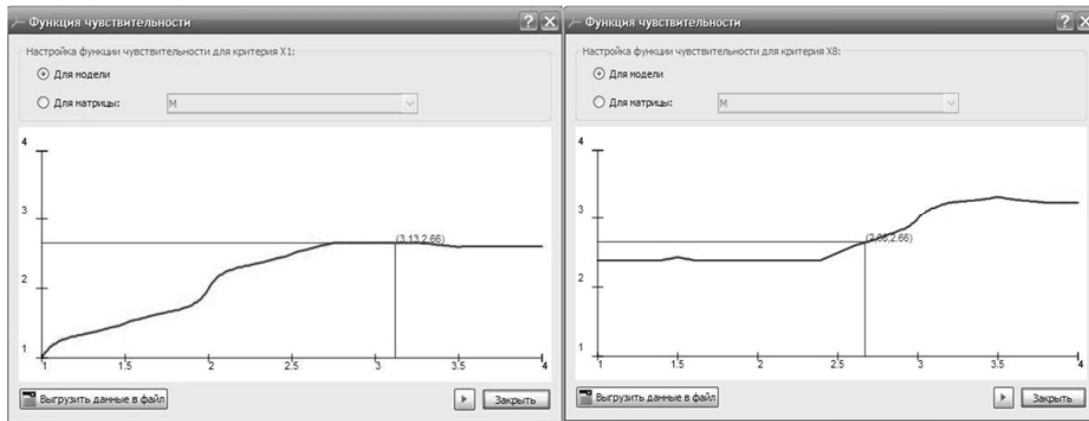
В практике управления недвижимостью выделяют такое понятие, как излишняя полезность, когда улучшение отдельного параметра не приводит к улучшению объекта недвижимости (см. рис. 3, б). В результате затраты на улучшение частного параметра следует считать неэффективными, а имеющийся износ по данному параметру неустраняемым, поскольку экономически нецелесообразно его устранение. С помощью анализа чувствительности может быть идентифицировано не только такое известное явление, как излишняя полезность, но и скрытая полезность (рис. 4).

Признаком скрытой полезности является ситуация, в которой отдельное улучшение частных параметров не приводит к улучшению качества торгово-развлекательного комплекса (см. рис. 4, а) или имеет ограниченный эффект (см. рис. 4, б). Совместное же улучшение параметров имеет смысл и целесообразно (см. рис. 4, в). В результате накопленные ухудшения параметров (износы) можно считать устраняемыми совместно, хотя отдельные попытки их устранения нерезультативны, поэтому это явление и было названо скрытой полезностью.

С помощью программного обеспечения «Декон» [15] возможен подобный анализ чувствительности комплексной оценки «Качество объекта», рассчитанной с использованием матричного механизма. Однако в соответствии с постановкой задачи управления (6) требуется найти не только ситуацию, когда обеспечивается максимум значения качества объекта недвижимости, но и максимум прибыли экономических субъектов. Для этого необходимо выполнить анализ чувствительности всех параметров [16], используемых в модели.

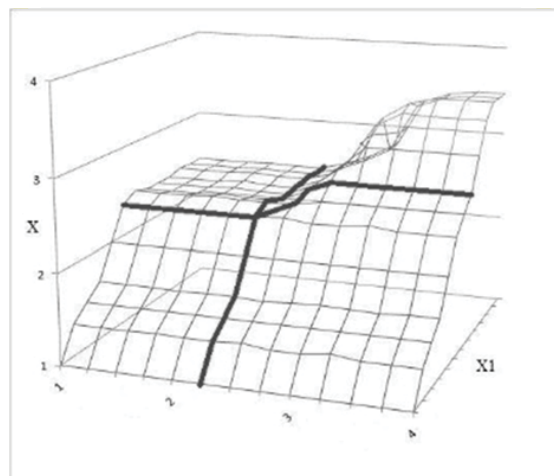
На рис. 5 показаны функции чувствительности привлекательности (А) торгово-развлекательных комплексов, определенные по формуле (1) для потребителей, живущих и работающих в разных секторах, образованных пересечением пешеходных транспортных зон (см. рис. 2).

Вероятности посещения исследуемого торгово-развлекательного комплекса жителями, проживающими в различных секторах, вычислены с помощью формулы (4) и представлены ниже (рис. 6).

а/а

б/б

в/с

Рис. 4. Пример функций чувствительности, показывающий скрытую полезность
Fig. 4. An Example of Functions of Sensitivity, Showing a Hidden Utility

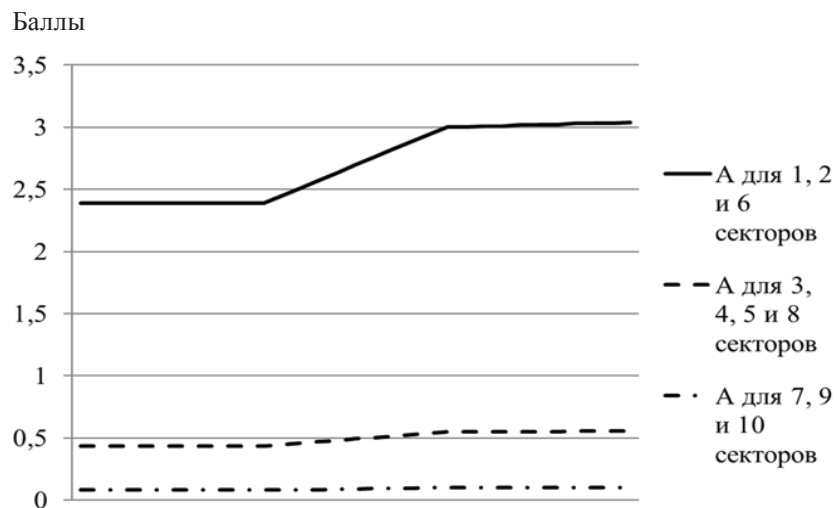

Рис. 5. Функции чувствительности привлекательности торгового объекта в зависимости от секторов, образованных пересечением пешеходной и транспортной зон, на примере ТРЦ «Колизей» в г. Перми

Fig. 5. Sensitivity Functions of the Attractiveness of a Trade Object Depending on the Sectors Formed by the Intersection of Pedestrian and Transport Zones, by the Example of the Coliseum Shopping and Entertainment Complex in Perm

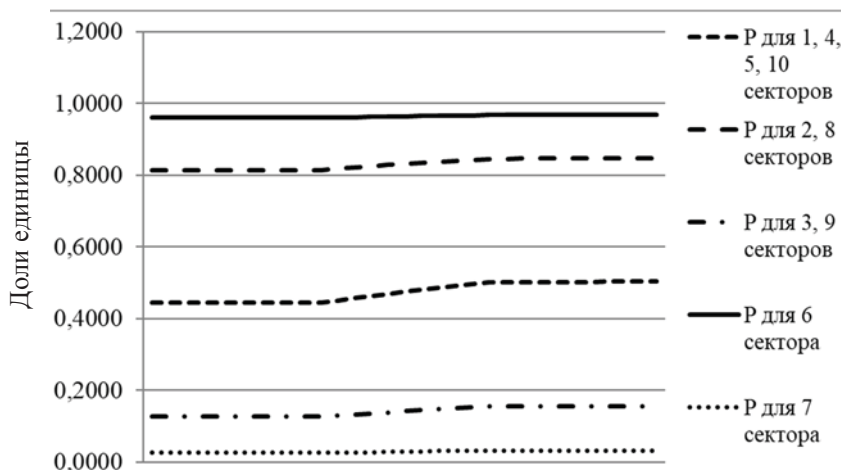

Рис. 6. Функции чувствительности вероятностей посещения потребителями ТРК в зависимости от секторов их проживания, на примере ТРЦ «Колизей» в г. Перми

Fig. 6. Sensitivity Functions of the Probabilities of Consumers Visiting the Shopping Facility Depending on the Sectors of Their Residence, by the Example of the Coliseum Shopping and Entertainment Complex in Perm

Для определения потенциального числа покупателей (рис. 7) примем допущение о коли-

честве лиц, проживающих в различных секторах (см. рис. 2), и используем выражение (3).

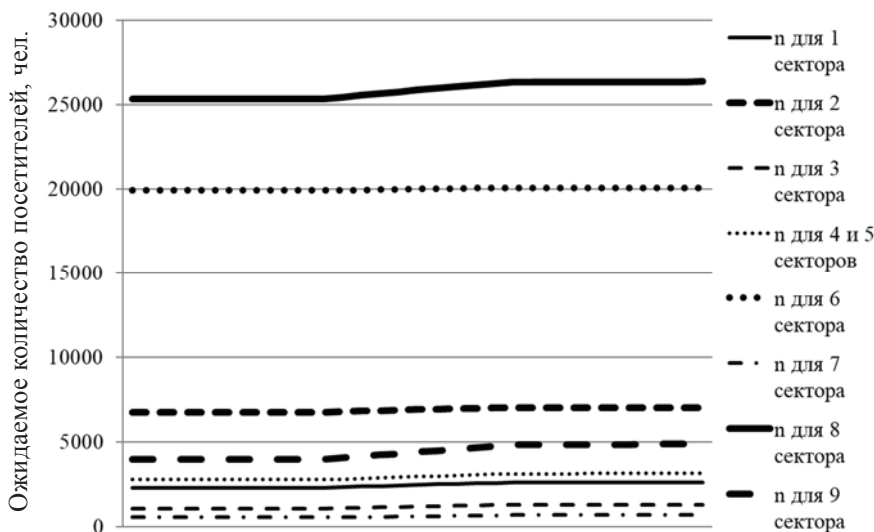

Рис. 7. Функции чувствительности ожидаемого числа посетителей ТРК в зависимости от секторов их проживания, на примере ТРЦ «Колизей» в г. Перми

Fig. 7. Sensitivity Functions of the Expected Number of Visitors to the SEC Depending on the Sectors of Their Residence, by the Example of the Coliseum Shopping and Entertainment Complex in Perm

После получения данных, показанных на рис. 7–8, можно решить задачу (6) и определить зависимость общей прибыли торговых и развлекательных точек торгово-развлекательного комплекса (рис. 9) от изменения управляемого параметра – качество мероприятий (X_8), вы-

численного при следующих исходных данных:
 – качество конкурирующего объекта $Q_2 = 2,99$;
 – значения параметров исследуемого объекта: площадь (X_1) 3,13; эстетический вид (X_2) 2,83; транспортная доступность (X_3) 3,62;

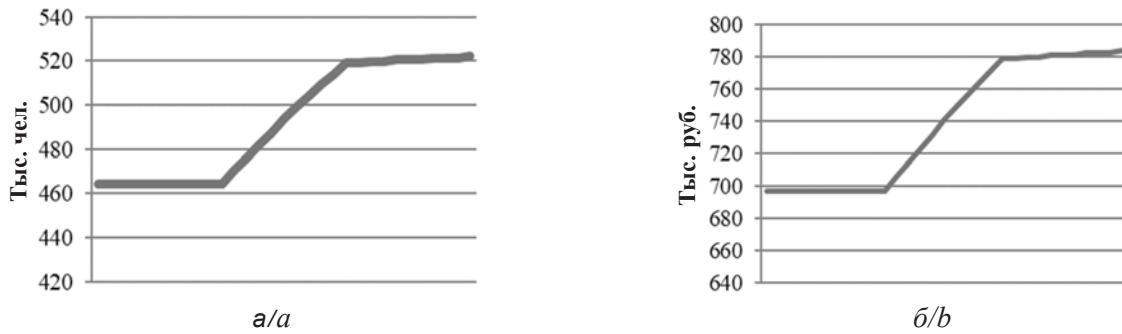

Рис. 8. Функции чувствительности, показывающие зависимость ожидаемого количества посетителей от изменения контролируемого параметра (а) и ожидаемого дохода от изменения контролируемого параметра (б), на примере ТРЦ «Колизей» в г. Перми

Fig. 8. Sensitivity Functions Showing the Dependence of the Expected Number of Visitors to the Change of the Controlled Criterion (a) and the Expected Income to the Change of the Controlled Criterion (b), by the Example of the Coliseum Shopping and Entertainment Complex in Perm

ассортимент (X_4) 3,47; наличие брендов (X_5) 2,39; качество товаров (X_6) 3,2; акции и скидки (X_7) 3,16; мероприятия (X_8) 2,68 [9];

– средний чек покупателей $AR = 750$ руб.;

– данные о числе потенциальных покупателей: количество проживающих в секторе 1 – 5182 чел., в секторах 2 и 3 – 8292 чел., в секторах 4 и 5 – 8219 чел., в секторах 6 и 7 – 20 729 чел., в секторах 8 и 9 – 31 094 чел., в секторе 10 – 898 619 чел. (количество жителей в секторах взято условно для иллюстрации решения задачи управления).

Чтобы определить стоимость изменения управляемого параметра в качестве предположения, необходимого для вычислений, мы примем следующее уравнение затратной функции (TC):

$$y = 0,08 \cdot x^2 + 150, \quad (8)$$

150 – условная стоимость постоянных затрат (TFC), тыс. руб.

На рис. 9 показано, что прибыль экономических субъектов может быть меньше, даже если количество посетителей и покупателей увеличивается. Оптимальным решением проблемы управления ТРК является такое распределение

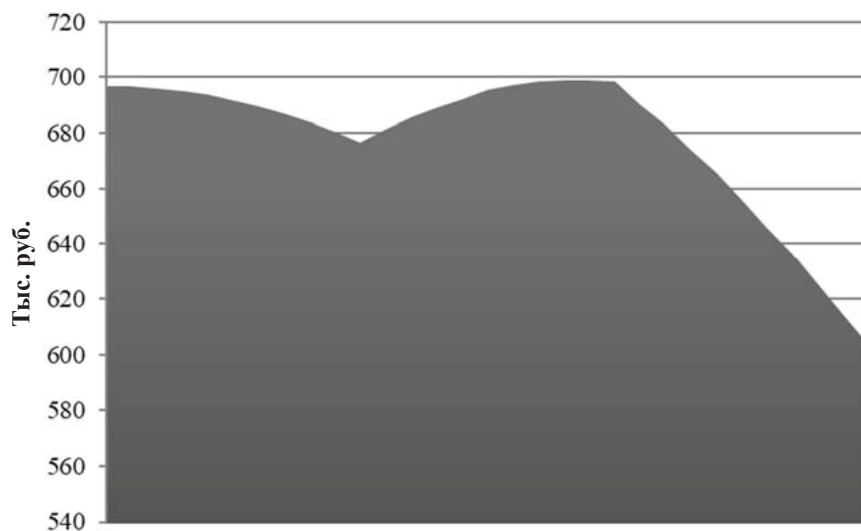

Рис. 9. Зависимость общей прибыли помещений торговых (развлекательных и проч.) помещений торгового центра от изменения управляемого параметра, на примере ТРЦ «Колизей» в г. Перми

Fig. 9. The Dependence of the Total Profit of the Shopping (Entertainment, etc.) Shopping Center Premises on the Change in the Managed Criterion, by the Example of the Coliseum Shopping and Entertainment Complex in Perm

бюджета экономических субъектов по изменению управляемых параметров, которое обеспечивает максимум их личной прибыли.

Результаты

Поиск оптимального управленческого решения может быть осуществлен с помощью предложенного метода анализа чувствительности, с итерационным использованием которого может быть спланирована последовательность

мероприятий. Подобная задача актуальна в условиях ограниченного бюджета, так как затраты на реализацию программы последовательных мероприятий могут быть распределены во времени.

Рассмотрим пример, когда стратегия экономических субъектов ТРК зависит от четырех вариантов затрат (CF_n) на изменение четырех управляемых параметров (таблица). Качество ТРК для данного случая будет вычисляться с помощью геометрической взвешенной модели:

$$Q = \prod_1 Q_i(x_i)^{q_i} = Q_1(x_1)^{0,12} \times Q_2(x_2)^{0,15} \times Q_3(x_3)^{0,15} \times Q_4(x_4)^{0,12} \times Q_5(x_5)^{0,12} \times Q_6(x_6)^{0,15} \times Q_7(x_7)^{0,11} \times Q_8(x_8)^{0,08} \quad (9)$$

Пример распределения вариантов затрат на управление четырьмя параметрами
An Example of How to Allocate Cost Options to Manage Four Criteria

Варианты распределения затрат на управление (CF_n)	Эстетический вид (X_2)	Реклама/бренды (X_3)	Качество товаров (X_6)	Мероприятия (X_8)
CF_1	0	40	100	25
CF_2	120	60	200	40
CF_3	250	90	300	55
CF_4	500	120	400	70

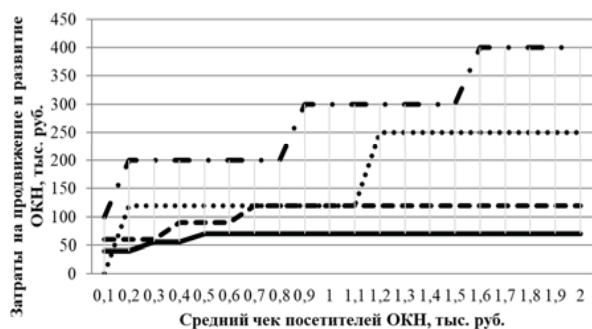
При этом количество стратегий каждого экономического субъекта будет определяться по формуле

$$N_{\text{стратегий}} = n^m, \quad (10)$$

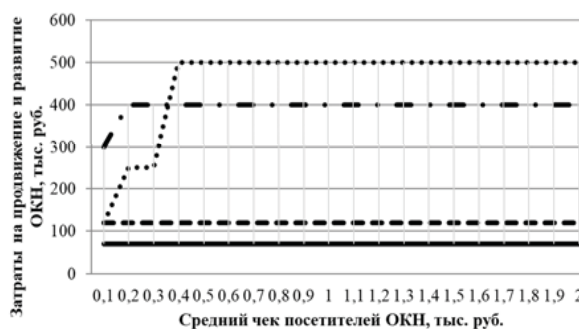
где n – количество вариантов затрат на изменение параметров; m – количество параметров, которыми может управлять экономический субъект.

Ниже (рис. 10) показано, как зависит оптимальная по критерию максимизации прибыли

стратегия экономических субъектов ТРК от изменения уровня потребления, которая, с одной стороны, отражает, какая часть посетителей совершает покупки в ТРК (*Customer Conversion Ratio* – μ), а, с другой стороны, выражается в средней сумме покупок, которые совершают посетители ТРК (размер среднего чека – Ar). Эти факторы описывают изменения внешней среды.

a/a

б/б

Рис. 10. Анализ чувствительности оптимальной стратегии экономических субъектов ТРК к изменению среднего чека при различных коэффициентах конвертации: а – при $\mu=0,05$, покупку совершает каждый двадцатый посетитель ОКН; б – при $\mu=0,5$, покупку совершает каждый второй посетитель ОКН

Fig. 10. Analysis of the sensitivity of the optimal strategy of economic entities of the SEC to the change in the average check at different conversion rates: а – at $\mu=0,05$, the purchase is made by every twentieth visitor of SEC; б – at $\mu=0,5$, the purchase is made by every second visitor SEC

Анализ чувствительности показывает (см. рис. 10), что при росте уровня потребления становится выгодно вкладывать деньги в развитие и продвижение ТРК, что почти очевидно, однако задача поиска оптимального распределения средств на управление ТРК является вовсе не тривиальной задачей и ее решение довольно трудоемко, что делает востребованным создание системы поддержки принятия управленческих решений.

Следует также отметить, что управляющий и арендаторы имеют разные возможности для развития и продвижения ТРК. Например, качество товара является контролируемым параметром со

стороны арендаторов, а эстетический внешний вид может быть изменен управляющим объекта в целом и арендатором – для отдельной торговой или развлекательной точки. Таким образом, становится необходимой разработка системы поддержки принятия индивидуальных управленческих решений.

Программный комплекс «Расчет динамических систем» (РДС / RDS – Research of Dynamic Systems) [17] был выбран как среда для разработки системы поддержки индивидуальных управленческих решений, так как позволяет проводить имитационное моделирование и осуществлять деловые игры с реальными людьми (рис. 11).

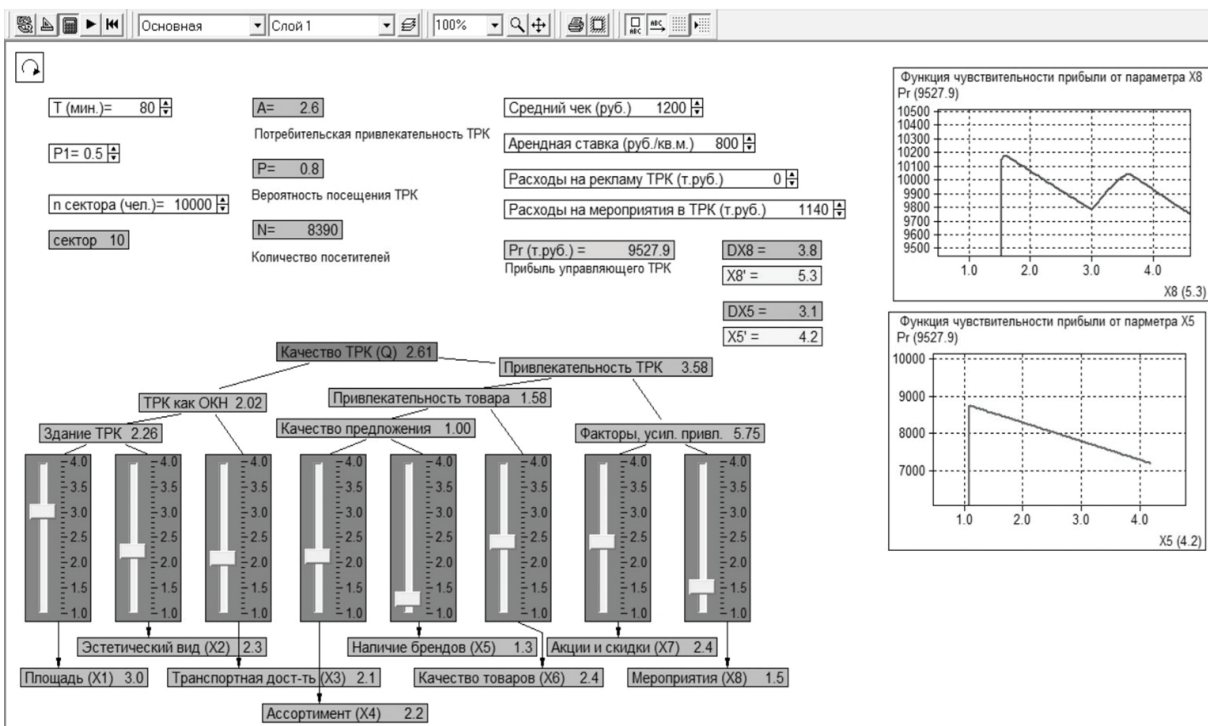

Рис. 11. Экранная форма «Управляющего» системы поддержки принятия индивидуальных управленческих решений в среде РДС

Fig. 11. Screen form of the Manager's Individual Management Decision Support System in the RDS Environment

Экранная форма «Арендатора» (рис. 12) отличается от формы управляющего тем, что он имеет дополнительную возможность вкладывать средства в расширение ассортимента и повышение качества товара, а также определять цены на товары и скидки. В правой части экрана строятся функции чувствительности прибыли от контролируемых параметров управляющего и арендаторов.

Решение, полученное с помощью этой системы поддержки принятия управленческих решений, соответствует ситуации, когда от-

дельный экономический субъект действует индивидуально, чтобы добиться максимальной личной прибыли. Однако решения, принимаемые другими участниками исследуемой экономической системы, оказывают влияние на результаты работы всех участников. Отдельным направлением дальнейших исследований должно стать теоретическое и экспериментальное игровое исследование проблемы управления коммерческой недвижимостью с учетом пересекающихся интересов, в том числе конфликта.

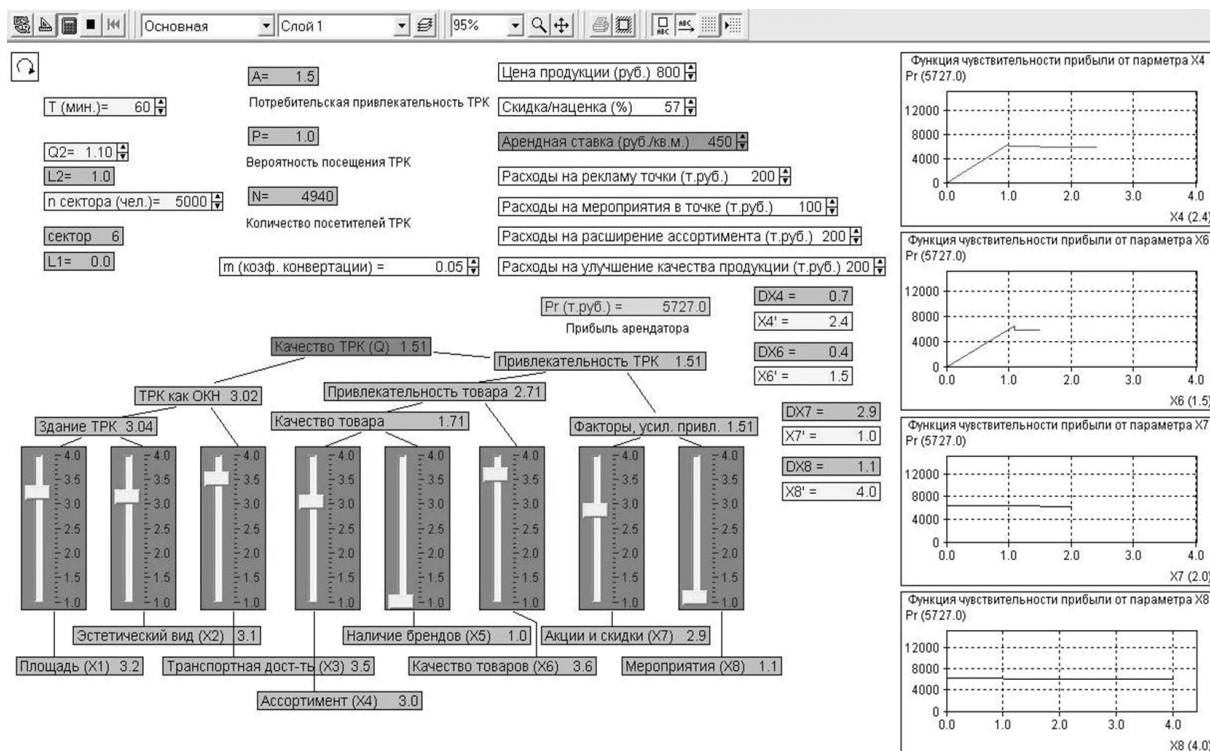

Рис. 12. Экранная форма «Арендатора» системы поддержки принятия индивидуальных управленческих решений в среде РДС

Fig. 12. Screen form of the Tenant's Individual Management Decision Support System in the RDS Environment

Список литературы

1. Applebaum W. Can Store Location be a Science? // *Economic Geography*. 1965. Vol. 41. P. 234–237.
2. Arrow K.J. *Social Choice and Individual Values*. Chicago : Univ. of Chicago, 1951. 111 p.
3. Baudrillard J. *The Consumer Society : Myths and Structures*. L. : Sage, 1998. 240 p.
4. Belk R.W. Situational variables and Consumer Behavior // *Journal of Consumer Research*. 1975. Vol. 2 (3). P. 157–164.
5. Chebat J.-C., Michon R., Haj-Salem N. [and etc.]. The Effects of Mall Renovation on Shopping Values, Satisfaction and Spending Behavior // *Journal of Retailing and Consumer Services*. 2014. Vol. 21 (4). P. 610–618.
6. *The Shopping Experience* / ed. by P. Falk, C. Campbell. L. : Sage, 1997. 224 p.
7. Fotheringham A. S. A New Set of Spatial Interaction Models : The Theory of Competing Destinations // *Environment and Planning*. 1983. Vol. 15. P. 15–36.
8. Galbraith J. K. Rational and Irrational Consumer Preference // *The Economic Journal*. 1938. Vol. 48 (190). P. 336–342.
9. Спирина В. С. Методы управления торгово-развлекательными комплексами в условиях неопределенности на основе субъектно-ориентированного моделирования : дис. ... канд. экон. наук. Пермь, 2017. 192 с.
10. Huff D. L. A Probabilistic Analysis of Shopping Center Trade Areas // *Land Economics*. 1963. Vol. 39, № 1. P. 81–90.
11. Huff D. L. Parameter Estimation in the Huff Model // *ArcUser*. Post at October-December, 2003. URL: <http://www.esri.com/news/arcuser/1003/files/huff.pdf> (дата обращения: 20.12.2011).
12. Huff D. L., Black W. C. The Huff Model in Retrospect // *Applied Geographic Studies*. 1997. Vol. 1, № 2. P. 83–93.
13. Спирина В. С. Эмпирическое определение коэффициента λ , описывающего степень влияния времени корреспонденции потребителей до торгового центра в формуле Д. Хаффа // *Master's Journal*. 2013. № 1. С. 243–251.
14. Харитонов В. А., Белых А. А. *Технологии современного менеджмента* / под науч. ред. В. А. Харитонova. Пермь : Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2007. 190 с.
15. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ №2014660537. Автоматизированная система комплексного оценивания объектов с возможностью выбора нечеткой процедуры свертки в соответствии со степенью неопределенности экспертной информации о параметрах их состояния : заявка № 2014618056 от 12.08.2014 РФ / А. О. Алексеев, В. А. Харитонов, Р. Ф. Шайдулин, М. И. Мелехин (РФ) – Зарегистрировано в Реестре программ для ЭВМ 09.10.2014 г. (РФ).

16. Спирина В. С., Алексеев А. О. Анализ экономической эффективности решений, принимаемых при управлении коммерческой недвижимостью (на примере торгово-развлекательных комплексов) // Прикладная математика и вопросы управления = Applied

Mathematics and Control Sciences. 2016. № 1. С. 93–108.

17. Роцин А. А. Расчет Динамических Систем (РДС). Руководство для программистов. Приложение : описание функций и структур. Приложение к руководству для программистов. М.: ИПУ РАН, 2012. 719 с.

Образец для цитирования:

Спирина В. С., Алексеев А. О., Андропова А. А. Анализ и прогнозирование управленческих решений в управлении коммерческой недвижимостью // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 274–285. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-274-285>

Analysis and Forecasting of Management Decisions in Commercial Real Estate Management

V. S. Spirina, A. O. Alekseev, A. A. Andronova

Varvara S. Spirina, <https://orcid.org/0000-0001-5061-4463>, Perm National Research Polytechnic University, 29 Komsomolsky Av., Perm 614990, Russia, spirina@cems.pstu.ru

Alexander O. Alekseev, <https://orcid.org/0000-0001-5033-6694>, Perm National Research Polytechnic University, 29 Komsomolsky Av., Perm 614990, Russia, alekseev@cems.pstu.ru

Alexandra A. Andronova, <https://orcid.org/0000-0002-5507-7019>, Perm National Research Polytechnic University, 29 Komsomolsky Av., Perm 614990, Russia, for-c.a@yandex.ru

Introduction. The problem of managing commercial real estate, in particular shopping and entertainment malls, has a high degree of uncertainty. The external source of this uncertainty is consumer preferences that affect the choice of visiting a shopping and entertainment mall. In addition, high uncertainty is associated with the complexity of forecasting the results of management and business activities. **Theoretical analysis.** Increasing competition and increasing territorial concentration of commercial real estate makes the information on the current and projected attendance of the property by consumers relevant for effective management of real estate and business activities on the basis of the commercial object visiting. The significance of the consequences of wrong management decisions puts forward the requirement for the development and implementation of quantitative methods of forecasting and management with high accuracy and reliability properties. The basis for forecasting is a model proposed by the authors for assessing the consumer attractiveness of commercial real estate.

Empirical analysis. The relevance and necessity of the problem of forecasting management decisions in the field of commercial real estate management is revealed. **Results.** A modified Huff model which is used to predict the attendance of the commercial real estate and consumer appeal is shown. The main feature of the proposed model is its versatility in relation to the type and format of commercial real estate. The introduced convolution Q , describing the quality of the property, is a function of many variables, the set of which and the type of functional dependence is individual for each type of commercial real estate. The model example of sensitivity analysis complex evaluation to changes in the status of private criteria that can serve as the instrumental basis of the decision

support system is given. Also, the model example of sensitivity analysis and search for the optimal strategy of economic entities of shopping and entertainment complexes is shown. Screen forms of multi-user support system of making individual management decisions in the software environment RDS (Research of Dynamic Systems) are given.

Keywords: decision support system, commercial real estate, property management.

References

1. Applebaum W. Can Store Location be a Science? *Economic Geography*, 1965, vol. 41, pp. 234–237.
2. Arrow K. J. *Social Choice and Individual Values*. Chicago, Univ. of Chicago, 1951. 111 p.
3. Baudrillard J. *The Consumer Society: Myths and Structures*. London, Sage, 1998. 240 p.
4. Belk R. W. Situational Variables and Consumer Behavior. *Journal of Consumer Research*, 1975, vol. 2 (3), pp. 157–164.
5. Chebat J.-C., Michon R., Haj-Salem N. and etc. The Effects of Mall Renovation on Shopping Values, Satisfaction and Spending Behavior. *Journal of Retailing and Consumer Services*, 2014, vol. 21 (4), pp. 610–618.
6. *The Shopping Experience*. Ed. by P. Falk, C. Campbell. London, Sage, 1997. 224 p.
7. Fotheringham A. S. A New Set of Spatial Interaction Models: The Theory of Competing Destinations. *Environment and Planning*, 1983, vol. 15, pp. 15–36.
8. Galbraith J. K. Rational and irrational consumer preference. *The Economic Journal*, 1938, vol. 48 (190), pp. 336–342.
9. Spirina V. S. *Metody upravleniya torгово-razvlekatel'nyimi kompleksami v usloviyakh neopredelennosti na osnove sub'ektno-orientirovannogo modelirovaniya* [Methods of Management of Shopping and Entertainment Complexes in the Conditions of Uncertainty on the Basis of Subject-Oriented Modeling]. Diss. Cand. Sci. (Econ.). Perm, 2017. 192 p. (in Russian).
10. Huff D. L. A Probabilistic Analysis of Shopping Center Trade Areas. *Land Economics*, 1963, vol. 39, no. 1, pp. 81–90.
11. Huff D. L. Parameter Estimation in the Huff Model. *ArcUser*. Post at October-December, 2003. Available

- at: <http://www.esri.com/news/arcuser/1003/files/huff.pdf> (accessed 20 December 2011).
12. Huff D. L., Black W. C. The Huff Model in Retrospect. *Applied Geographic Studies*, 1997, vol. 1, no. 2, pp. 83–93.
 13. Spirina V. S. Empirical Determination Coefficient λ , Describes the Influence Extent of Consumers' Time Correspondence to Shopping Center in the Huff's Formula. *Master's Journal*, 2013, vol. 1, pp. 243–251 (in Russian).
 14. Kharitonov V. A., Belykh A. A. *Tekhnologii sovremenogo menedzhmenta* [Modern Management Technologies]. Perm, 2007. 190 p. (in Russian).
 15. Alekseev A. O., Kharitonov V. A., Vychezhzhanin A. V., Shaydullin R. F., Melekhin M. I. The Automated System of Complex Estimation of Objects with a Possibility of the Choice of Fuzzy Procedure of Convolution According to Degree of Uncertainty of Expert Information on Parameters of Their State. Certificate of State Registration of Computer Programs (Russian Federation) no. 2014618056 (2014) (in Russian).
 16. Spirina V. S., Alekseev A. O. The Analysis of Economic Efficiency of the Decisions Made at Management of Commercial Real Estate (on the Example of Shopping Malls). *Applied Mathematics and Control Sciences*, 2016, no. 1, pp. 93–108 (in Russian).
 17. Roschin A. A. *Raschet Dinamicheskikh Sistem (RDS). Rukovodstvo dlia programmistov. Prilozhenie: opisaniye funktsiy i struktur. Prilozhenie k rukovodstvu dlia programmistov* [Research of Dynamical Systems (RDS). Programmers Guide. Application: description of functions and structures. Application to the management for programmers]. Moscow, 2012, 719 p. (in Russian).

Cite this article as:

Spirina V. S., Alekseev A. O., Andronova A. A. Analysis and Forecasting of Management Decisions in Commercial Real Estate Management. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 274–285 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-274-285>

ПРАВО

УДК 342.92

Заслуга как социально-правовое явление и понятие: определение, материальные и юридические признаки (Часть 2)

О. Ю. Кокурина

Кокурина Ольга Юрьевна, доктор юридических наук, профессор кафедры сравнительной политологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, info@polit.msu

Введение. Статья посвящена рассмотрению природы и содержания понятия «заслуга» в наградном праве. **Обсуждение.** Автором предпринята попытка определить сущность заслуги, которая представляет собой совокупность признаков, на основе которой заслуга выступает как самостоятельное социально-правовое явление. Исследованы основные и дополнительные, социальные и юридические признаки заслуги, введено понятие мета-модели заслуженного поведения. Сформулировано определение заслуги как предусмотренного законодательством общественно полезного деяния, выступающего основанием для применения позитивной санкции, содержанием которой является правовое поощрение (награждение государством). **Заключение.** Представлены характерные свойства и дано определение понятия «заслуга» в контексте единства правового и социального, формального и материального аспектов этого социально-правового явления наградного института. Отмечена перспективность дальнейшей теоретической разработки юридической конструкции «структура заслуги» как квалифицирующего инструмента наградного права.

Ключевые слова: заслуга, награда, наградное право, поощрение, признаки заслуги, структура заслуги

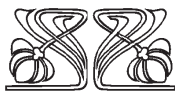
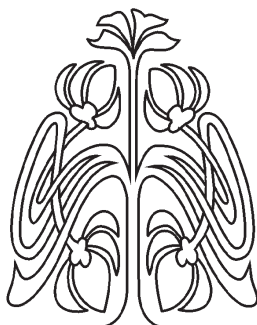
DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-286-293>

(Окончание. Начало см.: Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 194–199).

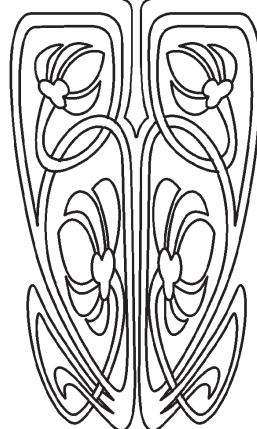
3. Дополнительные признаки заслуги Заслуга – правомерное поведение.

В соответствии с общепринятым в юридической науке подходом, «законосообразное», «правомерное поведение признается единственно правильным, должным человеческим поведением, регулируемым правовыми нормами». Такое поведение можно понимать, как «обусловленную культурно-нравственными воззрениями и жизненным опытом человека деятельность в сфере социального действия права, основанную на сознательном выполнении его целей и требований». «Правомерное поведение представляет собой социально полезную деятельность, направленную на удовлетворение государственных и правовых, общественных и личных интересов, ценностей и целей» [1, с. 262, 264–265].

Заслуги представляют собой особый вид социального поведения, по определению не допускающий правонарушений при его совершении. Действительно, закрепляя модели поведения, признаки заслуг в диспозициях наградных норм, законодатель предусматривает поощрение тех общественно полезных деяний, которые отвечают социальным и нравственным нормам. При этом урегулированное

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

имеющими моральное содержание нормами наградного права заслуженное поведение не только вполне определенно отвечает требованиям правомерности, но и соответствует нравственно-этическим требованиям,

«Правомерность деяния» в наградном праве презюмируется, и отсюда не следует трактовать данную юридическую оценку той или иной деятельности в качестве самостоятельного признака заслуги.

Заслуга – социально активное поведение.

Правомерное поведение неоднородно в своем содержании, в нем проявляется различная степень самостоятельности, инициативных действий. Зачастую фиксируется лишь минимальная активность, «иные формы правомерного поведения закономерно требуют большей степени интенсивности человеческой деятельности. Наиболее полно проявляется личность при широком использовании норм права в своей жизни, основанном на сформировавшемся правосознании, на ее инициативе и усмотрении, убежденности в необходимости, полезности и социальном значении права в обществе» [1, с. 265].

Разноплановое правомерное поведение имеет разные формы реализации в жизни, хотя весь массив его проявлений соответствует правовым требованиям. В зависимости от мотивов, определяющих разные варианты правомерного поведения, в юридической литературе выделяются различные поведенческие типы: поведение, основанное, главным образом, на сдерживающих мотивах; пассивное соблюдение правовых требований; привычное исполнение норм права; социально активное поведение.

Социально-правовая активность определяется высоким уровнем правосознания, глубокой правовой убежденностью, сформированной самостоятельностью, сознательно принятой на себя готовностью использовать представленные правом возможности, инициативно, творчески руководствоваться ими в своем повседневном поведении.

Решающим условием успешного хода преобразований в обществе сегодня становится активная деятельность людей, интеллектуальный, нравственный облик человека, его активность, желание и способность к переменам. Одним из действенных правовых средств, разрешающих проблемы преодоления социальной апатии, гражданской аморфности, инерции мышления и поведения людей, стимулирования их инициативы и творческой самостоятельности, является инструментарий наградного права. Поэтому заслугу, как активную форму правомерного поведения, нельзя рассматривать и оценивать в отрыве от положительных процессов, происходящих в государстве и обществе.

Известный исследователь правомерного поведения В. В. Оксамытный определяет социально-правовую активность личности как «наиболее высокий уровень правомерного поведения, проявляющийся в общественной полезной, одобряемой государством и обществом деятельности в правовой сфере» [1, с. 275].

Отсюда можно констатировать, что понятия «общественная полезная деятельность» и «правомерная социально активная деятельность» близки, если не синонимичны.

Заслуга – добровольное поведение (поступок).

Поступок, совершенный под принуждением и угрозой, на принципе «правового прессинга», не будет квалифицироваться как заслуга. Субъект сам, своей волей определяет вариант поведения, который наиболее полезен для него, отвечает его интересам и потребностям. В этой связи актуальна мысль, высказанная еще в XIX в. Р. Иерингом, – «вознаграждение стоит выше принуждения, так как оно апеллирует к свободе субъекта и ждет результатов исключительно от его свободного решения» [2, с. 76].

Выражая интересы общества, заслуженная деятельность поддерживается разнообразными мерами поощрения. Поощрительная норма не обязывает субъектов совершать общественно полезные деяния, а лишь побуждает к совершению желательных действий, подкрепляя их возможностью получения доступа к определенным дополнительным социальным благам. Отсюда при самостоятельном, добровольном выборе вариантов поведения субъект может учитывать выгодные для себя благоприятные правовые последствия поощряемого поведения.

На добровольный выбор вариантов поведения как обязательный признак заслуги указывают некоторые юристы: «заслуга – это *добровольное* выполнение участниками общественных отношений... полезных для государства и общества вариантов поведения» [3, с. 36] (В. М. Баранов); «действия лица, мотивированные на совершение правомерного, заслуженного поступка, должны быть *добровольными*» [4, с. 229] (Н. Г. Богатырева); «заслуга – это *добровольный*, сознательно-волевой, социально-активный правомерный поступок» [5, с. 85] (В. В. Волкова); «заслуга – это деяние, *не обязательное* для лица, ее совершившего» [6, с. 150] (В. А. Григорьев). В. А. Винокуров включил в число принципов наградного права «принцип добровольности заслуженного поведения» [7, с. 10].

В то же время, характеризуя заслуженную деятельность, А. В. Малько, О. М. Киселева, Н. А. Гущина и другие не включают фактор добровольного выбора формы поведения в число

основных признаков предлагаемых учеными определений заслуги [8, с. 24; 9, с. 139; 10, с. 28; 11, с. 3; 12, с. 22; 13, с. 55–56; 14, с. 136].

В федеральном Положении о государственных наградах Российской Федерации [15] термин «добровольность» и словосочетания с ним не употребляются.

Полагаем, добровольное совершение социально полезного деяния, прежде всего, связано с целями и мотивами, субъективным осознанным отношением субъекта к своей деятельности. Как отметил В. Н. Кудрявцев, «заслуга отражает не только внешнее, объективное действие, но и внутреннее субъективное отношение к порученному делу, характеризующее позитивные цели и мотивы поведения субъекта» [16, с. 238].

Поэтому добровольность заслуженного поведения, несомненно, относится к значимым элементам структуры заслуги, характеризующим, прежде всего, ее субъективную составляющую. В то же время данный фактор презюмируется наградным правом, и его можно не причислять к основным признакам заслуги, включаемым в определение понятия и отражающим сущность явления.

Заслуга – добросовестная деятельность.

Добросовестная трудовая деятельность (служба) рассматривается в качестве модели заслуги при награждении граждан некоторыми государственными наградами: орденом Александра Невского «многолетняя добросовестная служба»; орденом «За военные заслуги» (добросовестная служба); орденом «За морские заслуги» (добросовестная трудовая деятельность (служба)) [15].

Под добросовестной деятельностью, службой, как правило, понимается добросовестное и безупречное исполнение трудовых или служебных обязанностей в течение длительного периода времени, что характеризует субъективное отношение лица к своим обязанностям, к своей деятельности и ее результатам.

В своем определении заслуги В. М. Баранов выделяет в качестве одного из двух основных вариантов поведения «добросовестное и точное выполнение субъектами возложенных на них юридических обязанностей» [3, с. 36]. С высказанной позицией не соглашается Е. В. Типикина: «В реальной жизни миллионы субъектов добросовестно исполняют возложенные на них обязанности, но поощрительные меры к ним не применяются». Добросовестное и точное исполнение обязанностей «является вообще-то долгом субъектов права» и представляет собой «лишь первый шаг на пути к заслуженному поведению» [17, с. 76–77].

В свою очередь, В. М. Дуэль различает заслугу как основание для государственного награждения и «правомерные поступки, добросовестное исполнение обязанностей (основание иных видов государственного поощрения)» [13, с. 11].

Можно сделать вывод, что хотя некоторые юристы указывают на «добросовестное поведение (поступок)» в качестве одного из ключевых признаков в своих определениях заслуги, добросовестная деятельность скорее характеризует самого субъекта, его отношение к объекту заслуги, нежели саму заслугу.

Формулируя понятие заслуги, исследователи зачастую наделяют этот позитивный поведенческий акт и другими прилагаемыми к нему качествами, такими как: «желательный, сознательно-волевой» (Е. В. Типикина), «сознательный и волевой» (В. А. Григорьев) и др. Такого рода признаки вторичны по отношению к основным, тем не менее, их можно рассматривать в качестве элементов, входящих в структуру (состав) заслуги.

Заслуга – основание для применения правового поощрения (награждения).

Поощряемость можно отнести к одному из основных признаков заслуги как общественно полезного деяния. Исходя из общетеоретических представлений, поощряемость деяния есть возможность назначения поощрения (награды) за его совершение. Это предполагает призыв к совершению заслуги, обеспеченный наличием в наградном законодательстве соответствующей позитивной санкции.

Однако признак поощряемости деяния означает не только наличие в наградном праве санкции за совершение заслуги (что очевидно), но и принципиальную возможность назначения лицу различных мер правового поощрения в зависимости от степени общественной полезности поощряемого деяния и характеристики личности награждаемого.

Так, лицам, совершившим наиболее значительные заслуги перед обществом и государством, присуждаются государственные награды, достигающие конституционно-правового уровня. Например, «орденом Святого апостола Андрея Первозванного награждаются видные государственные и общественные деятели, выдающиеся представители науки, культуры, искусства и различных отраслей экономики за исключительные заслуги, способствующие процветанию, величию и славе России» [15].

Менее значительные заслуги могут послужить основанием для назначения на должность, присуждения наград и поощрений административно-правового, муниципального и дис-

циплинарного уровня. Например, Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ст. 60) предусматривает «назначение на должность гражданской службы гражданских служащих с учетом их заслуг в профессиональной служебной деятельности и деловых качеств» [18].

Вместе с тем даже при разграничении позитивной ответственности по уровню назначаемых поощрений и наград достаточно сложно решается вопрос квалификации заслуг, определения «шкалы», по какой измеряют и ограничивают заслуги муниципального, административного и конституционного уровня. В любом случае эти границы являются в известной степени условными. Содержание признака поощряемости, равно как и общественной полезности, не поддается какому-то точному расчету. Наиболее значимым фактором, который влияет напрямую на содержание данного признака, является социокультурный фактор, поскольку наградное право представляет собой социокультурный феномен. Поэтому границы применения того или иного правового поощрения, награды государства, их содержание во многом определяются системой общественных ценностей. Именно признанные национальными общественные ценности обуславливают содержательную часть наградного права. Поскольку заслуга представляет собой разновидность позитивного, желательного для общества поведения, правовое поощрение обеспечивает ответное позитивное общественное воздействие на субъекта и его окружение. В качестве значимых целей правового поощрения могут рассматриваться поддержание и укрепление традиционных общественных ценностей, лежащих в основе заслуженного поведения, а также ответная, адекватная заслуге, позитивная реакция общества в отношении субъекта. Для того чтобы позитивное воздействие наград и поощрений было действительно адекватным, необходимо соотнесение его содержания и объема с существующими социокультурными ценностями общества. Отношение общества к средствам правового стимулирования, формируемое на основе превалирующих в культуре социума ценностей, напрямую отражается на характере и содержании наград и поощрений государства.

В характере и размере правового поощрения выражается оценка государством степени общественной полезности совершенной заслуги. Поэтому поощряемость также выступает материальным признаком заслуги, который может использоваться для ограничения соответствующих полезных деяний от иных видов правомерных действий, не достойных столь бла-

гоприятных последствий. Однако поощряемость не может быть отождествлена с общественной полезностью, поскольку последняя присутствует и в не поощряемых по наградному праву, но вместе с тем общественно полезных деяниях, например, в обычных занятиях физкультурой или кружках самодеятельности.

Таким образом, признак поощряемости свидетельствует о той мере, в которой лицо, совершившее заслуженное деяние, может быть в соответствии с существующими нормами удостоено той или иной награды с учетом общественной полезности заслуги, а также личностной характеристики субъекта. Причем с точки зрения наградного закона содержание заслуги должно быть определяющим фактором при ее квалификации, а характер человека, его прошлая и настоящая жизнь вне связи с заслугой, его темперамент, интеллект, жизненные планы и цели, в общем, весь он в богатстве своей натуры, могут и должны интересовать наградное законодательство только в связи с заслуженным поведением. При этом поощрительные меры в санкциях наградных (поощрительных) норм устанавливаются с учетом как общественной полезности деяний, так и личностных характеристик субъекта.

В юридической литературе поощряемость заслуги понимается, как правило, в качестве самостоятельного признака заслуги, как возможность последней выступать основанием для применения позитивной санкции (поощрения, награждения). Так, В. М. Баранов рассматривает заслугу как «фактическое и юридическое основание государственного поощрения» [3, с. 36]. Для А. В. Малько заслуга выступает «основанием для применения поощрения» [8, с. 24]. «Заслуга как основание для правового поощрения» является темой диссертационного исследования Е. В. Типикиной [17]. «Заслуженное поведение» выступает «основанием для применения мер поощрения» по мнению Н. А. Гушиной [14, с. 63].

С учетом вышеизложенного признак поощряемости не может быть исключен из числа значимых характеристик заслуженного деяния. Данный признак является не менее существенным и материальным, нежели признак общественной полезности.

Из правоприменительной практики наградного права известно, что далеко не каждое ходатайство о награждении, представление к награде государства заканчивается положительным решением уполномоченного должностного лица о награждении субъекта. То есть не каждый факт совершения деяния, содержащего материальные и юридические признаки заслуги, имеет преду-

смотренные поощрительной нормой благоприятные последствия. Не противоречит ли это обстоятельство признанию поощряемости признаком заслуги? Нет, поскольку под поощряемостью понимается возможность назначения поощрения при выполнении условий поощрительной (наградной) нормы. Однако награда назначается только в случае юридического признания заслуги тем лицом, которое на это уполномочено – награждающим субъектом. Например, «решение о награждении государственной наградой принимается Президентом Российской Федерации» по результатам рассмотрения ходатайства о награждении и предложения Комиссии при Президенте Российской Федерации по государственным наградам [15]. Согласно Конституции (ст. 89 «б»), глава государства «награждает государственными наградами Российской Федерации, присваивает почетные звания Российской Федерации» [19]. Заслуга будет юридически признана в данном случае только после издания соответствующего указа о государственном награждении субъекта.

В реальной жизни нередки случаи, когда деяние, имеющее все необходимые признаки заслуги, совершено, а награда за этим не последовала. Хотя поощряемость является необходимым свойством заслуги, не все деяния, входящие в пределы наградного законодательства, признаются заслугами.

Исходя из вышеприведенного анализа существенных характеристик заслуженного поведения, можно сформулировать следующее уточненное определение заслуги:

Заслуга – это предусмотренное законодательством общественно полезное деяние, выступающее основанием для применения позитивной санкции, содержанием которой является правовое поощрение (награждение государством).

Таким образом, к основным признакам заслуги мы относим общественную полезность и поощряемость деяния (материальные признаки) и предусмотренность деяния в законодательстве (юридический признак).

4. О мета-моделях и структуре заслуги

В юридической литературе широко представлены определения заслуги, непосредственно не опирающиеся на материальные и юридические признаки этого правового явления, а представляющие собой своего рода модели моделей (мета-модели или архетипы) заслуженного поведения.

Поясним свою позицию. Как известно, модели заслуженного поведения поощряемого субъекта закрепляются в гипотезе и диспозиции поощрительных и наградных норм права

(следует сказать, что продолжается дискуссия относительно места закрепления модели поведения субъекта поощрения в структуре элементов (гипотезе и/или диспозиции) поощрительной нормы [3, 14, 20]).

Например, обобщая содержание разнообразных моделей положительного поведения, закрепленных в поощрительных нормах советского права, В. М. Баранов предлагает два варианта обобщенных моделей (мета-моделей) заслуги: «добросовестное и точное выполнение субъектами возложенных на них юридических или общественных обязанностей» и «совершение участниками общественных отношений непредусмотренных правовой нормой таких полезных для социалистического государства деяний, которые превосходят обычные требования» [3, с. 36]. К такому пониманию близка В. В. Попова, для которой заслуга «связана не только со сверхисполнением, но и с постоянным, добросовестным выполнением возложенных на субъекта права юридических обязанностей» [21, с. 27].

В свою очередь, А. В. Малько, Е. В. Типикина и В. В. Волкова под заслугой понимают поступок, связанный со сверхисполнением субъектом своих обязанностей либо с достижением им общепризнанного полезного результата [8, с. 24; 17, с. 10; 22, с. 53–54].

Аналогично мнению С. В. Мирошник: заслуга – это: добровольное перевыполнение лицом своих прав и/или более качественное сверхисполнение возложенных на него обязанностей [23, с. 11–12].

Полагаем, что предложенный исследователями перечень вариантов поощряемого поведения слишком узок и не покрывает широкого круга моделей положительного поведения, сформулированных в поощрительных нормах российского права. Отчасти на это обстоятельство указывал Е. В. Трофимов. По существу, реальность такова, что значительное многообразие вариантов поведения, за которыми на практике может последовать награждение, не сводится к нескольким априорным моделям. «Единственный вариант поведения, который, как таковой, не допускает награждения, – полагает ученый, – это – запрещенное поведение». Определить меру социальной пользы в конкретном деянии – эта задача, которая принципиально не может быть эффективно решена на этапе правотворчества, – слабо помогают в ее решении и приведенные выше варианты мета-моделей заслуги. Ее решение переходит на этап правоприменения наград и поощрений, когда достаточно неопределенные модели наградных норм конкретизируются исходя из обстоятельств дела, личности кандидата

на награду, с учетом материальных и юридических аспектов общественно полезного деяния [24, с. 70–75; 25, с. 86].

Определенную помощь в квалификации конкретного позитивного деяния может оказать разработка инструментария структуры или состава заслуги. Так, Е. В. Типикина предложила юридическую конструкцию «состав заслуги», ее назначение – установить соответствие фактических признаков совершенных поступков и признаков моделей заслуг, предусмотренных поощрительными нормами права. К юридическому составу заслуги ученый относит: объект поступка (общественные отношения); его объективную сторону (характер поступка, его последствия, причинную связь между поступком и последствиями, способ, время, обстановку совершения поступка); субъект (гражданство, специальные признаки); субъективное отношение субъекта к совершенному поступку и его последствиям, представляющее собой отражение в сознании субъекта объективных признаков совершаемого им деяния, а также мотивы, цели и эмоции, которыми руководствовался субъект [17, с. 122–153].

Заключение

С позиции ее структуры (состава) заслуга не представляет ничего особенного. Она отражает (со всей его структурой) человеческое поведение, представленное в многочисленных работах философов, социологов, психологов, юристов. Любое, в том числе заслуженное поведение состоит из определенных действий, их последствий или возможности их наступления, способа действия, времени и места совершения поступка. Специфика данного поведения как заслуги возникает только потому, что оно сверхпозитивно социально, но это уже особенности тех или иных элементов сущности и структуры заслуги. Сущность заслуги, ее признаки тесно связаны с элементами структуры заслуги, зависят от них, и эту зависимость можно понять только тогда, когда структура заслуги и, соответственно, ее элементы будут достаточно подробно исследованы. В этой связи представляется перспективной дальнейшая разработка теоретических и методических аспектов применения юридической конструкции «структура (состав) заслуги» как квалифицирующего инструмента наградного права.

Список литературы

1. *Оксамытный В. В.* Общая теория государства и права. М., 2012. 511 с.
2. *Иеринг Р.* Цель в праве. СПб., 1881. 443 с.
3. *Баранов В. М.* Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1978. 148 с.
4. *Богатырева Н. Г.* Заслуга как основание поощрения // *Matters of Russian and International Law.* 2017. Vol. 7, iss. 4A. С. 224–232.
5. *Волкова В. В.* Основание для применения поощрения государственных служащих // *Современное право.* 2013. № 6. С. 83–85.
6. *Григорьев В. А.* Наградное право как средство предупреждения коррупции // *Современная уголовная политика в сфере борьбы с транснациональной организованной преступностью и коррупцией* : сб. ст. М., 2002. С. 146–153.
7. *Винокуров В. А.* Конституционно-правовые основы регулирования наград государства в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 515 с.
8. *Малько А. В.* Заслуга как юридическая категория // *Новая правовая мысль.* 2004. С. 22–25.
9. *Малько А. В.* Стимулы и ограничения в праве // *Правоведение.* 1998. № 3. С. 134–147.
10. *Малько А. В.* Поощрение как правовое средство // *Правоведение.* 1996. № 3. С. 26–36.
11. *Малько А. В.* Юридические поощрительные санкции // *Атриум. Сер. «Юриспруденция».* Вып. 6. Тольятти, 1996. С. 3–7.
12. *Киселева О. М.* Поощрение как метод правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 38 с.
13. *Дуэль В. М.* Государственные награды в российском праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 181 с.
14. *Гущина Н. А.* Поощрение в праве : теоретико-правовое исследование. СПб., 2004. 292 с.
15. О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации : указ Президента РФ от 07.09.2010 № 1099 (ред. от 15.09.2018) // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 2010. № 37, ст. 4643.
16. *Кудрявцев В. Н.* Правовое поведение : норма и патология. М., 1982. 287 с.
17. *Типикина Е. В.* Заслуга как основание для правового поощрения : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. 210 с.
18. О государственной гражданской службе Российской Федерации : федер. закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 11.12.2018) // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 2004. № 31, ст. 3215.
19. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 2014. № 31, ст. 4398.
20. *Депощение по российскому праву (доктрина, практика, техника) / В. М. Баранов, А. Г. Чернявский, И. В. Девяшин, Д. А. Пешехонов.* М., 2017. 448 с.

21. Попова В. В. Поощрительные нормы современного российского права : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015. 174 с.
22. Волкова В. В. Заслуга как основание для правового поощрения государственных служащих // Вестн. Майкоп. гос. технол. ун-та. 2012. Вып. 4. С. 50–55.
23. Мирошник С. В. Теория правового стимулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. 40 с.
24. Трофимов Е. В. Характеристика заслуги как основания награждения // Современное право. 2011. № 1. С. 70–75.
25. Трофимов Е. В. Наградное дело в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 454 с.

Образец для цитирования:

Кокурина О. Ю. Заслуга как социально-правовое явление и понятие: определение, материальные и юридические признаки (Часть 2) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 286–293. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-286-293>

Merit as a Social and Legal Phenomena and Concept: Definition, Material and Legal Attributes (Part 2)

O. Yu. Kokurina

Olga Yu. Kokurina, <https://orcid.org/0000-0001-9527-5848>, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia, info@polit.msu

Introduction. The article is devoted to the consideration of the nature and content of the concept of «merit» in premium law. **Discussion.** The author of the article has attempted to determine the essence of merit, which is a combination of attributes, on the basis of which merit acts as an independent socio-legal phenomenon. The main and additional social and legal features of merit were investigated, the concept of a meta-model of meritorious behavior was introduced. The definition of merit is formulated as a socially useful act provided for by law, which serves as the basis for applying a positive sanction, the content of which is legal encouraging (awarding by the state). **Conclusion.** The paper presents the characteristic properties and defines the notion of «merit» in the context of the unity of the legal and social, formal and material aspects of this socio-legal phenomenon of the premium institution. The perspective of further theoretical development of the legal «structure of merit» as a qualifying instrument of premium law is noted.

Keywords: attributes of merit, award, encouraging, merit, premium law, structure of merit

References

1. Oksamytnyi V. V. *Obschaya teoriya gosudarstva i prava* [General Theory of State and Law]. Moscow, 2012. 511 p. (in Russian).
2. Iering R. *Tsel' v prave* [Law as a Means to an End]. St. Petersburg, 1881. 443 p. (in Russian).
3. Baranov V. M. *Pooschritel'nyye normy sovetskogo sotsialisticheskogo prava* [Encouraging Norms of Soviet Socialist Law]. Saratov, 1978. 148 p. (in Russian).
4. Bogatyreva N. G. Merit as the basis of legal encouragement. *Matters of Russian and International Law*, 2017, vol. 7, iss. 4A, pp. 224–232 (in Russian).
5. Volkova V. V. The Basis for Civil Servants Encouragement or Stimulation. *Sovremennoe pravo* [Modern Law], 2013, no. 6, pp. 83–85 (in Russian).
6. Grigor'ev V. A. The award law as a means of preventing corruption. In: *Sovremennaya ugolovnaya politika v sfere bor'by s transnatsional'noi organizovannoi prestupnost'yu i korruptsiei* [Modern criminal policy in the field of combating transnational organized crime and corruption]. Moscow, 2002, pp. 146–153 (in Russian).
7. Vinokurov V. A. *Konstitutsionno-pravovye osnovy regulirovaniya nagrad gosudarstva v Rossiiskoy Federatsii* [Constitutional and legal framework for the regulation of state awards in the Russian Federation]. Diss. Dr. Sci. (Jur.). Moscow, 2010. 515 p. (in Russian).
8. Mal'ko A. V. Merit as a Legal Category. *Novaya pravovaia mysl'* [New Legal Thought], 2004, no. 1, pp. 22–25 (in Russian).
9. Mal'ko A. V. Incentives and limitations in law. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 1998, no. 3, pp. 134–147 (in Russian).
10. Mal'ko A. V. Encouragement as a legal means. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 1996, no. 3, pp. 26–36 (in Russian).
11. Mal'ko A. V. Legal Encouraging Sanctions. *Atrium. Ser. «Jurisprudence»*. Iss. 6. Tolyatti, 1996, pp. 3–7 (in Russian).
12. Kiseleva O. M. *Pooschreniye kak metod pravovogo regulirovaniya* [Encouragement as a method of legal regulation]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Saratov, 2000. 38 p. (in Russian).
13. Duel' V. M. *Gosudarstvennyye nagrody v rossiyskom prave* [State awards in Russian law]. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 2005. 181 p. (in Russian).
14. Gushchina N. A. *Pooshchreniye v prave: teoretiko-pravovoye issledovaniye* [Encouragement in Law: A Theoretical Legal Study]. St. Petersburg, 2004. 292 p. (in Russian).
15. On Measures to Improve the State Award System of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation of 07.09.2010 no. 1099 (an edition of 15.09.2018). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2010, no. 37, art. 4643 (in Russian).
16. Kudryavtsev V. N. *Pravovoye povedeniye: norma i patologiya* [Legal behavior: Norm and pathology]. Moscow, 1982. 287 p. (in Russian).

17. Tipikina E. V. *Zasluga kak osnovaniye dlya pravovogo pooschreniya* [Merit as the basis for legal encouragement]. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Saratov, 2008. 210 p. (in Russian).
18. On the state civil service of the Russian Federation. Federal law of 27.07.2004 no. 79-FZ (an edition of 11.12.2018). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2004, no. 31, art. 3215 (in Russian).
19. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote of 12.12.1993) (amended of 30.12.2008 no. 6-FKZ, of 30.12.2008 no. 7-FKZ, of 05.02.2014 no. 2-FKZ, of 21.07.2014 no. 11-FKZ). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398 (in Russian).
20. Depooschrenie po rossiiskomu pravu (doktrina, praktika, tekhnika) [De-encouragement in Russian law (doctrine, practice, technology) / V. M. Baranov, A. G. Chernyavskiy, I. V. Devyashin, D. A. Peshekhonov]. Moscow, 2017. 448 p. (in Russian).
21. Popova V. V. *Pooschritel'nye normy sovremennogo rossiiskogo prava* [Premium rules of modern Russian law]. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Omsk, 2015. 174 p. (in Russian).
22. Volkova V. V. Merit as a basis for legal encouragements for civil servants. *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta* [Herald Maykop State Technological University], 2012, iss. 4, pp. 50–55 (in Russian).
23. Miroshnik S. V. *Teoriya pravovogo stimulirovaniya* [The theory of legal motivation]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Jur.). Rostov-on-Don, 2003. 40 p. (in Russian).
24. Trofimov E. V. Merit as a Basis for Legal Promotion of Civil Servants. *Sovremennoye pravo* [Modern Law], 2011, no. 1, pp. 70–75 (in Russian).
25. Trofimov E. V. *Nagradoynoye delo v Rossiiskoy Federatsii* [Award affair in the Russian Federation]. Diss. Dr. Sci. (Jur.). Moscow, 2012. 454 p. (in Russian).

Cite this article as:

Kokurina O. Yu. Merit as a Social and Legal Phenomena and Concept: Definition, Material and Legal Attributes (Part 2). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 286–293 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-286-293>

УДК 342.571

Вопросы законодательного регулирования эффективности информационного обеспечения общественного контроля

Г. Н. Комкова, С. А. Куликова

Комкова Галина Николаевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, декан юридического факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, komkova_galina@mail.ru

Ключевые слова: общественный контроль, информация о проведении общественного контроля, информационная система общественного контроля.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-294-301>

Куликова Светлана Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, kulikovasveta@inbox.ru

Введение. Общественный контроль – одна из форм влияния гражданского общества на деятельность органов государственной власти. Важным элементом общественного контроля является обеспечение свободного доступа граждан к информации о субъектах, объектах и формах проведения общественного контроля и широкого обсуждения его результатов. **Теоретический анализ.** Российское законодательство, устанавливающее правовые основы общественного контроля, провозглашает публичность и открытость его осуществления; предусматривает условия его информационного обеспечения; устанавливает правило общедоступности информации об общественном контроле за исключением сведений, составляющих государственную тайну и иные виды тайн, персональные данные; содержит регламентацию прав и обязанностей субъектов и объектов общественного контроля, касающихся предоставления и обнародования информации. Однако указанные нормы носят рамочный характер, вопросы, касающиеся получения гражданами информации об осуществлении общественного контроля, не получили достаточной проработки. **Эмпирический анализ.** Наиболее существенными недостатками правового регулирования информационного обеспечения общественного контроля являются: разобщенность информационных ресурсов, на которых размещается информация о различных субъектах и формах общественного контроля, что способствует фрагментированию информации и затрудняет ее поиск; отсутствие обязательного перечня информации об общественном контроле, что затрудняет мониторинг информационного обеспечения общественного контроля; недостаточность информационно-правовых гарантий осуществления общественного контроля. **Результаты.** Предлагаются следующие направления организационно-правового совершенствования информационного обеспечения общественного контроля: осуществить правовую регламентацию создания и функционирования единой государственной информационной системы общественного контроля; включить в текст ст. 8 Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» перечень обязательно обнародуемой информации об осуществлении общественного контроля и его результатов; установить дополнительные правовые гарантии доступа к информации об общественном контроле.

Введение

Общественный контроль рассматривается современной юридической наукой как одна из форм реализации конституционного принципа народовластия, осуществления права граждан на участие в делах государства, эффективного влияния гражданского общества на деятельность органов государственной власти.

В ряде научных работ подчеркивается важное значение информационного обеспечения общественного контроля. При этом, как правило, выделяются два аспекта.

Во-первых, отмечается, что открытость информации о деятельности органов государственной власти является необходимым условием обеспечения общественного контроля. «Именно благодаря информационной прозрачности, – считает В. В. Гриб, – обеспечивается открытость и доступность органов государственной власти для общественного контроля, формируются отношения подотчетности власти гражданскому обществу. Именно открытость и гласность обязывает органы государственной власти предоставлять обществу реальную, соответствующую действительности информацию, а не “пиаровский” отчет о своей деятельности» [1, с. 16]. Информационная открытость осуществления государственного управления, по мнению Л. А. Букалериной и А. В. Остроушко, увеличивает эффективность общественного контроля и в целом повышает доверие граждан к органам государственной власти [2, с. 733]. О. А. Околёнова подчеркивает, что «право на доступ к информации является ключевым элементом общественного контроля. Важным элементом гражданского общества является обеспечение государством возможности для граждан ознакомиться с той информацией, которая была основанием для принятия органами власти того или иного решения. Должностное лицо, понимая, что информация о его деятельности будет всеобщее доступна, осознает необходимость качественного исполнения своих обязанностей» [3, с. 797].

Во-вторых, доступ к информации о проведении самого общественного контроля рассматривается как гарантия его законности и обоснованности. Как отмечает О. В. Макарова, «открытой должна быть не только информация, необходимая для общественного контроля, но и информация об осуществлении общественного контроля: о субъектах, об объектах, о проведенных мероприятиях, выявленных нарушениях, лицах, привлеченных к ответственности. При этом, с одной стороны, это будет гарантией контроля самой общественности за осуществлением общественного контроля, а с другой, для лиц, которых контролируют – гарантией объективности контроля и минимизации нарушений при его осуществлении» [4, с. 59].

Наиболее глубокий анализ информационной составляющей общественного контроля представлен Е. В. Бердниковой, которая приходит к выводу, что «информационный компонент общественного контроля является очень важным системообразующим фактором, объединяющим все элементы данной системы в единое целое и обеспечивающим ее динамическое развитие, устойчивость и жизнеспособность» [5, с. 109].

Вопрос о доступе к информации о проведении и результатах общественного контроля, на наш взгляд, является гораздо менее исследованным, юридическая наука еще только подступает к изучению основных требований к информационному обеспечению различных форм общественного контроля. Правовое регулирование этого процесса также находится на этапе своего становления и не отличается полнотой. Указанные факторы порождают проблемы практической реализации законодательных норм об информационном обеспечении общественного контроля.

Теоретический анализ

В Федеральном законе «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» от 21 июля 2014 № 212-ФЗ [6] содержатся следующие базовые нормы, регулирующие информационное обеспечение общественного контроля:

1) публичность и открытость названы одним из принципов осуществления общественного контроля и обсуждения его результатов (п. 4 ст. 6);

2) предусмотрены условия информационного обеспечения общественного контроля (место размещения информации, возможность взаимодействия между собой и с органами государственной власти, органами местного самоуправления с использованием сети Интернет, требования к размещаемой информации) (ст. 7);

3) регламентировано правило общедоступности информации об общественном контроле и

указаны исключения из этого правила (сведения, составляющие государственную тайну и иные виды тайн, персональные данные) (ст. 8);

4) среди прав и обязанностей субъектов общественного контроля указано право запрашивать у объектов общественного контроля необходимую им информацию; подготавливать итоговый документ, в котором отражены результаты общественного контроля, и направлять его в проверяемые органы и организации, а также в средства массовой информации (ст. 10); предоставлять информацию по запросам редакций СМИ (ст. 8);

5) установлены требования к обнародованию результатов общественного контроля (ст. 26).

Таким образом, в пяти статьях Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» в той или иной степени говорится об информационном обеспечении общественного контроля, что, в общем, свидетельствует о понимании законодателем необходимости открытости и гласности осуществления общественного контроля.

Однако перечисленные выше нормы закона носят рамочный характер, вопросы, касающиеся получения гражданами информации об осуществлении общественного контроля, не получили достаточной проработки.

Эмпирический анализ

Обозначим наиболее существенные недостатки правового регулирования информационного обеспечения общественного контроля и предложим пути совершенствования правового регулирования в указанной сфере. Для этого, на наш взгляд, в законе должны получить принципиально иное решение три вопроса.

Вопрос первый: Где должна размещаться информация?

Согласно ч. 1 ст. 7, субъекты общественного контроля могут:

а) создавать собственные специальные сайты;

б) использовать официальные сайты органов и организаций, деятельность которых является объектом общественного контроля;

в) использовать официальные сайты общественных палат субъектов Российской Федерации и общественных палат (советов) муниципальных образований.

Тем самым Законом предусматривается три вида информационных площадок, где могут размещаться сведения о проведении и результатах общественного контроля.

Проведенное нами изучение сайтов субъектов общественного контроля позволило сде-

лать вывод, что на сайтах общественных палат субъектов Российской Федерации размещается информация о мероприятиях общественного контроля, проводимых членами этих общественных палат, а также о деятельности общественных наблюдательных комиссий.

Сведения о деятельности общественных советов при федеральных органах исполнительной власти, общественных советов при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации, как правило, размещаются на сайтах органов государственной власти, при которых созданы указанные советы. При этом страницы общественных советов редко выносятся на первую (главную) страницу сайта органа власти, а чаще помещаются в разделы «Общественная деятельность Министерства», «Общая информация», «Дополнительные разделы» и т.д., что затрудняет поиск информации об их деятельности. Иногда общественные советы создают собственные сайты. В этом случае информация о деятельности советов разделяется на две неравные части: официальные документы о деятельности совета (протоколы заседаний, отчеты и т.д.) размещаются на странице общественного совета на сайте органа государственной власти, а сведения о мероприятиях, проводимых советом, с развернутыми пресс-релизами, аудио- и видеоматериалами – на специальных сайтах советов. В результате такое разнообразие информационных площадок способствует фрагментированию информации и затрудняет ее поиск.

Наиболее оптимальным представляется создание единой информационной системы общественного контроля.

Подобные предложения высказывались в научной литературе. О. А. Околёнова в своем диссертационном исследовании выдвинула предложение о «создании Электронного ресурсного центра общественного контроля – специализированного портала в сети “Интернет” и одновременно социальной сети всех участников общественного контроля» [7, с. 10].

По мнению О. В. Макаровой, «предпочтительным представляется создание автоматизированной системы, реализующей в сети Интернет информационные процессы при осуществлении общественного контроля – электронного ресурса центра общественного контроля (ЭРЦОК)» [4, с. 61].

Идея создания единого информационного ресурса общественного контроля на уровне субъекта Федерации нашла свое отражение в проекте Закона Санкт-Петербурга «Об общественном контроле в Санкт-Петербурге», вне-

сенном депутатом Законодательного собрания г. Санкт-Петербурга Б. Л. Вишневым [8]. Статья 3 указанного проекта предусматривает в целях информационного обеспечения общественного контроля, обеспечения его публичности и открытости создание Общественной палатой Санкт-Петербурга общедоступного специального сайта общественного контроля в Санкт-Петербурге в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. На указанном сайте аккумулировалась бы вся информация о проведении и результатах общественного контроля в городе.

В проекте Федерального закона, направленного на совершенствование действующего закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», который был подготовлен Советом при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека для обеспечения открытости и публичности общественного контроля, предлагается создание федеральной государственной информационной системы (которая в проекте именуется Системой электронной демократии), обеспечивающей сбор, обработку, накопление, хранение, поиск и передачу информации о деятельности субъектов общественного контроля и лиц, деятельность которых по осуществлению возложенных на них государственных или иных публичных полномочий является объектом общественного контроля [9].

Попытка создания информационной системы, аккумулирующей информацию об общественном контроле, частично воплощена в результате создания Федеральной государственной информационной системы общественного контроля в области охраны окружающей среды и природопользования, деятельность которой регулируется Постановлением Правительства РФ от 8 сентября 2017 г. № 1082 [10]. Указанная ФГИС, получившая звание «Наша природа», предназначена для обеспечения информационного взаимодействия пользователей с уполномоченными федеральными органами исполнительной власти по вопросам охраны окружающей среды и природопользования, выявления нарушений законодательства в области охраны окружающей среды и принятия мер по их устранению. Система работает следующим образом: пользователи с помощью интернет-портала или мобильного приложения сообщают об обнаруженных ими предполагаемых нарушениях природоохранного законодательства, прикладывают фото- и видеоматериалы, подтверждающие факты правонарушений с указанием их точного местоположения. Органы государственной и муниципальной власти получают уведомления

и в случае подтверждения факта нарушения осуществляют мероприятия по ликвидации данного нарушения в пределах установленной компетенции. На портале размещаются как сообщения пользователей с видеоматериалами, так и информация об устранении правонарушений. На 12 мая 2019 г. во ФГИС «Наша природа» (<https://www.priroda-ok.ru/#/>) зарегистрировано 676 сообщений, после модернизации на портале размещено 188 сообщений (187 из них касаются несанкционированного размещения отходов, 1 – загрязнения водного объекта), по 74 сообщениям приняты меры.

Анализ функционирования ФГИС «Наша природа» позволяет сделать вывод о том, что ее внедрение и использование направлено не столько на осуществление общественного контроля в сфере природопользования, сколько на создание постоянно действующего механизма взаимодействия органов государственной и муниципальной власти и граждан, уменьшение сроков принятия решений и проведения мероприятий, направленных на ликвидацию последствий экологических правонарушений. И хотя эти задачи также имеют важное значение, они гораздо уже цели создания указанной ФГИС – информационного обеспечения общественного контроля в области охраны окружающей среды и природопользования.

Создание единой государственной информационной системы общественного контроля, учитывающей различные сферы и формы осуществления такого контроля, представляется необходимым условием информационного обеспечения общественного контроля.

Вопрос второй: Что входит в понятие «информация об общественном контроле»?

Федеральным законом «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» не устанавливается перечень информации об общественном контроле, обязательный для размещения на информационных ресурсах субъектов и объектов общественного контроля.

Указывается только несколько видов информации, которая должна размещаться субъектами общественного контроля:

- информация о своей деятельности (ч. 3 ст. 7);
- адрес электронной почты, на который пользователем может быть направлен запрос и получена запрашиваемая информация (ч. 3 ст. 7);
- итоговый документ, подготовленный по результатам общественного контроля, в котором указываются место и время осуществления общественного контроля, задачи общественного контроля, установленные при осуществлении общественного контроля, факты и обстоятельства,

предложения, рекомендации и выводы, а также иные документы, полученные при осуществлении общественного контроля (ч. 2 ст. 26).

Таким образом, Законом определяются только требования к содержанию итогового документа (результатов общественного мониторинга, акта общественной проверки, заключения общественной экспертизы, протокола общественного обсуждения, протокола общественных (публичных) слушаний и др.).

Формулировка, употребляемая в ч. 3 ст. 7, – «информация о своей деятельности» представляется излишне обобщенной и не соответствующей требованиям правовой определенности.

Практика информирования граждан субъектами общественного контроля о своей деятельности отличается разнообразием. Довольно часто субъекты общественного контроля размещают нормативные документы, в соответствии с которыми они формируются, их состав, планы работы на год и протоколы заседаний. Подобный подход свидетельствует о формализме в обеспечении доступа к информации об общественном контроле и не соответствует принципу информационной открытости осуществления общественного контроля.

Встречаются примеры подробного освещения деятельности, связанной с общественным контролем, когда на сайтах/страницах сайтов общественных советов при органах исполнительной власти публикуются развернутые тексты выступлений присутствующих; документы, аналитические и статистические данные, подготовленные органами государственной и муниципальной власти для ознакомления членов советов по обсуждаемой проблематике; размещаются прямые интернет-трансляции заседаний. Такой подход позволяет гражданам получать полноценное представление об осуществлении общественного контроля и повышает их доверие к субъектам такого контроля.

В целом отсутствие обязательного перечня информации об общественном контроле является, на наш взгляд, существенным недостатком и затрудняет мониторинг информационного обеспечения общественного контроля.

Вопрос третий: Каковы информационно-правовые гарантии общественного контроля?

Федеральным законом «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» установлены следующие информационно-правовые гарантии общественного контроля:

- презумпция открытости информации об общественном контроле (ч. 1 ст. 8);
- обязанность субъектов общественного контроля обнародовать информацию о своей

деятельности по осуществлению общественного контроля и его результатах (п. 5 ч. 2 ст. 10);

– органы государственной власти, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные организации, иные органы и организации, осуществляющие отдельные публичные полномочия, при осуществлении общественного контроля обязаны предоставлять субъектам общественного контроля информацию о своей деятельности, представляющую общественный интерес (п. 1 ч. 5 ст. 16);

– органы государственной власти, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные организации, иные органы и организации, осуществляющие отдельные публичные полномочия, обязаны предоставлять информацию по запросам субъектов общественного контроля, за исключением сведений, доступ к которым ограничен (п. 2 ч. 5 ст. 16);

– объекты общественного контроля обязаны информировать о результатах рассмотрения итоговых документов проверяющих их субъектов не позднее 30 дней со дня получения указанных документов, а в случаях, не терпящих отлагательства, незамедлительно (ч. 5 ст. 26).

Закон устанавливает две формы информирования: размещение соответствующей информации в сети Интернет и направление ее в средства массовой информации.

Информационно-правовые гарантии получили развитие в законодательстве некоторых субъектов Российской Федерации.

Например, Законом Алтайского края «Об общественном контроле в Алтайском крае» от 29 июня 2015 г. № 52-ЗС устанавливается обязанность органов государственной власти Алтайского края, органов местного самоуправления размещать на своих официальных сайтах информацию о начале процедуры общественного контроля и его организаторе; итоговый документ, подготовленный по результатам общественного контроля и поступивший от субъекта общественного контроля, иную информацию об осуществлении общественного контроля (ст. 18) [11].

Законом Московской области «Об отдельных вопросах осуществления общественного контроля в Московской области» от 22 июля 2015 г. № 130/2015-ОЗ предусмотрено, что итоговый документ, подготовленный по результатам общественных (публичных) слушаний, размещается на официальном сайте соответствующего субъекта общественного контроля, а при отсутствии такого сайта – на официальном сайте объекта общественного контроля (ч. 4 ст. 19) [12].

Статьей 8 Закона Республики Татарстан «О регулировании отдельных вопросов, связанных с осуществлением общественного контроля в Республике Татарстан» от 20 июля 2017 г. № 62-ЗРТ устанавливается обязанность органов государственной власти и органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций размещать информацию по вопросам общественного контроля за осуществляемой ими деятельностью на своих официальных сайтах [13].

Пожалуй, самая детальная разработка гарантий доступа к информации об общественном контроле представлена в Законе Мурманской области «О дополнительных мерах обеспечения общественного контроля» от 14 ноября 2014 г. № 1781-01-ЗМО, ст. 1 которого устанавливается, что органы государственной власти Мурманской области и государственные областные организации размещают на своих официальных сайтах:

– информацию о начале процедуры общественного контроля и его организаторе – в течение двух рабочих дней со дня получения такой информации;

– итоговый документ, подготовленный по результатам общественного контроля, – в течение двух рабочих дней со дня его предоставления организатором общественного контроля;

– ответ по результатам рассмотрения итогового документа – в день его направления организатору общественного контроля (п. 3 ч. 1 ст. 1) [14].

В целом, можно отметить, что представленные в Федеральном законе «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» минимальные информационно-правовые гарантии получили развитие в законодательстве некоторых субъектов Российской Федерации.

Результаты

Подводя итог вышесказанному, можно сделать ряд выводов теоретического и практического характера.

Нормы Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» об информационном обеспечении общественного контроля носят рамочный, излишне обобщенный характер; вопросы, касающиеся получения гражданами информации об осуществлении общественного контроля, не получили достаточной проработки, тогда как одной из важнейших целей общественного контроля как раз и выступает информирование граждан о том, соответствует ли деятельность проверяемого органа власти его целям и задачам, не допускаются ли при этом нарушения закона, прав и свобод граждан.

Представляются необходимыми и своевременными следующие направления организационно-правового совершенствования информационного обеспечения общественного контроля.

Во-первых, необходима правовая регламентация создания и функционирования единой государственной информационной системы общественного контроля, учитывающей различные сферы и формы осуществления такого контроля, в которой бы аккумулировалась информация о проведении общественного контроля как на федеральном уровне, так и в субъектах Федерации, обеспечивалась прямая и обратная связь субъектов и объектов общественного контроля, проводилось онлайн-обучение субъектов общественного контроля и создавались условия для получения гражданами доступа к информации об осуществлении общественного контроля в Российской Федерации. Такая информационная система позволит каждому гражданину почувствовать себя соучастником общественного контроля в Российской Федерации, предложить собственное решение тех или иных проблем на уровне Федерации, региона, муниципалитета.

Во-вторых, важным будет включение в текст ст. 8 Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» перечня обязательно обнародуемой информации об осуществлении общественного контроля и его результатов. Такой перечень будет не только структурировать процедуру проведения общественного контроля, но и способствовать повышению его результативности.

В-третьих, важным будет установление дополнительных правовых гарантий доступа к информации об общественном контроле в части введения обязательности для органов государственной власти, органов местного самоуправления и других объектов общественного контроля размещения на своих официальных сайтах в сети Интернет информации о проведении в отношении них общественного контроля, его итоговых документов, а также результатов рассмотрения указанных документов. Это будет стимулировать органы публичной власти к принятию превентивных действий по недопущению нарушений прав и свобод граждан в своей деятельности.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и АНО «Экспертный институт социальных исследований» (проект «Тенденции и перспективы политической институционализации общественного контроля в субъектах Российской Федерации» № 19-011-31018).

Список литературы

1. Гриб В. В. Право на получение информации и проблемы его реализации субъектами общественного контроля в Российской Федерации и за рубежом // Российская юстиция. 2015. № 10. С. 16–19.
2. Букалерева Л. А., Остроушко А. В. Информационно-правовое обеспечение общественной оценки деятельности государственных органов // Административное и муниципальное право. 2015. № 7. С. 732–737. DOI: 10.7256/2454-0595.2015.7.14123
3. Околёснова О. А. Раскрытие информации как форма обеспечения доступа к информации, составляющей общественный интерес // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5. С. 794–798.
4. Макарова О. В. Общественный контроль за соблюдением открытости информации о деятельности публичной власти // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 54–62.
5. Бердникова Е. В. Информационное обеспечение общественного контроля в Российской Федерации : системно-правовой анализ // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 106–111. DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-1-106-111
6. Об основах общественного контроля в Российской Федерации : федер. закон от 21.06.2014 № 212-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30 (ч. I), ст. 4213 ; 2018. № 53 (ч. I), ст. 8424.
7. Околёснова О. А. Информационно-правовые основы общественного контроля в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 25 с.
8. Проект Закона г. Санкт-Петербурга «Об общественном контроле в Санкт-Петербурге» // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. URL: <https://www.gov.spb.ru/law/?d&nd=537995242&nh=0> (дата обращения: 12.05.2019).
9. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основах общественного контроля в Российской Федерации”» // Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека : [сайт]. URL: <http://president-sovet.ru/documents/read/537/> (дата обращения: 12.05.2019).
10. О федеральной государственной информационной системе общественного контроля в области охраны окружающей среды и природопользования : постановление Правительства РФ от 08.09.2017 № 1082 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 38, ст. 5620.
11. Сборник законодательства Алтайского края. 2015. № 230, ч. 1.
12. Интернет-портал Московской областной Думы. URL: http://www.mosoblдума.ru/Zakoni/Zakoni_Moskovskoj_oblasti/item/43329 (дата обращения: 12.05.2019).

13. Портал правовой информации Республики Татарстан. URL: http://pravo.tatarstan.ru/rus/gossov/zakon.htm/?пра_id=145580 (дата обращения: 12.05.2019).
14. О дополнительных мерах обеспечения общественного контроля : закон Мурманской области от 14.11.2014 № 1781-01-ЗМО. URL: <http://docs.cntd.ru/document/423858227> (дата обращения: 12.05.2019).

Образец для цитирования:

Комкова Г. Н., Куликова С. А. Вопросы законодательного регулирования эффективности информационного обеспечения общественного контроля // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 294–301. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-294-301>

Questions of Legislative Regulation to Effectively Ensure Information Support of Public Control

G. N. Komkova, S. A. Kulikova

Galina N. Komkova, <https://orcid.org/0000-0002-2572-2443>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, komkova_galina@mail.ru

Svetlana A. Kulikova, <https://orcid.org/0000-0002-0975-9588>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, kulikovasveta@inbox.ru

Introduction. Public control is a mechanism with the help of which civil society influences the activities of government authorities. An important element of public control is to provide free access of citizens to the information about the subjects, objects and forms of public control, and a broad discussion of its results. **Theoretical analysis.** Establishing the legal basis of public control, the Russian legislation proclaims the publicity and openness of public control; it sets up the conditions to ensure information support of public control; the law establishes the rule of public access to the information on public control except for the information constituting a state secret and other types of secrets, as well as personal data; it regulates the rights and obligations of subjects and objects of public control relating to the provision and disclosure of information. However, these rules set only a legal framework; the issues relating to the ways in which citizens obtain information about the implementation of public control have not been studied sufficiently. **Empirical analysis.** The most significant drawbacks of the legal regulation to ensure information support of public control are: the disarray of information resources that contain information about various subjects and forms of public control, which leads to the fragmentation of information and makes it difficult to search for it; the lack of a mandatory list of information items on public control, which makes it difficult to monitor the information support of public control; the lack of information and legal guarantees of public control. **Results.** The following ways to improve ensuring information support of public control in terms of organization and legal nature are offered: legal regulation to create and ensure functioning of the unified state information system of public control should be implemented; the list of information items on implementation of public control and its results that are compulsory to be openly published should be included in the text of Art. 8 of the Federal Law “On the basis of public control in the Russian Federation”; additional legal guarantees of access to information on public control should be established.

Keywords: public control, information on the conduct of public control, information system of public control.

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research and the ANO Expert Social Research Institute (project “Trends and Prospects for the Political Institutionalization of Social Control in the Subjects of the Russian Federation” no. 19-011-31018).

References

1. Grib V. V. The right to receive information and the problems of its implementation by subjects of public control in the Russian Federation and foreign countries. *Rossiiskaia iustitsiia* [Russian justice], 2015, no. 10, pp. 16–19 (in Russian).
2. Bukalerova L. A., Ostroushko A. V. Information and legal support of public evaluation of state bodies. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo* [Administrative and municipal law], 2015, no. 7, pp. 732–737 (in Russian). DOI: 10.7256/2454-0595.2015.7.14123
3. Okolesnova O. A. Disclosure of the information as the form of guaranteeing access to the information of public interest. *Actual Problems of Russian Law*, 2014, no. 5, pp. 794–798 (in Russian).
4. Makarova O. V. Public Control over the Information Openness about the Activity of Public Authorities. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2017, no. 7, pp. 54–62 (in Russian).
5. Berdnikova E. V. Information Support of Public Control in the Russian Federation: System and Legal Analysis. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 106–111 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-1-106-111
6. On the basis of public control in the Russian Federation. Federal law of 21.06.2014 no. 212-FZ. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 30 (pt. I), art. 4213; 2018, no. 53 (pt. I), art. 8424 (in Russian).
7. Okolesnova O. A. *Informatsionno-pravovye osnovy obschestvennogo kontrolya v Rossiiskoi Federatsii* [Information and legal foundations of public control in the Russian Federation]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 2014. 25 p. (in Russian).
8. Draft Law of St. Petersburg “On Public Control in St. Petersburg”. *Ofitsial'nyi sait Administratsii Sankt-Peterburga* (Official website of the Administration of St. Petersburg). Available at: <https://www.gov.spb.ru/law/?d&nd=537995242&nh=0> (accessed 12 May 2019) (in Russian).

9. Draft Federal law “On Amendments to the Federal Law “On the Fundamentals of Social Control in the Russian Federation”. *Ofitsial’nyi sait Soveta pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii po razvitiyu grazhdanskogo obschestva i pravam cheloveka* (Official site of the Council under the President of the Russian Federation on the development of civil society and human rights). Available at: <http://president-sovet.ru/documents/read/537/> (accessed 12 May 2019) (in Russian).
10. On the federal state information system of public control in the field of environmental protection and environmental management. Government decree of 08.09.2017 no. 1082. *Sobranie zakonodatel’stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2017, no. 38, art. 5620 (in Russian).
11. *Sbornik zakonodatel’stva Altaiskogo kraia* [Collection of legislation of Altai Region], 2015, no. 230, pt. 1 (in Russian).
12. *Internet-portal Moskovskoi oblastnoi Dumy* (Internet portal of the Moscow Regional Duma). Available at: http://www.mosoblduma.ru/Zakoni/Zakoni_Moskovskoj_oblasti/item/43329 (accessed 12 May 2019) (in Russian).
13. *Ofitsial’nyi portal pravovoi informatsii Respubliki Tatarstan* (Official portal of legal information of the Republic of Tatarstan). Available at: http://pravo.tatarstan.ru/rus/gossov/zakon.htm?npa_id=145580 (accessed 12 May 2019) (in Russian).
14. On additional measures to ensure public control. Law of the Murmansk region of 14.11.2014 no. 1781-01-ZMO. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/423858227> (accessed 12 May 2019) (in Russian).

Cite this article as:

Комкова Г. Н., Куликова С. А. Вопросы законодательного регулирования эффективности обеспечения информационной поддержки государственного контроля. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 294–301 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-294-301>

УДК 342.72/73

Сущность принципа правовой определенности: в поисках конституционно-правового смысла

Д. С. Велиева, М. В. Пресняков

Велиева Джамиля Сейфаддиновна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, ya.wds05@yandex.ru

Пресняков Михаил Вячеславович, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, presnykov1972@yandex.ru

Введение. В статье анализируется принцип правовой определенности с позиции той роли или функции, которую он выполняет в правовой системе. **Теоретический анализ.** В статье отмечается, что категория «правовая определенность» принципиально не сводима к понятию «определенность права», поскольку относится не только к системе права, но и к правовой системе в целом. По мнению авторов, понятие «правовая определенность» выражает состояние определенности правового регулирования реально существующих общественных отношений и в этом смысле охватывает не только требования ясности, определенности и согласованности правовых норм, но и определенность фактического правового статуса субъектов права. Именно права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов. Право же представляет собой инструмент, обеспечивающий состояние правовой определенности регулируемых им общественных отношений. **Результаты.** На основе изложенного делается вывод что правовая определенность, которая в данном контексте представляет собой именно фактический аспект воздействия права на существующие общественные отношения, действительно характеризует «не правовые» или не совсем правовые явления. Содержательный аспект правовой определенности связан не столько с определенностью правовых предписаний, сколько с выявлением действительного смысла субъективного права, объема входящих в него правомочий, пределов его осуществления и т.п. Принцип же правовой определенности выражается через систему юридических инструментов, позволяющих обеспечить, во-первых, предметную определенность правового статуса человека и гражданина и, во-вторых, необходимую стабильность данного статуса при изменении текущего законодательства.

Ключевые слова: правовая определенность, определенность права, принцип правовой определенности, правовой статус.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-302-309>

Введение

В последние годы принцип правовой определенности является предметом оживленных научных дискуссий на страницах юридической

литературы. При этом, как мы уже отмечали в других работах [1], содержательные характеристики данного требования, предъявляемого к праву, охватывают значительный диапазон самых разноплановых императивов, что затрудняет его идентификацию в качестве «принципа-нормы», т.е. посредством единой нормативной формулы данного принципа. Кстати, нужно заметить, что разноплановый и разнонаправленный характер требований правовой определенности отмечается практически всеми исследователями данного вопроса. Так, например, И. С. Дикарев в своей монографии «Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе» отмечает: «Содержание принципа правовой определенности образует система элементов, которые в обобщенном виде могут быть представлены следующим образом: 1) стабильность правового регулирования; 2) осведомленность гражданина относительно действующих законов и подзаконных нормативных актов, а также правоприменительных решений, затрагивающих его права и законные интересы; 3) ясность, недвусмысленность и согласованность правовых норм, правоприменительных решений; 4) единообразное применение закона (в том числе единство судебной практики); 5) стабильность правоприменительных решений; 6) исполнимость судебных решений» [2, с. 5].

С критикой данной позиции, как и всех иных точек зрения, рассматривающих правовую определенность как элемент не только системы права, но и правовой системы, выступил В. В. Ершов, по мнению которого подобный подход «искусственно интегрирует» право и неправое: «с одной стороны, “правовые нормы” и “законы”; с другой стороны – “осведомленность гражданина относительно действующих законов и подзаконных нормативных актов”, “правоприменительные решения”, “единообразное применение закона, в том числе единство судебной практики”, “стабильность правоприменительных решений” и “исполнимость судебных решений”» [3, с. 34].

Профессор В. В. Ершов вообще находит категорию «правовая определенность» (как и принцип правовой определенности) «теоретически дискуссионным» и «практически контрпродуктивным», полагает «теоретически

обоснованным, а практически необходимым» использование понятия «определенность права» «как категории, “наиболее достоверной из всех”, объективно характеризующей качественное состояние права, а не других социальных явлений, в том числе позволяющей разграничить право и неправу» [3, с. 34]. С этой позиции жесткого разграничения права и «не права» он отвергает предлагаемые различными исследователями категории определенности «качества и эффективности правоприменительной деятельности», «определенности и стабильности судебного решения», «ясности порядка применения правовых норм», «уверенности в окончательности результата правоприменительной деятельности» и т.п.

В рамках данной работы планируется анализ именно сущности принципа правовой определенности как элемента правовой системы, а не его содержательных характеристик. Другими словами, речь будет идти о том, какую функциональную роль он выполняет в правовой системе и как взаимодействует с правом и иными явлениями правовой действительности. Содержательные же характеристики правовой определенности представляют собой настолько разноплановые характеристики и императивы, что, безусловно, нуждаются в отдельном и гораздо более объемном исследовании. И хотя мы принимаем «упрек» М. В. Сидоренко, что «назначение доктрины как раз и заключается в том, чтобы дать разумное и желательно операциональное объяснение каждому из элементов и явлений непосредственного предмета познания, ... а не в том, чтобы апеллировать к “затруднительности” и “эклектике”, предложенным к анализу сложных явлений», но в задачу данной работы анализ данных характеристик не входит [4, с. 45].

Теоретический анализ

Следует согласиться, что правовая определенность – семантически более широкое понятие, чем определенность права, уже потому, что оно охватывает не только собственно позитивное право, но и как минимум результат его применения. Однако это еще не причина для отказа от этой категории или ее «вынесения за скобки» правовой реальности. С тем же успехом можно объявить неправовой, например, категорию законности, ведь она также в значительной степени детерминирует именно применение права. Поэтому обсуждение функциональной роли принципа правовой определенности, на наш взгляд, имеет смысл с позиции его места и значения именно в правовой системе, а не в системе права. Мы не придерживаемся позитивистских («новопозитивистских») подходов, согласно которым

все, что не является непосредственным регулятором общественных отношений, объявляется «не правом» и «изгоняется» из сферы правовой действительности. Собственно, с этих позиций о правовой определенности как о чем-то отличном от определенности самого позитивного права говорить вообще бессмысленно.

Семантика понятия «определенность права» является самоочевидной, если, конечно, имеется консенсус в вопросе, что следует понимать под правом. В наиболее простом и очевидном понимании она сводится к ясности и недвусмысленности правовых предписаний, а также их системной согласованности. Категория же «правовая определенность» не просто является более широкой по отношению к понятию «определенность права», но и, безусловно, содержит в себе интенцию к выходу за рамки собственно позитивного права.

Кроме того, ранее мы отмечали принципиально атрибутивную характеристику категории «правовая определенность» как определенности чего-либо [5]. Действительно, когда мы говорим о правовой определенности, то имеем в виду некий атрибут, относящийся к какому-либо объекту. Другими словами, в отличие от категории «определенность права», которая уже содержит связь атрибута (определенность) и объекта (право), понятие «правовая определенность» требует указания чего-либо или кого-либо, свойства которого оно характеризует. Не может существовать «правовой определенности» самой по себе, в качестве платоновской идеи (эйдоса). Существует лишь правовая определенность чего-то или кого-то. Причем если мы говорим о правовой определенности, т.е. определенности с точки зрения права, то подобный объект сам по себе с очевидностью находится за пределами системы позитивного права, но испытывает на себе его воздействие. Но право как социальный регулятор может воздействовать лишь на поведение человека или, как принято говорить в юридической доктрине, на определенные общественные отношения. Соответственно, указанные отношения и являются предметом оценки с позиции их правовой определенности.

Как справедливо отмечает П. А. Гук: «Определенность и неопределенность (норм) права... это статика права (нормы), состояние права, которое закреплено в юридических актах, а правовая определенность и неопределенность – динамика права, его (ее) применение уполномоченными органами, развитие права, толкование, конкретизация норм права, определяющие его движение от неопределенности к определенности (или от формальной определенности к определенности конкретного случаю, факту) нормы права» [6, с. 185].

В рамках другой работы мы уже предпринимали попытку выделить формальную и фактическую или материальную сторону определенности в праве [7]. Как представляется, категория «определенность права» представляет собой формально-юридический аспект данного качества или свойства, а «правовая определенность» выражает фактическую сторону, которая характеризует не только и не столько собственно правовые предписания, но состояние определенности правового регулирования реальных общественных отношений.

С этой позиции категория «правовая определенность» представляется избыточной исключительно в рамках позитивистского подхода, поскольку применение права с данных позиций укладывается в двоичный код «правильного» (законного, обоснованного) или «неправильного» правоприменения. И даже признание значимости толкования правовых норм в процессе их применения не меняет ситуации, поскольку последнее также находится между полюсами «правильного» (логичного, системного, обоснованного и т.п.) и «неправильного» выявления смысла правовых предписаний. Представляется, что именно это обуславливает неприятие некоторыми учеными, стоящими на пропозитивистских позициях, термина «усмотрение», предлагающих взамен понятие «индивидуализация» правоприменения.

В этой связи, безусловно, следует согласиться с Н. И. Власенко, что совершенно «неприемлемо, когда речь идет об оценке неопределенности только как дефекта права, о достижении определенности как самоцели в нормотворческой деятельности» [8, с. 53]. «Нет сомнения и в том, что целью праворегулирования выступает достижение определенности прав и обязанностей» [8, с. 63].

Но вот с чем можно здесь согласиться, так это с тем, что «правовая определенность» как некое свойство или качество результата воздействия правовых норм на систему общественных отношений не принадлежит целиком к системе позитивного права или отчасти является «не правом». Между правовой определенностью в высказанном здесь понимании и определенностью права как имманентной характеристикой системы позитивного права существует телеологическая связь, где фактическая определенность выступает целью и результатом регулирующего воздействия правовых предписаний. «В процессе применения норм права ... посредством принципа правовой определенности, формируется определенность нормы права к конкретным случаям, фактам. Вышесказанное позволяет отметить, что определенность права (нормы права), реализуется с помощью принципа правовой определенности» [6, с. 186].

Право выступает социальным регулятором, а поэтому имеет смысл только по отношению к человеку. Вне человека право представляет собой мертвый и бессмысленный левиафан. Именно об этом говорит ст. 18 Конституции РФ [9], согласно которой именно права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов. Потенциал этого конституционного положения огромен и, наверное, никогда не будет исчерпан полностью. Применительно к теме настоящего обсуждения это означает, что именно потребность в определенности правового статуса человека и гражданина диктует те требования, которые предъявляются к позитивному праву и которые мы можем определить через категорию «определенность права».

Кстати, любопытно, что великий русский ученый Иосиф Алексеевич Покровский, на работы которого принято ссылаться (по делу и без) всегда, когда речь заходит о проблемах правовой определенности, саму необходимость существования этой определенности видел в достижении определенности правового статуса человека. «Индивид, поставленный лицом к лицу с обществом, государством, имеет право требовать, чтобы ему было этим последним точно указано, чего от него хотят и какие рамки ему ставят. Логически это право на определенность правовых норм есть одно из самых неотъемлемых прав человеческой личности, какое только себе можно представить; без него, в сущности, вообще ни о каком “праве” не может быть речи» [10, с. 89].

Как нам представляется, эту же сущностную связь определенности права и «определенности прав» (правового статуса) отмечает и Конституционный Суд Российской Федерации, когда говорит о том, что осуществляемое законодателем правовое регулирование должно обеспечивать ожидания граждан в отношении уважения приобретенных ими прав и неизменности их правового статуса. Таким образом, определенность правового статуса человека и гражданина выступает (в полном соответствии с максимой ст. 18 Основного закона) важнейшей детерминантой не только правоприменительной, но и правотворческой деятельности.

Нужно сказать, что выделенный смысл категории «правовая определенность» особенно рельефно проявляется в конституционном праве. Если отвлечься от доктринальных и в какой-то степени схоластических конструкций «чистой» теории права и обратиться к конституционным положениям, то проблематика правовой определенности становится совершенно «прозрачной».

В. М. Шафиров, анализируя категорию правовой определенности с позиции конститу-

ционного правопонимания, совершенно верно отмечает, что «сложившийся в общественном, юридическом сознании стереотип о том, что само право, обусловленные им правовые явления должны, в первую очередь, рассматриваться через призму формальной определенности, вряд ли конструктивен» [11, с. 273–274]. Рассматривая Конституцию Российской Федерации (по крайней мере, две ее первые главы) как «человекоцентристскую» модель права в его «неформальном», содержательном смысле, он приходит к выводу, что «элементами содержания права являются не формальные юридические нормы, а закрепленные в них права, свободы и обязанности», а «право обладает не формальной определенностью, а определенностью его содержания (прав, свобод и обязанностей)» [11, с. 265].

Выше мы уже обозначили принципиальное согласие с тезисом, что категория «правовая определенность» относится к «не праву» или, что будет точнее, применима в отношении не только правовых явлений, характеризует не только право само по себе. Однако подобная определенность создается или обеспечивается с помощью реализации именно правовых предписаний, и именно поэтому она и характеризуется как «правовая». Совокупность таких предписаний и образует нормативное содержание принципа правовой определенности.

Здесь можно провести определенную параллель с принципом законности: результат воздействия данного принципа на существующую систему общественных отношений обычно характеризуется через категорию «правопорядок». Между тем правопорядок как состояние фактической упорядоченности и организованности общественной жизни, основанных на праве и законности, очевидно, также представляет собой «не право». Однако мало кто осмелится утверждать, что принцип законности содержательно отсутствует в действующей системе правового регулирования.

Также безусловно, что правовая определенность во многом находится в тесной зависимости от качества определенности права как имманентной характеристики системы права: ясности и недвусмысленности правовых норм, их системной согласованности и т.п. Однако подобного рода формально-юридические требования, предъявляемые к позитивному праву, на наш взгляд, являются лишь необходимыми, но не достаточными критериями правовой определенности.

Если под правовой определенностью понимать качество определенности общественных отношений, которые испытывают на себе воздействие правовых норм, т.е. правоотношений,

то необходимо будет согласиться, что проблема правовой определенности редуцируется к вопросам определенности правового статуса, поскольку именно субъективные права и обязанности и составляют содержание правоотношений. По нашему мнению, это и есть действительный конституционный смысл принципа правовой определенности, который иногда интерпретируется Конституционным Судом РФ как «принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства», предполагающий ответственность последнего «за качество принимаемых решений, сохранение присущей природе законодательных актов разумной стабильности правового регулирования, обеспечение надлежащей правовой определенности, недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм, предсказуемость законодательной политики в социальной сфере» [12].

Конкретные же императивы, которые в научной литературе зачастую рассматриваются в качестве принципа правовой определенности («*res judicata*» или «*non bis in idem*»), представляют собой «проекции» данного принципа на определенную сферу общественных отношений. Так, например, А. О. Манташян в этой связи отмечает, что «правовая определенность – это такое начало гражданского процесса, в соответствии с которым не допускается пересмотр вступивших в законную силу решений суда без наличия на то необходимых оснований» [13, с. 18]. Нужно сказать, что подобное понимание правовой определенности весьма характерно для ученых-процессуалистов [14, 15, 16] и обусловлено динамикой фактологического материала – рядом громких дел, рассмотренных Европейским судом по правам человека, а также Конституционным Судом РФ. Между тем речь здесь идет о выражении более общего принципа правовой определенности в известном еще со времен римского права операциональном и утилитарном императиве *res judicata* (разрешенное дело), который означает, что окончательное решение полномочного суда, вступившее в силу, является обязательным для сторон спора и не может быть пересмотрено.

Н. Н. Ковтун и А. А. Зорин в своей работе «Принцип правовой определенности в системе правовых позиций и итоговых выводов Конституционного суда РФ» приходят к выводу, что «правило *non bis in idem* в процессуальном плане отчасти совпадает с принципом стабильности судебного акта, вступившего в законную силу, а потому также является содержательным элементом принципа правовой определенности» [17, с. 146]. При этом авторы выделяют смысл данного правила как в процессуальном, так и в

материальном плане. В материальном аспекте требование *non bis in idem* означает запрет квалификации одного преступного деяния сразу по нескольким статьям уголовного закона, что, по сути, на наш взгляд, также является «частным» выражением принципа определенности правового статуса человека и гражданина.

Результаты

Подводя некоторый итог сказанному выше, отметим, что правовая определенность, которая в данном контексте представляет собой именно фактический аспект, действительно характеризует «не правовые» или не совсем правовые явления. Однако право как социальный регулятор представляет собой не какую-то «эйдетическую» ценность, «вещь в себе», а приобретает свой социальный смысл, социокультурное предназначение только в приложении к реальным общественным отношениям, которые оно регулирует. Поэтому «правовая определенность» как определенность фактического положения индивида (или, говоря юридически, определенность его правового статуса) и является истинной и конечной целью воздействия правовых предписаний на систему общественных отношений. Определенность же права с этой точки зрения выступает средством или способом обеспечения фактической правовой определенности. Телеологически требования определенности и ясности правовых норм, их системной согласованности и т.п. призваны обеспечить определенность прав, свобод и обязанностей, составляющих правовой статус человека и гражданина.

В этом смысле содержательный аспект правовой определенности связан не столько с определенностью правовых предписаний, сколько с выявлением действительного смысла субъективного права, объема входящих в него правомочий, пределов его осуществления и т.п. Причем, повторимся, эти содержательные характеристики прав не могут являться результатом дискреции законодателя по печально известному принципу «закон есть закон», поскольку именно они и должны выступать граничными условиями такой деятельности законодателя, определяющими его усмотрение.

Отсюда и предназначение принципа правовой определенности как некоторого набора правовых средств, приемов и правил, при помощи которых достигается фактическая определенность урегулированных правом отношений. В рамках другой работы мы обстоятельно обосновывали свою позицию относительно природы основных принципов права как эмерджентных характеристик правовой системы. Безусловно, и

принцип правовой определенности также выполняет аналогичные функции (мы рассматривали его как одну из составляющих более общего принципа – принципа справедливости) [18]. В данном случае правовая определенность рассматривалась нами как один из императивов принципа справедливости «коммутативного» характера. Впрочем, мы и сейчас совсем не отказываемся от подобного «прочтения» требования правовой определенности, поскольку «самоидентичность» права как в семантическом смысле (проявлением которой являются ясность и определенность правовой нормы, включая ее содержательные характеристики), так и в динамике позитивного законодательства, по нашему мнению, является одной из важнейших характеристик права как «равной меры», что и является наиболее кратким выражением принципа справедливости в юриспруденции.

Однако наряду с этой «внутрисистемной» функцией принципа правовой определенности можно выделить и его «инструментальную» характеристику. Принципы права не только действуют, но и применяются. Продолжая нашу параллель с принципом законности, легко заметить, что, с одной стороны, он выступает в качестве внутрисистемной характеристики права, критерия дифференциации и упорядочения правовых предписаний в зависимости от их юридической силы, с другой же – является важнейшей детерминантой правоприменительной деятельности (законность приговора или судебного решения и т.п.).

Точно так же принцип правовой определенности представляет собой инструмент, при помощи которого достигается состояние фактической определенности возникающих на основе правовых норм правоотношений. Существующие правовые системы располагают для этого весьма обширным инструментарием. Например, закрепление исковых сроков, сроков давности привлечения к ответственности и др. Другой пример – законодательное закрепление (в некоторых отраслях права) возможности использования аналогии закона и аналогии права.

Кстати, два приведенных выше примера выражают две генеральные линии действия принципа правовой определенности. Во-первых, данный принцип должен обеспечивать предметную аутентичность правового статуса лица, которая выражается в конкретно-содержательной определенности прав и обязанностей его составляющих. Однако, по нашему мнению, которое мы уже неоднократно высказывали, на практике невозможно исчерпывающим образом законодательно определить полный «набор»

прав и обязанностей. В этой связи предельно обобщенное выражение подобной «предметной» определенности правового статуса человека и гражданина представляет собой правило «разрешено все, что не запрещено», а в отношении государства, его органов и должностных лиц – обратное, т.е. «запрещено все, что прямо не разрешено». Сочетание данных правил прекрасно «работает» столетия, но преимущественно в отношении естественных прав, которые сами по себе являются «онтологически определенными». Однако когда речь заходит об «октроированных» правах, не только социальных, но всех, которые требуют «встречного предоставления», дело осложняется. И вот здесь на помощь могут прийти правила аналогии закона и аналогии права, которые в ситуации недостаточности правовых предписаний, неурегулированности тех или иных общественных отношений выступают в качестве средства обеспечения, пусть и недостаточной, но необходимой правовой определенности статуса человека и гражданина. Представляется, что с этой же целью законодателем вводятся в правовую систему различного рода презумпции и фикции, позволяющие достигать необходимой правовой определенности на основе недоказанных или даже недостоверных фактов.

Во-вторых, не менее интересна и другая составляющая принципа определенности, которая, по сути, заключается в обеспечении стабильности правового статуса и правовых отношений. В данном случае речь идет не о предметной, а о динамической или темпоральной составляющей правовой определенности. В ее основе можно назвать такие фундаментальные правила, как отсутствие обратной силы нормативного акта, недопустимость поворота к худшему и др. Специальный инструментарий динамической правовой определенности, как уже говорилось выше, составляют предусмотренные позитивным законодательством различного рода пресекательные сроки реализации прав или, напротив, привлечения к юридической ответственности.

Но, повторимся, в любом случае именно определенность прав, а не определенность права как такового, является целью регулирующего воздействия. Кстати, этот момент исчерпывающе ясно и четко выражен в Конституции Российской Федерации. Так, в ст. 2 в качестве важнейшей основы конституционного строя закрепляется положение, согласно которому человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Права эти неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения (ст. 17) [9]. А вот обязанностью государства является признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина. Заметим, не

предоставление, а лишь признание, поскольку именно права и свободы определяют смысл, содержание и применение законов (ст. 18) [9]. Как нам представляется, этот конституционный подход выражается в том, что права и свободы не конструируются государством посредством правовых предписаний, но, напротив, определяют содержание деятельности как законодательной власти, так и правоприменителя.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект «Конституционный принцип правовой определенности в механизме реализации прав и свобод человека» № 19-011-00418 А).

Список литературы

1. Пресняков М. В. Правовая определенность и принцип разумной сдержанности законодателя : проблема формальной и материальной правовой определенности // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 4. С. 3–6.
2. Дикарев И. С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2015. 175 с.
3. Еришов В. В. Парные категории «определенность права» и «неопределенность права» // Определенность и неопределенность права как парные категории : проблемы теории и практики : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. М. : РГУП, 2018. Ч. I. С. 12–42.
4. Сидоренко М. В. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права : дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2017. 557 с.
5. Пресняков М. В. Правовая определенность : формальный и материальный аспекты // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 669–674.
6. Гук П. А. Преодоление неопределенности норм права // Определенность и неопределенность права как парные категории : проблемы теории и практики : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. М. : РГУП, 2018. Ч. I. С. 182–186.
7. Пресняков М. В. Правовая определенность и определенность прав в современном конституционно-правовом дискурсе // Гражданин и право. 2014. № 4. С. 3–16.
8. Власенко Н. И. Методологическая результативность исследования определенности права // Определенность и неопределенность права как парные категории : проблемы теории и практики : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. М. : РГУП, 2018. Ч. I. С. 57–63.
9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом

- поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
10. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М. : Статут, 1998. 353 с.
 11. Шафиров В. М. Содержательная и формальная определенность в праве // Определенность и неопределенность права как парные категории : проблемы теории и практики : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. М. : РГУП, 2018. Ч. I. С. 260–274.
 12. По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1 Закона Ставропольского края «О признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Ставропольского края» в связи с жалобой гражданки М. С. Колесниковой : постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.2018 № 13-П. Доступ из справ.правовой системы «Консультант-Плюс».
 13. Мантясян А. О. Принцип определенности в современном гражданском процессе // Мировой судья. 2011. № 5. С. 18–20.
 14. Султанов А. Р. Правовая определенность и судебное нормотворчество // Законодательство и экономика. 2007. № 11. С. 39–45.
 15. Потапенко С. В. Заметки по поводу несостоявшейся дискуссии о единстве судебной практики и правовой определенности // Российская юстиция. 2006. № 6. С. 35–38.
 16. Султанов А. Р. Правовая определенность в надзорном производстве ГПК РФ и практика Конституционного Суда РФ // Право и политика. 2007. № 5. С. 30–39.
 17. Ковтун Н. Н., Зорин А. А. Принцип правовой определенности в системе правовых позиций и итоговых выводов Конституционного суда РФ // Вестн. ВолГУ. Сер. 5. Юриспруденция. 2015. № 3 (28). С. 143–149.
 18. Пресняков М. В. Конституционная концепция справедливости // Изв. вузов. Правоведение. 2011. № 6 (299). С. 102–130.

Образец для цитирования:

Велиева Д. С., Пресняков М. В. Сущность принципа правовой определенности: в поисках конституционно-правового смысла // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 302–309. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-302-309>

Essence of the Principle of Legal Definiteness: In Search of Constitutional and Legal Sense

D. S. Veliyeva, M. V. Presnyakov

Jamila S. Veliyeva, <https://orcid.org/0000-0001-5860-7516>, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 23/25 Sobornaya St., Saratov 41003, Russia, ya.wds05@yandex.ru

Mikhail V. Presnyakov, <https://orcid.org/0000-0001-8757-6392>, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 23/25 Sobornaya St., Saratov 41003, Russia, presnykov1972@yandex.ru

Introduction. The article analyzes the principle of legal definiteness from the perspective of the role or function it performs in a legal system. **Theoretical analysis.** The article highlights that the category of “legal definiteness” cannot essentially be reduced to the concept of “definiteness of law” since it refers not only to the system of law, but also to a legal system in general. According to the authors, the concept of “legal definiteness” expresses a condition of definiteness of legal regulation of the real-life public relations, and in this sense it covers not only requirements of clarity, definiteness and coherence of precepts of law, but also definiteness of the actual legal status of legal entities. Rights and freedoms of the person and citizen define sense, contents and application of laws. Law represents the tool that provides a condition of legal definiteness of the public relations regulated by it. **Results.** The authors conclude that legal definiteness, which, in this context, represents the actual aspect of influence of law upon existing public relations,

really characterizes “not legal” or not absolutely legal phenomena. The substantial aspect of legal definiteness is connected more closely with identification of the valid sense of the subjective right, volume of the competences it includes, limits of its implementation, etc. than with definiteness of legal instructions. The principle of legal definiteness is expressed via the system of the legal tools that allow to provide, firstly, subject definiteness of the legal status of the person and citizen and, secondly, necessary stability of this status if the current legislation changes.

Keywords: legal certainty, certainty of law, the principle of legal certainty, legal status.

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project “Constitutional principle of legal certainty in the mechanism of realization of human rights and freedoms” No. 19-011-00418 A).

References

1. Presnyakov M. V. Legal certainty and principles of reasonable restraint of legislator: the problem of formal and material legal certainty. *Konstitucionnoe i munistipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 2014, no. 4, pp. 3–6 (in Russian).
2. Dikarev I. S. *Printsip pravovoy opredelennosti i zakonnaya sila sudebnogo resheniya v ugovnom protsesse* [The principle of legal certainty and the legal force of a judicial decision in criminal proceedings]. Volgograd, VolSU Publ., 2015. 175 p. (in Russian).

3. Ershov V. V. Paired categories of “certainty of law” and “uncertainty of law”. *Opredelemnost' i neopredelemnost' prava kak parnyye kategorii : problemy teorii i praktiki* [Definiteness and uncertainty of law as paired categories: problems of theory and practice. Materials of the XII Int. sci. and pract. conf. In 3 pt.]. Moscow, RGUP Publ., 2018. Pt. I, pp. 12–42 (in Russian).
4. Sidorenko M. V. *Pravovaya opredelemnost' rossiyskogo ugovno-processual'nogo prava* [Legal certainty of the Russian criminal procedural law]. Diss. Dr. Sci. (Jur.). Krasnodar, 2017. 557 p. (in Russian).
5. Presnyakov M. V. Legal Definiteness: Formal and Material Aspects. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2014, vol. 14, iss. 4, pp. 669–674 (in Russian).
6. Guk P. A. Overcoming the uncertainty of legal norms. *Opredelemnost' i neopredelemnost' prava kak parnyye kategorii : problemy teorii i praktiki* [Definiteness and uncertainty of law as paired categories: problems of theory and practice. Materials of the XII Int. sci. and pract. conf. In 3 pt.]. Moscow, RGUP Publ., 2018. Pt. I, pp. 182–186 (in Russian).
7. Presnyakov M. V. Legal certainty and certainty of rights in modern constitutional and legal discourse. *Grazhdanin i pravo* [Citizen and Law], 2014, no. 4, pp. 3–16 (in Russian).
8. Vlasenko N. I. Methodological effectiveness of the study of legal certainty. *Opredelemnost' i neopredelemnost' prava kak parnyye kategorii : problemy teorii i praktiki* [Definiteness and uncertainty of law as paired categories: problems of theory and practice. Materials of the XII Int. sci. and pract. conf. In 3 pt.]. Moscow, RGUP Publ., 2018. Pt. I, pp. 57–63 (in Russian).
9. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote of 12.12.1993) (amended of 30.12.2008 no. 6-FKZ, of 30.12.2008 no. 7-FKZ, of 05.02.2014 no. 2-FKZ, of 21.07.2014 no. 11-FKZ). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398 (in Russian).
10. Pokrovskij I. A. *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [The main problems of civil law]. Moscow, Statut Publ., 1998. 353 p. (in Russian).
11. Shafirov V. M. Content and formal certainty in law. *Opredelemnost' i neopredelemnost' prava kak parnyye kategorii : problemy teorii i praktiki* [Definiteness and uncertainty of law as paired categories: problems of theory and practice. Materials of the XII Int. sci. and pract. conf. In 3 pt.]. Moscow, RGUP Publ., 2018. Pt. I, pp. 260–274 (in Russian).
12. On the case of verifying the constitutionality of clause 3 of Article 1 of the Law of the Stavropol Territory “On recognition of invalid provisions of the legislative acts of the Stavropol Territory” in connection with the complaint of citizen M. S. Kolesnikova. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 27.03.2018 no. 13-P. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
13. Mantashyan A. O. The Principle of Certainty in the Modern Civil Procedure. *Mirovoy sud'ya* [Magistrate], 2011, no. 5, pp. 18–20 (in Russian).
14. Sultanov A. R. Legal certainty and judicial rulemaking. *Zakonodatel'stvo i ekonomika* [Legislation and Economics], 2007, no. 11, pp. 39–45 (in Russian).
15. Potapenko S. V. Notes on the failed discussion on the unity of judicial practice and legal certainty. *Rossiiskaia yustitsiya* [Russian justice], 2006, no. 6, pp. 35–38 (in Russian).
16. Sultanov A. R. Legal certainty in the Supervisory proceedings of the CPC of the Russian Federation and the practice of the Constitutional Court. *Pravo i politika* [Law and Politics], 2007, no. 5, pp. 30–39 (in Russian).
17. Kovtun N. N., Zorin A. A. The principle of legal certainty in the system of legal positions and conclusions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Science Journal of Volgograd State University], 2015, № 3 (28), pp. 143–149 (in Russian).
18. Presnyakov M. V. Constitutional concept of justice. *Izvestiya vuzov. Pravovedenie* [Proceedings of Higher Education Institutions. Legal Studies], 2011, no. 6 (299), pp. 102–130 (in Russian).

Cite this article as:

Veliyeva D. S., Presnyakov M. V. Essence of the Principle of Legal Definiteness: In Search of Constitutional and Legal Sense. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 302–309 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-302-309>

УДК 340.12+342.7

Пути и средства осуществления исполнения обязанности по правовому просвещению: региональный аспект

Е. Н. Тогузаева

Тогузаева Екатерина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, belana1@yandex.ru

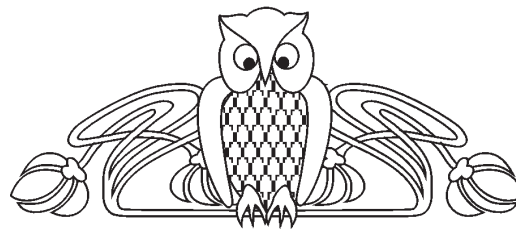
Введение. Статья посвящена анализу регионального законодательства на предмет закрепления обязанности государственных органов по правовому просвещению и правовому информированию. **Теоретический анализ.** Рассматриваются юридические конструкции закрепления права на правовое просвещение и правовое информирование и юридической обязанности государственных органов, имеющиеся в региональных нормативных актах. Анализируются составляющие системы правового просвещения и правового информирования, соответствие способов правового просвещения и правового информирования современному уровню развития информационных технологий. **Результаты.** Автор отмечает, что региональное законодательство о правовом просвещении и правовом информировании граждан должно отражать системные меры по правовому просвещению, сосредоточив особое внимание на правовом регулировании способов правового просвещения и информирования, которые должны соответствовать современному уровню развития информационных технологий. Проанализированы юридические конструкции закрепления обязанности по правовому просвещению и информированию в региональных актах, предложены эффективные пути осуществления исполнения указанной обязанности.

Ключевые слова: правовое просвещение, правовое информирование, способы информирования, правовая пропаганда.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-310-315>

Введение

Вопросы правового просвещения и информирования все чаще становятся объектом пристального внимания органов государственной власти, чему способствовало принятие целого ряда концептуально важных документов [1–5], среди которых такие, как Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденные Президентом РФ в 2011 году, федеральные законы «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 324-ФЗ, «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23.06.2016 № 182-ФЗ, указы Президента РФ «О Совете при Президенте Рос-

сийской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека» от 01.02.2011 № 120, «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы» от 13.04.2010 № 460 и др. Все указанные документы призваны содействовать созданию системы правового просвещения и информирования, которая будет основываться на едином подходе, унифицированных принципах, а главное, будет способна, учитывая интересы граждан, повысить уровень правовой культуры, правовой грамотности в обществе и минимизировать имеющийся правовой нигилизм.

Распространение в обществе знаний о праве, разъяснение положений действующих нормативных актов, правоприменительной практики, формирование позитивного отношения к закону – те действия, которые, несомненно, напрямую влияют на уровень правовой культуры, правосознания, повышая их и служа неким индикатором развития современного общества и государства. В условиях стремительной цифровизации и информатизации возможности правового просвещения и правового информирования должны также претерпевать значительные изменения в лучшую сторону, что, в свою очередь, отразится и на новых способах и технологиях доведения информации до населения, скорости, ее достоверности и других важных показателях.

Теоретический анализ

Все чаще в научных изысканиях правовое просвещение и правовое информирование рассматриваются как обязанность и как результат соответствующей деятельности государственных органов. Доведение до населения информации по правовым вопросам стало обязательным, нормативно закрепленным, переросло в юридическую обязанность государственных органов и органов местного самоуправления, а значит, появилось и корреспондирующее этой обязанности право граждан требовать должного уровня правового просвещения и правового информирования. Понимая в широком смысле понятие «правовое просвещение», можно обозначить его основные

признаки, среди которых: 1) распространение обязанности по правовому просвещению на широкий круг лиц (например, население региона, муниципального образования и др.); 2) наличие цели – просветить, сформировать мнение, знание, отношение (целью является в том числе и формирование правовой культуры, правовых знаний, убежденности ценности права и необходимости правомерного поведения, в отличие от простого доведения информации до адресата, информирования); 3) наличие различных способов правового просвещения (правовая пропаганда, популяризация знаний и т.д.).

Настоящее время развития регионального законодательства охарактеризовано активной правотворческой деятельностью субъектов Российской Федерации в отношении закрепления юридической обязанности правового информирования и правового просвещения. Акты регионов носят различную видовую характеристику: это и законы, и подзаконные акты, а также документы стратегического характера (концепции, стратегии). Однако в стремительный век развития информационных технологий и цифровизации, тем не менее, региональные нормативные акты о правовом просвещении и информировании никак не отражают наличия новых передовых способов и технологий, которые позволили бы максимально быстро добиться заявленной цели. С одной стороны это оправдано модельностью и абстрактностью современной правовой нормы, с другой – не отвечает настоящим реалиям, что тормозит, на наш взгляд, вектор развития деятельности государственных органов на региональном уровне по правовому просвещению и правовому информированию на современном этапе, превращая ее в очередную формальность. Как отмечает профессор Э. В. Талапина, «цифровые технологии преобразуют государственные и общественные институты» [6, с. 5], а значит, и институт обеспечения граждан правовой информацией также должен претерпеть ряд изменений. Однако в этой положительной тенденции существуют и подводные камни, вызывающие среди современных ученых некие опасения. Так, к примеру, отмечается, что с развитием механизмов электронного участия граждан в управлении, с обогащением способов информирования общества со стороны государственных институтов, развитием интернет-отношений «государство, традиционно обеспечивающее координационные и посреднические механизмы для общества, отступает перед прямыми общественными контактами... государство рискует оказаться в стороне от общения граждан между собой. По этой причине государство само “идет” в Интернет» [6,

с. 13]. Не стала исключением в этом смысле и сфера обеспечения права на правовое просвещение и на информированность граждан.

Поскольку федеральное законодательство не содержит юридически закрепленного определения правового просвещения, в региональных нормативных актах не просматривается единства на заданную тему и предлагаются совершенно дифференцированные подходы к определению данного понятия, вплоть до полного отождествления с правовым информированием, что, на наш взгляд, не способствует обеспечению устойчивости и стабильности российского законодательства. Так, в Законе г. Москвы от 19 марта 2008 г. № 14 «О системе профилактики правонарушений в городе Москве» правовое просвещение и правовое информирование определяются как деятельность органов и учреждений системы профилактики правонарушений или лиц, участвующих в профилактике правонарушений, по доведению до сведения граждан и организаций информации, направленной на обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, общества и государства от противоправных посягательств.

При этом отдельные субъекты пошли по пути принятия специального закона о правовом просвещении (например, такие законы имеются в Курганской, Владимирской, Самарской, Воронежской областях), другие, не создавая специального нормативного акта о правовом просвещении и правовом информировании, включили обозначенные вопросы в законы, регулирующие сферу оказания бесплатной юридической помощи (например, Архангельская [7] и Ивановская области [8]), третьи оставили эту сферу на уровне урегулированности лишь подзаконными актами, а четвертые пошли по пути создания таких стратегических документов, как концепции (например Республика Марий Эл, Ханты-Мансийский АО), о статусе и юридической силе которых в научном мире еще ведутся дискуссии.

Анализируя нормативные акты субъектов о правовом просвещении и правовом информировании, заметим, что региональным правотворцам следует уделять больше внимания технико-юридическому оформлению текстов правовых актов, зачастую они содержат типичные ошибки, которые не способствуют эффективному развитию регионального законодательства. Так, в условиях стремительного развития информационных технологий и цифровизации не должна остаться в стороне деятельность по правовому просвещению и правовому информированию граждан, а именно качественное изменение должны претерпеть, на наш взгляд, способы правового просвещения и правового информирования, выделение

которых в региональном законодательстве не всегда происходит безошибочно. Необходимо начать с того, что способы зачастую дублируют цели, задачи правового просвещения. Так, к примеру, в законе Самарской области разъяснение названо одной из задач правового просвещения, в то время как представляется правильным считать разъяснение все-таки одним из его способов [9].

Среди эффективных способов правового просвещения для широкого круга лиц следует выделить такие, как «пропаганда правовых знаний» и «популяризация правовых знаний», однако региональные законодатели незаслуженно не включают их в тексты правовых актов, опасаясь негативной тени, которая была навешана на данные понятия в постсоветский период, в связи с чем налицо малопродуктивность этих способов правового просвещения в современное время. Тем не менее, именно они могут наиболее быстро «приспособиться» под появляющиеся информационные возможности и технологическую инфраструктуру.

Многие авторы отмечают открывшиеся новые возможности в контексте современного уровня коммуникационного взаимодействия. Так, К. А. Говорухина отмечает, что в настоящих условиях «пропаганда учитывает не отдельную личность, а структуру общества... Человек рассматривается не просто как клетка социального организма, но и как составляющая социальной единицы. При этом пропаганда в новых условиях, учитывающая состав общества как единого целого, нередко может служить созданию и удовлетворению потребностей масс» [10, с. 29].

Современное информационное пространство изменилось под воздействием цифровой и технологической революции, а способы информирования остались все теми же.

Если проанализировать нормативные акты, то среди способов правового просвещения и правового информирования в региональных правовых актах названы лишь некоторые, большого разнообразия не наблюдается, список способов правового информирования и просвещения весьма скуден.

В Федеральном законе № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» в ст. 28 отдельно способы правового информирования и правового просвещения не называются, однако из смысла статьи можно сделать вывод о том, что законодателем фактически выделен только один способ правового просвещения и правового информирования – это размещение в местах, доступных для граждан, в средствах массовой информации, в сети Интернет соответствующей информации, а далее

перечень оставлен открытым, указывая на возможность доведения до граждан информации иным способом. Такая скудная формулировка используется практически во всех нормативных актах федерального уровня. И подобная тенденция технико-юридического оформления способов правового просвещения и информирования сохраняется по настоящее время, что подтверждается текстами законопроектов, внесенных на рассмотрение в Государственную Думу Федерального Собрания РФ. Осенью 2018 г. в Госдуму был внесен проект Федерального закона № 573725-7 «Об общих принципах организации деятельности уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации», где в ст. 16 об участии уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации в правовом просвещении перечислены такие формы и способы правового просвещения: распространение соответствующей информации в СМИ; выпуск официального периодического издания и иных изданий о правах и свободах человека и гражданина; организация и проведение научно-практических конференций, круглых столов, конкурсов, семинаров, совещаний и иных публичных мероприятий по проблемам защиты прав и свобод человека и гражданина; далее перечень оставлен открытым [11].

В отдельных случаях в методических разъяснениях можно встретить такие способы информирования, как информирование по телефону, через официальные сайты в сети Интернет и через единый портал госуслуг.

Региональный законодатель также скуп на перечень способов правового просвещения и информирования, хотя в некоторых региональных законах о правовом просвещении выделены целые статьи под регулирование указанных способов. Как правило, в региональных правовых актах признается необходимость существования системы правового просвещения и правового информирования граждан, в которую, помимо субъектов правового просвещения и правового информирования граждан, входят еще и сами мероприятия и способы просвещения и правового информирования граждан. Среди способов снова стандартный набор: размещение материалов по правовому просвещению граждан на официальных сайтах государственных органов в сети Интернет; размещение информации в СМИ с разъяснением и комментированием законодательства и практики; а далее перечень остается открытым. Основное условие – способы не должны противоречить законодательству. Закон Владимирской области кроме стандартных вышеназванных закрепляет еще такие способы,

как подготовка и распространение методических материалов, направленных на правовое просвещение граждан на территории Владимирской области, а также размещение информационных стендов и (или) других технических средств аналогичного назначения для ознакомления граждан с информацией, направленной на правовое просвещение граждан на территории Владимирской области [12].

Региональные подзаконные акты в тех субъектах, где отсутствует специальный закон, и вовсе идут по пути неконкретизации способов правового просвещения и правового информирования, избегая их перечисления, хотя именно они имеют крайне важное значение для того, чтобы все указанные региональные акты были эффективно реализованы.

В Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан мерами государственной политики по обеспечению необходимого уровня юридических знаний, повышению правовой культуры и вовлечению в правовое просвещение населения лиц, замещающих государственные и муниципальные должности, государственных и муниципальных служащих, сотрудников правоохранительных органов названы: разработка и совершенствование способов информирования населения о деятельности государственных и муниципальных органов, о видах и формах оказания населению юридических услуг; проведение устных и письменных юридических консультаций для граждан по вопросам, входящим в компетенцию указанных органов; обеспечение доступности для граждан информации о деятельности правоохранительных органов, в том числе путем размещения этой информации на официальных интернет-сайтах. Обратим внимание на то, что в Основах подчеркивается важность именно процесса совершенствования способов информирования, они должны претерпевать изменения, подстраиваться под необходимый уровень развития технологий, социальных потребностей, пересматриваться в связи с региональными особенностями и др.

Результаты

Не претендуя на единственно верное мнение, выскажем свою точку зрения на нормативное закрепление способов правового просвещения и правового информирования. Представляется недостаточным на сегодняшний день перечисление среди способов только размещение информации в СМИ и в сети Интернет на официальных сайтах государственных органов. Более того, указание на такие способы, как проведение круглых сто-

лов и конференций, совершенно «не работает» на широкие массы. На таких мероприятиях, как правило, присутствуют научное сообщество и практикующие юристы, но никак не широкие массы граждан, нуждающиеся в правовом просвещении и информировании. Считаем, что подобные научные мероприятия среди практиков, юристов, ученых, представителей власти помогают найти нужный вектор развития правового просвещения, обозначить имеющиеся проблемы, сосредоточить внимание на региональной специфике и выработать оптимальные пути решения поставленных проблем, однако они не решают проблемы правового просвещения и правового информирования широких масс.

Необходимо задуматься о создании платформы правовой информации регионального уровня, что обеспечит доступность такой информации в тех случаях, когда гражданин сам решил ее найти в массиве нормативных актов и проанализировать. В условиях цифровизации и новейших информационных технологий должен появиться современный функционал, который позволил бы работать с региональным законодательством каждому гражданину, зная, что он знакомится с действующей редакцией нормативного акта.

Интересна также идея по созданию Глобального экспертного гражданского форума – TEXTOGRAM, который может стать буквально информационным резервуаром по аккумулярованию информации, идей, практик [13, с. 324], в том числе такой сервис может успешно работать и на правовое просвещение. Учитывая новый уровень коммуникационного взаимодействия, такие аналитические сервисы позволят обмениваться информацией на региональном уровне, видеть потребности определенных социальных групп (пенсионеров, инвалидов, студентов и др.) в разъяснении отдельных норм права, необходимо развивать и совершенствовать способы правового просвещения для социально незащищенной категории граждан по наиболее актуальным и востребованным отраслям права. Новые способы должны отвечать критерию мультисодержательности, а возможности их внедрения должны быть инкорпорированы в государственные и муниципальные программы по правовому просвещению и информированию граждан.

Конечно, процесс цифровизации не решит одномоментно проблему правового просвещения и информирования граждан, однако преимущества многих новых технологий весьма плодотворно будут способствовать развитию эффективного механизма правового просвещения и информирования.

Благодарности

Исследование проведено в рамках поддерживаемого Благотворительным фондом В. Потанина грантового проекта (тема «Разработка и внедрение нового учебного курса “Пропаганда в информационном обществе (правовой аспект)”» № ГСГК-22/19).

Список литературы

1. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан : утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168 // Рос. газ. 2001. № 151.
2. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации : федер. закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 28.11.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48, ст. 6725 ; 2015. № 48 (ч. 1), ст. 6724.
3. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : федер. закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 26 (ч.1), ст. 3851.
4. О Совете при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека : указ Президента РФ от 01.02.2011 № 120 (ред. от 03.12.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 6, ст. 852 ; 2018. № 50, ст. 7737.
5. О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы : указ Президента РФ от 13.04.2010 № 460 (ред. от 13.03.2012) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 16, ст. 1875 ; 2012. № 12, ст. 1391.
6. Таланина Э. В. Право и цифровизация : новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5–17.
7. О бесплатной юридической помощи, правовом информировании и правовом просвещении в Архангельской области : закон Архангельской области от 24.09.2012 № 536-33-ОЗ (ред. от 8.06.2018) // Ведомости Архангельского областного Собрания депутатов пятого созыва. 2012. № 33.
8. Об обеспечении граждан Российской Федерации бесплатной юридической помощью на территории Ивановской области, о правовом информировании и правовом просвещении населения Ивановской области : закон Ивановской области от 8.11.2012 № 90-ОЗ (ред. от 5.10.2017) // Собр. законодательства Ивановской области. 2012. № 45 (614).
9. О правовом просвещении граждан на территории Самарской области : закон Самарской области от 27.12.2018 № 117-ГД // Волжская коммуна. 2019. № 2 (30585).
10. Говорухина К. А. Глобальное информационное общество и новые аспекты изучения пропаганды в контексте информационной безопасности // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 1. С. 26–31.
11. Об общих принципах организации деятельности уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации : проект федер. закона № 573725-7 // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/573725-7> (дата обращения: 13.04.2019).
12. О правовом просвещении граждан на территории Владимирской области : закон Владимирской области от 27.12.2017 № 134-ОЗ // Владимирские ведомости. 2017. № 208.
13. Чернышов А. Г. Цифровизация и технологизация общественной жизни как социально-политическая проблема : сохранение идентичности и роль государства в условиях развития глобальных сетей // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2017. № 40. С. 319–328.

Образец для цитирования:

Тогузаева Е. Н. Пути и средства осуществления исполнения обязанности по правовому просвещению: региональный аспект // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 310–315. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-310-315>

Ways and Means of Implementation of the Duty to Provide Legal Education: A Regional Perspective

E. N. Toguzaeva

Ekaterina N. Toguzaeva, <https://orcid.org/0000-0003-4462-677X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, belana1@yandex.ru

Introduction. The article deals with the analysis of regional legislation on consolidation of the duty of state bodies to provide legal education and legal information. **Theoretical analysis.** The author considers the legal structures of consolidation of the right to legal education and legal information and legal obligations of

state bodies, available in regional regulations. The author considers the components of the system of legal education and legal information, compliance of the methods of legal education and legal information with the modern level of information technology development. **Results.** The author notes that the regional legislation on legal education and legal awareness of citizens should reflect the systemic measures of legal education, focusing on the legal regulation of the methods of legal education and awareness, which should correspond to the modern level of information technology development. The author has analyzed the legal constructions for consolidation of the duty to provide legal education and information in regional acts, and suggested effective ways to fulfil this duty.

Keywords: legal education, legal information, means of information, legal advocacy.

Acknowledgements: *The study was conducted within the grant project (the subject “Development and Deployment of the New training course «Propaganda in the information society (legal aspect)»” No. GSGK-22/19) supported by the Vladimir Potanin Foundation.*

References

1. Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the development of legal literacy and legal awareness of citizens: approved by the President of the Russian Federation 28.04.2011 no. Pr-1168. *Rossiiskaia gazeta* [Russian Newspaper], 2001, no. 151 (in Russian).
2. On free legal assistance in the Russian Federation. Law of the Russian Federation of 21.11.2011 no. 324-FZ (an edition of 28.11.2015). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2011, no. 48, art. 6725; 2015, no. 48 (pt. 1), art. 6724 (in Russian).
3. On the basis of the system of crime prevention in the Russian Federation. Law of the Russian Federation of 23.06.2016 no. 182-FZ. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2016, no. 26 (pt. 1), art. 3851 (in Russian).
4. About the Presidential Council on the Development of Civil Society and Human Rights. Decree of the President of the Russian Federation of 01.02.2011 no. 120 (an edition of 03.12.2018). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2011, no. 6, art. 852; 2018, no. 50, art. 7737 (in Russian).
5. About the National Anti-Corruption Strategy and the National Anti-Corruption Plan for 2010-2011. Decree of the President of the Russian Federation of 13.04.2010 no. 460 (an edition of 13.03.2012). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2010, no. 16, art. 1875; 2012, no. 12, art. 1391 (in Russian).
6. Talapina E. V. Law and Digitalization: New Challenges and Perspectives. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2018, no. 2, pp. 5–17 (in Russian).
7. On free legal aid, legal information and legal education in the Arkhangelsk region. Law of the Arkhangelsk region of 24.09.2012 no. 536-33-OZ (an edition of 8.06.2018). *Vedomosti Arkhangel'skogo oblastnogo Sobraniya deputatov pyatogo sozyva* [Bulletin of the Arkhangelsk Regional Assembly of the fifth convocation], 2012, no. 33 (in Russian).
8. On providing citizens of the Russian Federation with free legal assistance on the territory of the Ivanovo region, on legal information and legal education of the population of the Ivanovo region. Law of the Ivanovo region of 8.11.2012 no. 90-OZ (an edition of 5.10.2017). *Sobranie zakonodatel'stva Ivanovskoi oblasti* [Collection of Laws of the Ivanovo region], 2012, no. 45 (614) (in Russian).
9. On legal education of citizens in the territory of the Samara region. Law of the Samara region of 27.12.2018 no. 117-GD. *Volzhskaya kommuna* [Volga commune], 2019, no. 2 (30585) (in Russian).
10. Govorukhina K. A. The global information society and new aspects of the study of propaganda in the context of information security. *Chelovek. Soobchestvo. Upravleniye* [Person. Community. Control], 2012, no. 1, pp. 26–31 (in Russian).
11. On general principles of organization of the activities of ombudsmen in the constituent entities of the Russian Federation. Draft Federal law no. 573725-7. *State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation*. Site. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/573725-7> (accessed 13 April 2019) (in Russian).
12. On the legal education of citizens in the territory of the Vladimir region. Law of the Vladimir region of 27.12.2017 no. 134-OZ. *Vladimirskie vedomosti*, 2017, no. 208 (in Russian).
13. Chernyshov A. G. Digitization and technologization of public life as a socio-political problem: the preservation of identity and the role of the state in the context of the development of global networks. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal. Philosophy. Sociology. Political science], 2017, no. 40, pp. 319–328 (in Russian).

Cite this article as:

Toгузаева Е. Н. Ways and Means of Implementation of the Duty to Provide Legal Education: A Regional Perspective. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 310–315 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-310-315>

УДК 340.1

Jus naturalle и римское право: вопросы соотношения

Н. В. Тюменева

Тюменева Наталья Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, tumeneva82@mail.ru

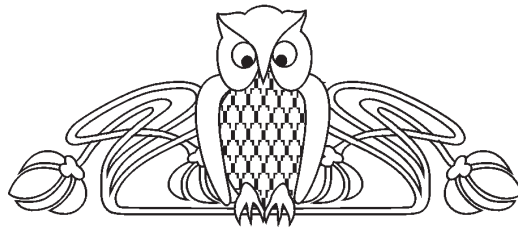
Введение. Вопрос о соотношении jus naturalle, как справедливо назвал его Самуэль Пуфендорф, – ровесника рода человеческого, сформировавшегося в рамках античного древнегреческого права, и римского права, считающегося вершиной античного правопонимания, выступает объектом исследования в представленной статье. В настоящее время многие философы, юристы в попытке осмысления данной проблемы сходятся во мнении о том, что jus naturalle оказало непосредственное и существенное влияние на содержание права римского. **Цель.** Исследование направлено на раскрытие соотношения jus naturalle и римского права, выявление логической связи между ними. **Результаты.** Для уяснения взаимодействия jus naturalle и римского права были выявлены специфические характеристики каждой системы. Естественному праву присущи теоретизированность, по сути, отождествляемая с философией, наличие морально-нравственных установок, не формализованных в строгом смысле в документальную правовую форму. Римское право, напротив, технологично, конкретно, императивно, не умозрительно. Обе системы возникли в Античный период, но развивались не параллельно, а последовательно, причем римское право вобрало в себя идеи jus naturalle, что свидетельствует, во-первых, об их взаимосвязи, а, во-вторых, о том, что jus naturalle выступало частью римского права. Это объясняет гомогенная связь, имеющаяся между рассматриваемыми явлениями, последовательно характеризующаяся рядом закономерностей. Для формализации идей jus naturalle в римские законы широко использовались приемы толкования и правовые фикции. **Выводы.** Таким образом, римское право формализовало идеи jus naturalle в юридические предписания, что позволило «перевести» их из абстракций в реальную действительность, выстраивая с учетом них правопорядок.

Ключевые слова: jus naturalle, юснатурализм, римское право, позитивное право, правопонимание, римская юриспруденция, юридическая техника.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-316-323>

Введение

Вопрос о значении jus naturalle в римском праве имеет под собой глубинные основания. Дело в том, что, отвечая на него, мы лучше понимаем специфику римского права как системы, принципы его кодификации, логику конструкций римского права, механизм его действия, т.е. все то, что сегодня оказывает влияния на современную цивилистику.

Цель

Данное исследование направлено на раскрытие соотношения jus naturalle и римского права, выявление типа логической связи между ними.

Результаты

На рассмотрение проблемы соотношения jus naturalle и римского права автора статьи натолкнула тема круглого стола «Jus naturalle в римском праве», который прошел на базе Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского 28 марта 2019 г. [1] и участником которого был автор. На круглом столе выступали ученые-специалисты в области римского права, и все они сходились во мнении о влиянии jus naturalle на римское право, последовательно доказывали это, ссылаясь на тексты римских законов. Вместе с тем тип логической связи между двумя системами подробно охарактеризован не был, что и вызвало наш исследовательский интерес.

Прежде чем говорить о наличии связи между рассматриваемыми явлениями, логично начать с характеристики каждого из них.

Jus naturalle воплотило в себе естественные потребности человека, вытекающие из его природы, необходимые ему для нормального существования в социуме, без наличия которых жизнь человека не будет полноценной ни в физическом, ни в морально-нравственном плане. Идеи jus naturalle, раскрывающиеся в учении стоиков, не были, как сегодня бы мы сказали, практико-ориентированными. Напротив, они были трудно реализуемы на практике, что свидетельствует об их небольшом эмпирическом потенциале. Это означало, что в своем первоизданном виде эти идеи не могли быть использованы в правоприменительном процессе.

Но, несмотря на это, ценность естественного права во все времена была высока. Так, в каждой эпохе существует своя версия естественного права, что демонстрирует многовариативность, универсальность, гибкость данной теории, постулаты которой адаптируются под требование времени, и находят своих сторонников в любые эпохи. Теория естественного права сменила четыре версии своего существования: jus naturalle, или юснатурализм – в Античную эпоху; в классическую

эпоху естественное право получило теоретическое оформление в трудах идеологов буржуазных революций; в неклассический период после Второй мировой войны теория естественного права возродилась и приобрела масштабный характер, воплотившись в общепризнанных принципах и нормах международного права; а в современный постнеклассический период идеи естественного права получили развитие в рамках либертарно-юридической концепции правопонимания. От эпохи к эпохе *jus naturalis* совершенствовалась, «обрастая» новыми идеями и постулатами, и при этом не теряла влияния на юридический позитивизм [2, с. 108].

В Античный период *jus naturalis*, основанное на идее космоцентризма, выражает гармонию, соразмерность, пропорциональность, ведущие к согласию человека с самим собой и с обществом. Естественное право существует, даже если оно еще не выражено в языке, но есть нечто, что определяет жизнь человека, – это *potius* – космический закон. Этому закону ничто не может противоречить, в том числе специально созданное человеком право. Отсюда постулат о недопустимости создания позитивных норм, которые отрицают природу человека, вредят ему. Это требование воплотилось в римском праве в виде морально-нравственного принципа, критерия позитивных норм.

Итак, римское право. Оно считается выдающейся правовой системой Античности, в результате рецепции которого начиная с XII в. формируется романо-германская правовая семья. По сути, с римского права началась европейская юриспруденция. Как писал С. Пуфендорф, ни один из народов древности не приложил больше усилий к прояснению своих законов, чем римляне, которым наука права обязана больше всего [3, с. 137]. Сегодня некоторые ученые полагают роль римского права великой настолько, что называют его не только прародителем европейской юриспруденции, но всей западноевропейской науки [4].

Ценность римского права состоит в его технологичности, конкретности, практичности, императивности [5, с. 20], оно представляет собой нормативно-формульную правовую систему. Римское право действующее, соответственно, оно всегда современно, так как сохраняет, продублирует и воспроизводит только актуальные юридические предписания, адекватные общественным отношениям, установкам, общественному порядку, существующим на данный момент.

Римское право относят к праву позитивному, подчеркивая тем самым его эмпирическое начало. Оно действительно возникло из практи-

ческого опыта, ориентированного и стремящегося к практической полезности. Это позволило римским юристам оперативно избавляться от неэффективных, недействующих институтов. Но это обстоятельство имело и негативный момент – большое количество норм, которые оставлял после себя каждый претор, избравшийся на год, что вносило в содержание римского права определенную нелогичность и противоречивость и затрудняло кодификацию. Именно поэтому римское право в целом и Дигесты в частности представляют собой нагромождение плохо согласующихся между собой норм, логически несовместимых противоречий [6, с. 25].

Римское право сформировалось из практического опыта, поэтому оно атеоретично и неумозрительно, напротив, оно конкретно и не связано с философией, не формулирует категорий, а оперирует конструкциями. Например, конструкции римского права: лица → вещи → иски → обязательства, образовавшие его систему, сохранили свое значение в современной континентальной цивилистике и являются ее основой.

Большим достижением римских юристов следует считать разъединительное мышление, позволившее «отделить» сакральные нормы от правовых, тем самым ориентируя на светскую жизнь; публичное право – от права частного (частного), что позволило сформировать развитую правовую систему, которая стала одним из оснований для всей последующей европейско-американской правовой и политической традиции [7, с. 65].

Обе системы – и *jus naturalis*, и римское право – это гениальные творения античных философов Древней Греции и Древнего Рима, созданные в одну эпоху, апробированные веками и не потерявшие своего значения в настоящее время. Сегодня идея ценности естественных прав человека отражена практически во всех конституциях мира, а рецептированные конструкции римского права используются в современной цивилистике. В этой связи интересен вопрос: связаны ли *jus naturalis* и римское право? И если связаны, в чем особенности, проявление этой связи?

На первый вопрос доказательства положительного ответа можно найти в трудах самих древнеримских мыслителей. Так, Плутарх и Цицерон преемственность идей *jus naturalis* в римском праве связывают с тем, что учителями древних римлян были древние греки: например, Нума Помпилий – римский царь, основатель понтификального права, был учеником Пифагора. Очевидность влияния *jus naturalis* проявилась и при создании первого писаного кодифицированного источника римского права, который назвали

«Lex Duodecim Tabularum» («XII таблиц»), тем самым увековечив в его названии древнегреческое пифагорейское значение числа четыре, символизирующего центральную категорию естественного права – справедливость. Составители «XII таблиц» трижды в каждой из четырех таблиц воплотили справедливость путем «уравнивания в правах всех» [8, с. 173], проявив при этом «необычайную справедливость (aequitate) и проницательность» [7, с. 63].

Кроме того, сам термин «*jus naturale*» имеет латинское происхождение, что демонстрирует значимость юснатурализма для древних римлян. Примечательно, что в древнегреческой философии общего собирательного наименования идеям, которые впоследствии римляне назовут «*jus naturale*», не было: различные древнегреческие мыслители развивали их в рамках философских направлений, преимущественно стоицизма [9, с. 50].

Ответ на второй вопрос: как связаны *jus naturale* и римское право – не так прост и однозначен, тем более в свете распространенности научной позиции, отстаивающей идею противопоставления юснатурализма и римского права, концептуальной оппозиции естественного права праву позитивному (формально-логическое противоречие). Однако в последнее время появляются исследования, проводятся конференции, где ученые – философы, юристы, в том числе специалисты римского права – ставят вопрос о связи *jus naturale* и римского права. Полагаем, что эта проблема не надумана, а ее постановка обусловлена получившим признание и широко используемым для объяснения различных современных процессов синергетическим подходом в науке. Закономерным в этой связи видится сочетание методологий, теорий правопонимания, типов правовых систем и проч.

В этой связи новые методологии позволяют обосновать то, что, в сущности, древнегреческая и древнеримская философия права представляют собой единую внутренне согласованную систему, характеризующуюся качеством гомогенности (в пер. с греч. – однородный, одинаковый, равный) [6, с. 24]. Гомогенность, т.е. единство, системность греко-римской философии обосновывается с помощью выявления логического соотношения контрарности и эквивалентности между *jus naturale* и римским правом.

Гомогенность описывается графически, схемой, получившей в науке наименование «гексагон». Гексагон – это шестиугольник, который в логике используется для конструирования логических взаимосвязей между категориями (модальностями), в результате чего получается

универсальная схема организации понятийного знания в единой системе. Гексагон можно применить к рассмотрению права как универсальной категории, состоящей из разнообразных частей, не все из которых являются однородными. Таковым было, например, римское право, которое включало в себя право, специально созданное человеком (позитивное право), обычное право и естественное право. Эти части не являются однородными, поскольку имеют разную идеологическую основу, форму выражения и проч., но в своей совокупности они образуют систему римского права. Так вот с помощью гексагона Бланше в современной философии была обоснована непротиворечивость и системность содержания римского права, составленного из *jus naturale*; позитивного закона, специально созданного людьми, и обычного права [6, с. 29–35].

Возьмем за основу суждение о гомогенной связи между всеми частями римского права и попробуем конкретизировать через соответствующие закономерности взаимодействие между *jus naturale* и римским правом. Первая закономерность состоит в том, что в римском праве содержатся элементы естественного права (справедливость, высший закон и проч.), которые не очевидны, они рассеяны, сильно смешаны с элементами позитивного права и права, приспособленного к своеобразным основаниям (*rationes*) Римского государства. Такие идеи естественного права ассимилированы в нормах римского права. Примечательно, что сами римские юристы не разделяли право на природное и позитивное (это разделение, а затем и противопоставление естественного и позитивного права придет гораздо позже, в период Нового времени, в связи с критикой естественного права, в частности, представителями исторической школы права [10, с. 12]).

Например, естественное право, по мнению римских юристов, устанавливалось всеобщей естественной необходимостью, исходя из целесообразности: «Истинный закон – это разумное положение, соответствующее природе, распространяющееся на всех людей, постоянное, вечное <...> и мы ни постановлением сената, ни постановлением народа освободиться от этого закона не можем <...> на все народы и в любое время будет распространяться один извечный и неизменный закон...» [11, с. 33], который, в свою очередь, формулирует принцип: «...то, что решил принцепс, имеет силу закона» [12, с. 32], т.е. принцепс «возвещает понятие доброго и справедливого, отделяя справедливое от несправедливого» [12, с. 25].

В этом смысле совершенно логичным и последовательным видится обоснование связи между естественным и позитивным правом, данным Фомой Аквинским в «Сумме теологии». Во-первых, *jus* и *lex* обозначают одно понятие – это закон. Но связь в том, что «*jus* – это объективное упорядочивание ... отношений между членами общества. *Jus* относится к порядку, задуманному в целом, а *lex* является образом этого порядка и относится к заповедям и постановлениям». Поскольку *lex* создан, т.е. субъективен, а *jus* – дан свыше, т.е. объективен, полагаем, можно рассматривать эту связь как следствие и причину. Иными словами, естественное право лежало в основе природы вещей, и римляне пользовались им как основой для понимания этого порядка [13, с. 33], видя в нем морально-нравственный смысл.

Как видим, сама римская традиция строилась на неразделимости природного (естественного) и позитивного права и считала эти элементы вытекающими друг из друга [14, с. 136]. Это суждение лежит в основе еще одной закономерности содержания римского права: многие правовые институты римского права содержат предпосылки использования идеи *jus naturalis*. Особенно они проявляются в тех отраслях римского права, в которых очевидно «естественное начало» людей.

Например, в наследственном праве суть родства: семьей называлось множество лиц, подчиненных единой (отцовской) власти или по природе, или по праву (D. 50.16.195) [15, с. 20]. Вопрос наследования разрешался путем установления агнатского или когнатского родства. Так, агнатское родство – это родство по отцу, или гражданское родство, которое возникает через лиц мужского пола (Гай. Институции 3. 10) [15, с. 106]. Когнатство – это родство между родственниками, соединенными кровным родством через лиц женского пола, и природа этого родства объясняется с помощью естественного права (Гай. Институции. 1. 156) [15, с. 106]. Следовательно, «между агнатами и когнатами существует различие как между родом и видом; ибо тот, кто является агнатом, является и когнатом; однако не всегда тот, кто является когнатом, является агнатом, ведь одно основание гражданское, другое – природное» (D. 38.60.10. Павел в единственной книге «О степенях родства и свойства и их названиях») [15, с. 110].

Это глубочайшее суждение о соотношении родства по естественному праву и по праву римскому можно расширенно толковать и применить к пониманию соотношения *jus naturalis* и римского права в целом. В целом римское право

продолжает идеи *jus naturalis*, но не все они нашли выражение в римском праве. Полагаем, из-за того, что римское право неполностью восприняло идеи *jus naturalis*, а некоторые из них формализовало с помощью фикций, впоследствии исследователи усмотрели в этом несоответствие, а доведя это несоответствие до крайности, стали говорить о противоречии естественного и позитивного права.

Далее, можно найти суждение римских юристов, которые *jus naturalis* возводят в абсолют, считая всеобщим. Например: «...право агнатства может уничтожаться переменою или умалением правоспособности, право когнатства – неизменно, ибо гражданский закон может уничтожить гражданские права; естественных же уничтожить не может» (Гай. Институции. 1. 158) [15, с. 106]. Как видим, естественное родство обусловлено законами природы, однако его не всегда достаточно, чтобы разрешить правовые проблемы наследования. И для этого римские юристы применяют конструкции, учитывающие практическую пользу, целесообразность. Например, в вопросах очередности наследования и установления доли в наследстве применялось право гражданского родства, пределом которого выступала седьмая степень наследников. Однако с точки зрения естественного права когнатское родство существовало и за пределами седьмой очереди, но в вопросах наследования оно не учитывалось, так как затруднительно было определить долю в наследовании таких дальних родственников, поскольку она должна была быть ничтожно малой. С точки зрения прагматизма ограничение родства седьмой степенью целесообразно, но вот с точки зрения морали это положение будет скорее противоречащим ей, нежели хотя бы нейтральным.

Однако чтобы сгладить такие расхождения между *jus naturalis* и гражданским правом, в римском праве различают родство по естественному праву и родство по гражданскому праву, которые могут использоваться по отдельности, а иногда оба права согласуются и родственная связь устанавливается и по естественному, и по гражданскому праву. И при этом считается, что природное родство передается само по себе, без гражданского родства, через женщин, которые рожают незаконных детей. Гражданское же родство, которое также называют законным, устанавливается без естественного права, само по себе посредством усыновления. Родство и по тому, и по другому праву устанавливается, когда происходит соединение путем заключения законного брака (D. 38.60.4. Модестин в 12-й книге «Пандектов») [15, с. 109].

Отдельно необходимо сказать о проявлении *jus naturalle* в праве народов (праве peregrinorum). Г. Гроций – основоположник международного права, отождествлял естественное право и право народов, поскольку кроме права народов «почти не встречается право, которое было бы общее для всех народов» [16, с. 71]. В *jus gentium* (право народов) органически соединились принципы естественного права и позитивные начала, причем философия естественного права в данном случае выросла из позитивного права [5, с. 20].

При всех издержках *jus gentium* (оно носило рекомендательный характер, применялось только при конфликте неграждан с гражданами Рима, поэтому не всегда действовало) его существование в римском праве доказывает, во-первых, то, что *jus naturalle* и римское право не отождествлялись, но и не противопоставлялись. Наоборот, римские юристы рассматривали их как однородные, взаимосвязанные, а иногда и взаимообусловленные системы.

Этим объясняется существование еще одной закономерности, обусловленной гомогенной связью *jus naturalle* и римского права. Речь идет о схожести в понимании центральных категорий, в частности справедливости [17, с. 40]. Справедливость и у древних греков, и у древних римлян универсальна. В римском праве находит свое завершение идущая от греков традиция, которая связывает справедливость с гармонией природы, и одновременно закладываются основания для новой интерпретации идеи справедливости – справедливости как благодати, справедливости как правды, нашедшей свое воплощение в христианской теологии [7, с. 77].

Как видим, римские юристы отлично понимали смысл естественного права, его значимость настолько, что постулаты *jus naturalle* были общеобязательны для римских юристов. Универсальные идеи *jus naturalle* использовались римлянами как нравственный критерий права в целом. Очень точно охарактеризовал связь *jus naturalle* и римского права О. Шпенглер, который отметил, что «в случае греческого и римского права <...> речь должна идти не об их параллельном, а о последовательном существовании» [18, с. 63], итогом которого стало становление юриспруденции как науки [18, с. 68]. Становление античного правоведения О. Шпенглер представляет как планомерное постижение «применяемого права», которое начинается в период эллинизма.

Но как удалось римлянам сделать то, что не смогли сделать древние греки – воплотить идеи *jus naturalle* в правовую реальность? Иными словами, как шел процесс правоприменения естественного права, представляющего зачастую набор абстрактных идей?

Древние римляне использовали множество правовых фикций и разнообразные приемы и способы толкования, чтобы отступать от «несправедливых и отвратительных институтов» [19, с.31], иными словами, чтобы «примирить» морально-нравственные абстракции *jus naturalle* с конкретной правовой реальностью, теорию с эмпирией. Кстати, фикции как средства юридической техники и толкование позволяли римлянам всегда сохранять современность, адекватность римского права. Фикции – это идеальный инструмент по устранению логических противоречий [20, с. 244], который широко использовался практически во всех сферах античного правопорядка [21, с. 3].

Римское право изобиловало фикциями, ни одна известная в настоящее время система не имела и не имеет такого огромного количества фикций [22, р. 20], а используя толкование, римские судьи в юридическом процессе все сомнения разрешали в пользу естественного права [13, с. 35].

Преторы использовали формулы с фикцией в тех случаях, когда строгое право попадало в очевидное логическое противоречие с естественными представлениями о «добрых нравах», о «совести», «справедливости» [20, с. 243]. Ученые указывают, что фикция (*fictionis iuris*) использовалась претором в качестве процессуального средства в тех случаях, когда противоречие было неустранимо в рамках материального права [23, с. 191]. Таким образом, фикции позволяли римским юристам следовать идеям *jus naturalle*, не опровергать их, а, напротив, формализовав их в юридические предписания, использовать в механизме правового регулирования, выстраивать в соответствии с ними свой правопорядок.

Выводы

Проведенный анализ показал следующее.

1. Идейным предшественником римского права была древнегреческая античная философия. В этой связи полагаем, что разделение права на естественное (*jus naturalle*) и позитивное (римское право) и противопоставление этих систем друг другу искусственно, поскольку обе теории имеют общий предмет – право и его характеристики, но рассматривают они его с разных сторон, в том числе и в области источников права: *jus naturalle* – с точки зрения морали, римское право – с точки зрения практической полезности. Более логично было бы считать *jus naturalle* первичным (причина) по отношению к римскому праву (следствие).

2. Римское право – это продолжение естественного права, поскольку лишь оно могло

довести моральную доктрину до совершенства, формализовать ее, переложить на язык закона, заключить ее в правовую норму, создать механизм правового регулирования через систему разнообразных правовых конструкций, сочетающих запреты, обязывания и дозволения, согласовав с верным суждением (*rectam rationem*) и справедливостью (*aequitatem*).

В свою очередь, *jus naturale* дало римскому праву идею справедливого универсального естественного закона, созданного самой природой, понимания граждан как подобных (*homoise*) частей единой системы – полиса, управляемого на основе единого писаного закона, равного для всех граждан, с точки зрения их одинаковых, равных возможностей участия в судах, собраниях. В период расцвета Римской республики естественное право совпадало с представлениями римских юристов с правом, одинаковым для всех народов, а законы общественной жизни рассматривались как естественные законы, частная собственность считалась прирожденным правом индивида.

Таким образом, необходимость писаного закона как неотъемлемого условия правопорядка была осознана древними греками, но с точки зрения разработки технологии его создания, применения была доведена до совершенства древними римлянами.

3. Римское право представляло собой синтез морально-нравственных установок, выступающих ценностными ориентирами для законодателя и позитивных норм, которые наделялись волей законодателя силой действия будучи формализованными в правовые предписания.

Список литературы

1. Круглый стол «*Jus naturale* в римском праве» от 28 марта 2019 г. URL: <http://iusromanum.ru/novosti/28-marta-2019-goda-saratov-ius-naturale-v-rimskom-prave/> (дата обращения: 10.04.2019).
2. Тюменева Н. В. Аксиологическая природа права на жизнь // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 107–111.
3. Пуфендорф С. Ф. О происхождении и прогрессе науки естественного права / пер. с лат. А. А. Сочиллина // Этическая мысль. 2017. Т. 17, № 1. С. 136–149. DOI: 10.21146/2074-4870-2017-17-1-136-149
4. Невважай И. Д. Римское право как теоретическая основа юридической науки. URL: <http://iusromanum.ru/video/> (дата обращения: 25.03.2019).
5. Бряник Н. А. Динамика правопонимания в Античности : от философии права Древней Греции к юриспруденции Древнего Рима // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния РАН. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 7–23. DOI 10.17506/tyipl.2016.18.1.723
6. Лобовиков В. О. Проблема гомогенности античной греческой и римской философии права : Дигесты Юстиниана и гексагон Бланше // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния РАН. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 24–42. DOI 10.17506/tyipl.2016.18.1.2442
7. Кирюхин Д. И. Справедливость как *aequitas* и *justitia* в философско-правовой мысли Древнего Рима // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2013. № 3. С. 63–77.
8. Кофанов Л. Л. Пифагореизм в римском авгуральном праве // Вестн. древней истории. 1999. № 2. С. 166–177.
9. Сочилин А. А. Понятие естественного права и его развитие в истории моральной философии // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 3 (76). С. 49–55. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.76.3.049-055
10. Берлявский Л. Г., Шматова Е. С. Историческая школа права : концепция правопонимания // Юрид. вестн. Рост. гос. экон. ун-та. 2016. № 1–2 (77–78). С. 12–18.
11. Цицерон М. Диалоги. О государстве. О законах. М. : Наука, 1966. 224 с.
12. Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты / пер. И. С. Перетерского. М. : Наука, 1984. 456 с.
13. Рубанцова Т. А. Проблема формирования юридической нормы в римском праве // Актуальные проблемы российского права и законодательства : сб. материалов IX Всерос. науч.-практ. конф. / сост. Е. В. Василенко. Красноярск : СИБУиП, 2016. С. 33–36.
14. Шишимова Е. Н. Естественнo-правовая теория и позитивизм в римском праве // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 5. С. 134–136.
15. Акимова М. А., Кожокарь И. П., Леус В. А. Хрестоматия по римскому праву : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : РГ-Пресс, 2019. 352 с.
16. Гроций Г. О праве войны и мира. М. : Ладомир, 1994. 868 с.
17. Соловьева А. А. Некоторые вопросы понимания справедливости в период поздней Римской Империи // Науч. вестн. Волг. филиала РАНХиГС. Сер. Юриспруденция. 2015. № 2. С. 39–42.
18. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории : в 2 т. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. М. : Мысль, 1998. 606 с.
19. Гегель Г. В. Ф. Философия права : полн. собр. соч. : в 14 т. Т. 7. М. ; Л. : Соцэкгиз, 1934. 384 с.
20. Маркин А. В. Фикции в римском праве : логическая природа и правовая целесообразность // Вектор науки ТГУ. 2011. № 2 (16). С. 243–245.
21. Ширвиндт А. М. Значение фикции в римском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 27 с.
22. Bianchi E. Fictio iuris. Ricerche sulla finzione in diritto romano dal periodo arcaico all'epoca augustea. Verona, 1997. 516 p.
23. Дождев Д. В. Римское частное право : учебник для вузов / под ред. В.С. Нерсисянца. М. : ИНФРА-М-НОРМА, 1997. 704 с.

Образец для цитирования:

Тюменева Н. В. Jus naturalle и римское право: вопросы соотношения // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 316–323. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-316-323>

Jus Naturale and Roman Law: Issues of Correlation

N. V. Tumeneva

Natalia V. Tumeneva, <https://orcid.org/0000-0002-1227-6923>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, tumeneva82@mail.ru

Introduction. The issue of the relationship of jus naturalle, that is, as Samuel Pufendorf rightly claims, the same age as the human race and was formed within the framework of ancient Greek law, and Roman law, which is considered the pinnacle of ancient law, is the object of the study in the present article. Currently, many philosophers, lawyers, who try to understand this problem, agree that jus naturalle had a direct and significant impact on the content of Roman law. **Purpose.** The research is aimed at revealing the relationship between jus naturalle and Roman law and the logical connection between them. **Results.** To clarify the interaction between jus naturalle and Roman law, the specific characteristics of each system were identified. Theorizing identified with philosophy, the presence of moral attitudes, that are not formalized, in the strict sense, in the documentary legal form, are inherent in natural law. Roman law, on the contrary, is technological, concrete, imperative, not speculative. Both systems appeared in the ancient period, but they did not develop simultaneously, they developed consecutively, with Roman law incorporating the ideas of jus naturalle, which indicates, firstly, their relationship, and, secondly, that jus naturalle was a part of Roman law. This explains the homogeneous relationship between the phenomena under consideration, which is consistently characterized by a number of regularities. Methods of interpretation and legal fictions were widely used to formalize the ideas of jus naturalle into Roman laws. **Conclusions.** Thus, the Roman law formalized the ideas of jus naturalle in legal regulations, which allowed them to “translate” from abstractions into reality, building the rule of law on their basis. **Keywords:** naturalle jus, jus naturale, positive law, understanding of law, Roman law, legal technique.

References

1. Kruglyi stol “jus naturalle v rimskom prave” ot 28 marta 2019 g. (Round table “Jus naturale in Roman law” of 28 March 2019). Available at: <http://iusromanum.ru/novosti/28-marta-2019-goda-saratov-ius-naturale-v-rimskom-prave/> (accessed 10 April 2019) (in Russian).
2. Tyumeneva N. V. Axiological nature of the right to life. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2013, vol. 13, iss. 1, pp. 107–111 (in Russian).
3. Pufendorf S. F. On the Origin and the Progress of the Science of Natural Law Samuel von Pufendorf (Translated from Latin into Russian by Andrey Sochilin). *Ethical Thought*, 2017, vol. 17, no. 1, pp. 136–149 (in Russian). DOI: 10.21146/2074-4870-2017-17-1-136-149
4. Nevvazhaj I. D. *Rimskoe pravo kak teoreticheskaya osnova yuridicheskoi nauki* (Roman law as the theoretical basis of legal science). Available at: <http://iusromanum.ru/video/> (accessed 25 March 2019) (in Russian).
5. Bryanik N. A. Dinamika pravoponimaniya v Antichnosti: ot filosofii prava Drevney Gretsii k yurisprudentsii Drevnego Rima [Dynamics of legal understanding in Antiquity: from Philosophy of Law of Ancient Greece to jurisprudence of Ancient Rome]. *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 7–23. DOI 10.17506/ryipl.2016.18.1.723 (in Russian).
6. Lobovikov V. O Problema gomogenosti antichnoy grecheskoy i rimskoy filosofii prava: Digesty Yustiniana i geksgon Blanshe [Problem of homogeneity of Ancient Greek and Roman Philosophy of Law: Iustiniani “Digesta” and Blanché Hexagon]. *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 24–42. DOI 10.17506/ryipl.2016.18.1.2442 (in Russian).
7. Kiryukhin D. I. Justice as aequitas and justitia in philosophical and legal thought of Ancient Rome. *Russian Studies in Philosophy*, 2013, no. 3, pp. 63–77 (in Russian).
8. Kofanov L. L. Pythagoreanism in Roman augural law. *Journal of Ancient History*, 1999, no. 2, pp. 166–177 (in Russian).
9. Sochilin A. A. The Concept of Natural Law and its Development in the History of Moral Philosophy. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2017, no. 3 (76), pp. 49–55 (in Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2017.76.3.049-055
10. Berlyavskij I. G., Shmatova E. S. Historical school of law: concept of law. *Yuridicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the Rostov State Economic University], 2016, no. 1–2 (77–78), pp. 12–18 (in Russian).
11. Cicero M. *Dialogi. O gosudarstve. O zakonakh* [Dialogues on the Commonwealth and on the Laws]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 224 p. (in Russian).
12. Digesty Yustiniana. Izbrannye fragmenty [Digesta Unstiniana. Selected fragments. Transl. by I. S. Pereterskiy]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 456 p. (in Russian).
13. Rubancova T. A. Problem of formation of legal norms in Roman law. In: *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava i zakonodatelstva* [Actual problems of Russian law and legislation. Proc. of the IX All-Russian sci. and pract. conf.]. Krasnoyarsk, Siberian Institute of business, management and psychology, 2016, pp. 33–36 (in Russian).
14. Shishimorova E. N. The natural law theory and positivism in Roman law. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual problems of humanitarian and natural sciences], 2011, no. 5, pp. 134–136 (in Russian).

15. Akimova M. A., Kozhokar I. P., Leus V. A. *Khrestomatiya po rimskomu pravu* [Anthology of Roman law. Textbook. 2nd ed., rev. and add.]. Moscow, Rg-Press Publ., 2019. 352 p. (in Russian).
16. Grocij G. *O prave vojny i mira* [On the law of war and peace]. Moscow, Iadmir Publ., 1994. 868 p. (in Russian).
17. Solovyova A. A. Some Questions of Understanding of Justice in the Late Period of the Roman Empire. *Nauchnyi vestnik Volgogradskogo filiala RANHiGS. Ser. Yurisprudentsiya* [Scientific Bulletin of the Volgograd branch of RANepa. Ser. Jurisprudence], 2015, no. 2, pp. 39–42 (in Russian).
18. Shpengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii* [The Decline of the West. Essays on the Morphology of World History]. Vol. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1998. 606 p. (in Russian).
19. Gegel G. V. F. *Filosofiya prava. Polnoe sobranie sochineniy* [Philosophy of Law. Complete works]. Vol. 7. Moscow, Leningrad, Sotsekgiz Publ., 1934. 384 p. (in Russian).
20. Markin A. V. Fiction in the Roman Right: The Logic Nature and Legal Expediency. *Vektor nauki TGU* [Science vector of TSU], 2011, no. 2 (16), pp. 243–245 (in Russian).
21. Shirvindt A. M. *Znachenie fiktsii v rimskom prave* [The Meaning of Fiction in Roman Law]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 2011. 27 p. (in Russian).
22. Bianchi E. *Fictio iuris. Ricerche sulla finzione in diritto romano dal periodo arcaico all'epoca augustea*. Verona, 1997. 516 p.
23. Dozhdev D. V. *Rimskoe chastnoe pravo* [Roman private law. Textbook for universities]. Moscow, INFRA-M-NORMA Publ., 1997. 704 p. (in Russian).

Cite this article as:

Tumeneva N. V. Jus Naturale and Roman Law: Issues of Correlation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 316–323 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-316-323>

УДК 347.93

Результаты абстрактного толкования по объему норм цивилистического процессуального права

Е. Г. Потапенко

Потапенко Евгений Георгиевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, egpotapenko@rambler.ru

Введение. Толкование правовых норм является одним из центральных вопросов юридической науки и практики, не лишенных дискуссионных аспектов. Проблема толкования норм по объему является весьма значимой и широко обсуждается в современной юриспруденции. Особое значение толкование по объему приобретает в отношении цивилистического процессуального права как системы норм, закрепляющих порядок рассмотрения и разрешения гражданских, административных и некоторых иных дел. **Теоретический анализ.** Абстрактное толкование процессуальных норм является относительно самостоятельной правовой деятельностью, которая не поглощается правотворчеством и правоприменением. Результаты такого толкования не следует включать в состав толкуемой процессуальной нормы. Формируемые в результате толкования процессуальных норм правовые положения могут не совпадать с содержанием толкуемой нормы (ограничительное и распространительное толкование). **Эмпирический анализ.** Практика абстрактного толкования процессуальных норм высшими судами позволяет выявить дополняющие и исключающие правовые положения, которые по объему и содержанию не совпадают с толкуемой процессуальной нормой. Исключающие правовые положения менее распространены в силу преобладающего императивного характера цивилистического процессуального права. **Результаты.** Распространительное и ограничительное толкование норм цивилистического процессуального права приводит к формированию дополняющих и исключающих специальных правовых положений, которые выражают действительный смысл процессуальной нормы с учетом обобщения практики ее реализации, в том числе по отдельным категориям дел и отдельным правовым ситуациям. **Ключевые слова:** гражданский процесс, арбитражный процесс, толкование процессуальных норм, процессуальная форма.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-324-329>

Введение

Вопросам толкования права в юридической литературе традиционно уделяется пристальное внимание. Под толкованием понимается, как правило, деятельность по уяснению и разъяснению смысла и содержания правовых норм. Вместе с тем проблему толкования права нельзя назвать полностью изученной. В теории толкования имеется достаточное количество пробелов и противоречий. Одним из спорных вопросов выступает проблема толкования по объему и его результатов.

Теоретический анализ

В юридической литературе довольно часто толкование рассматривается не как относительно самостоятельная деятельность, а часть (этап) правотворческой [1] или правоприменительной деятельности. А. Ф. Черданцев отмечает: «Толкование обслуживает почти весь механизм правового регулирования. Служебная роль толкования обусловлена тем, что все правовые связи, формы воздействия на общественные отношения опосредствуются языком как всеобщей формой общения, языковой письменной и устной речью, которая нуждается в уяснении, а зачастую и в разъяснении» [2, с. 108]. С. И. Вершинина в качестве одной из основных особенностей толкования называет его связь с «неизбежностью реализации нормы права». «Разъяснение, не преследующее цели реализации права, не вызывает правовых последствий и не может рассматриваться как правовая деятельность» [3, с. 37]. Бесспорно, толкование достаточно часто используется в правотворчестве и имеет тесную связь с правоприменением. Однако оно не поглощается правотворческой и правоприменительной деятельностью. Примером относительно самостоятельной деятельности по толкованию процессуальных норм является абстрактное (нормативное) толкование, осуществляемое Пленумом Верховного Суда РФ. Акты нормативного толкования высших судов не персонифицированы, т.е. не связаны с фактическими обстоятельствами конкретного дела, и обязательны для нижестоящих судов, применяющих толкуемую норму. В некотором смысле официальное нормативное толкование есть «чистая» правоинтерпретационная деятельность, имеющая взаимосвязи как с правотворчеством, так и с правоприменением, но не поглощаемая ими.

Толкование по объему представляет собой соотношение результата толкования с содержанием толкуемой процессуальной нормы. Как справедливо отмечает А. Т. Боннер, толкование нормы по объему есть не способ, а результат толкования [4, с. 21]. В юридической литературе наблюдается некий познавательный разрыв в вопросе о результатах толкования вообще и результатах официального нормативного толкования в частности. Рассматривая официальное нормативное толкование как разновидность

праворазъяснительной деятельности, А. С. Пиголкин указывает на нормативные разъяснения как результат такой деятельности. «Нормативные разъяснения, – отмечает автор, – обычно оформляются в специальном акте, но не содержат в себе новых, самостоятельных правовых норм. Они являются неотделимой составной частью толкуемой правовой нормы и содержат лишь такие положения, которые уточняют и конкретизируют предписания, сформулированные в нормативном акте» [5, с. 121]. Согласно позиции А. С. Пиголкина, нормативные разъяснения не имеют самостоятельного значения, они реализуются только совместно с толкуемой нормой, объясняют и уточняют ее смысл и являются неотъемлемой частью толкуемой нормы. Такая позиция сливает воедино результат толкования и его объект, что вряд ли можно признать правильным. Н. Н. Вопленко возражает против рассмотрения разъяснений, содержащихся в акте официального толкования, в качестве неотъемлемой части толкуемой нормы. «Самостоятельность правоположений, созданных в результате толкования, – пишет автор, – подтверждается также характером самих актов официального толкования как реально существующей, качественно обособленной системы вспомогательных правовых актов» [6, с. 31]. Н. Н. Вопленко разводит результаты толкования и толкуемую норму, прежде всего, по форме их выражения. Если первые получают свое внешнее выражение в актах официального толкования, имеющих вспомогательный характер, то вторые – в нормативно правовых актах. А. Ф. Черданцев отмечает, что «результат толкования находит выражение в разных логико-семантических формах: суждениях о содержании норм права, оценках и интерпретационных нормах» [7, с. 29]. Особой оригинальностью отличается вывод автора о возникновении в результате толкования интерпретационных норм, которые бывают двух видов: регулятивные интерпретационные нормы и интерпретационные нормы о нормах. Ссылаясь на нормативную логику, автор указывает на возможность выведения более конкретных правил из более общей, абстрактной интерпретируемой нормы. Такие нормы А. Ф. Черданцев предлагает называть интерпретационными нормами [2, с. 269–270].

Проведенный краткий анализ исследований результата толкования права и его соотношения с толкуемыми нормами показывает отсутствие единого понимания такого соотношения. Одни авторы склонны к отождествлению результата толкования и толкуемой нормы, поглощению последней результата толкования, другие – разделяют результат толкования относительной

самостоятельностью или нормативным характером. Не дает внятного ответа на этот вопрос и действующее законодательство. Так, например, в соответствии с подп. 1 п. 7 ст. 2, подп. 1 п. 3 ст. 5 ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» [8] Верховный Суд РФ в лице Пленума дает *разъяснения* по вопросам судебной практики. Однако если обратиться к п. 4 ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [9], то Конституционный Суд РФ дает не разъяснения, а толкование Конституции РФ. Очевидно, что термин «толкование» не может быть принят для определения результата толкования, так как определяет одноименный процесс. Термин «разъяснение» также является не в полной мере точным для определения результата толкования, не позволяет соотнести результат толкования и толкуемую процессуальную норму. Данный термин выражает суть соответствующей стадии интерпретационной деятельности, логическую операцию, лежащую в ее основе. В этом случае остается неясной взаимосвязь между разъяснением и толкуемой нормой.

Что касается наименования результата толкования, то в правоведении предложена обособленная конструкция правоположения как поднормативного средства юридического воздействия. Рассматривая данную конструкцию, В. В. Лазарев указывал, что основными источниками правоположений выступают толкование и конкретизация права [10, с. 10]. Термин «правоположение», на наш взгляд, наиболее приемлем для наименования результата абстрактного толкования нормы процессуального права. С одной стороны, он показывает относительную самостоятельность результата толкования, с другой – не создает дублирования наименований, как это происходит при использовании терминов «нормативные разъяснения», «интерпретационные нормы» и т.д.

Соотношение результата толкования и толкуемой процессуальной нормы по объему позволяет выделить буквальное, ограничительное и распространительное толкование. При буквальном толковании содержание правоположения совпадает с содержанием толкуемой нормы. При распространительном толковании содержание правоположения шире содержания толкуемой нормы. При ограничительном толковании содержание правоположения уже содержания толкуемой нормы. Таким образом, объем правоположения и толкуемой нормы совпадает далеко не всегда. Потребность в подобного рода толковании осознана достаточно давно. Известно, что законом Валентиниана III от 426 г. (так называемый «закон о цитировании») сочинениям

Папиниана, Павла, Ульпиана, Модестина и Гая, в том числе и их интерпретациям, выходящим за рамки содержания закона, придавалась юридически обязательная сила.

Распространительное и ограничительное толкование признавалось многими процессуалистами и теоретиками права. Отстаивая допустимость и полезность распространительного и ограничительного толкования, М. А. Гурвич писал, что даже при самом категорическом отрицании судебного правотворчества «невозможно отрицать, что сама жизнь вносит в габариты закона в течение времени новые явления, которые вполне укладываются в содержание нормы и охватываются ее смыслом, хотя и не нашли в ней и не могли найти в схематически абстрактных указаниях при издании закона конкретного выражения» [11, с. 98–99]. При этом ошибочным является мнение некоторых авторов о том, что в основе ограничительного и распространительного толкования лежит систематическое толкование общей нормы с учетом положений специальной нормы. Такого мнения придерживается, в частности, А. Ф. Черданцев, который указывает, что «основанием ограничительного толкования является наличие специальной или исключительной нормы, делающей изъятие из более общей нормы. Сфера применения общей нормы в данном случае (исходя из буквального толкования) охватывает и сферы указанных норм. Однако при систематическом толковании сфера общей нормы ограничивается отмеченными нормами» [2, с. 287]. При действии общей и исключительной процессуальной нормы возникает конкуренция правовых норм, разрешаемая в пользу специальной нормы. Поэтому системное познание и применение норм права, на наш взгляд, не связано с ограничительным толкованием. Применяя вышеуказанный прием преодоления конкуренции, толкование осуществляется буквально. Иллюзия сужения содержания толкуемой процессуальной нормы в данном случае основана не на ее смысле, а на функциональной связи общей и специальной исключающей нормы. Поэтому интерпретационная деятельность в данном случае основывается только на буквальном толковании общей и специальной нормы, применяя правило преодоления конкуренции норм. Объем же толкуемой процессуальной нормы изначально ограничил сам законодатель содержанием специальной нормы. При ограничительном и распространительном толковании речь идет об относительно самостоятельном сужении или расширении объема толкуемой нормы самим интерпретатором в силу необходимости установления действительного смысла данной нормы.

Эмпирический анализ

Распространительное и ограничительное толкование норм цивилистического процессуального права можно выявить при анализе постановлений Пленумов Верховного Суда РФ и ранее действующего Высшего Арбитражного Суда РФ.

Довольно часто высшие суды формулируют дополняющие правоположения. Анализ последних позволяет сделать вывод о том, что дополняющее правоположение является результатом распространительного толкования. Приведем конкретные примеры.

В ч. 3 ст. 29 ГПК РФ установлено, что иски о взыскании алиментов и об установлении отцовства могут быть предъявлены истцом также в суд по месту его жительства. Исходя из буквального толкования данной нормы с учетом соединительного союза «и» по месту своего жительства может обратиться только истец, заявивший оба требования в одном иске. Однако в актах толкования ВС РФ данная норма истолкована распространительно. В результате такого толкования появилось правоположение, дополняющее толкуемую норму. Такое правоположение закреплено в абз. втором п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» [12], согласно которому толкуемое правило распространяется как на случаи, когда названные выше требования заявлены одновременно, так и на случаи, когда требование об установлении отцовства заявлено самостоятельно. В п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» [13] также содержится дополняющее правоположение, согласно которому правило об альтернативной подсудности исков о взыскании алиментов и об установлении отцовства (возможность предъявления исков по месту жительства ответчика или по месту жительства истца) распространяется как на случаи, когда названные выше требования заявлены одновременно, так и на случаи, когда заявлено самостоятельное требование о взыскании алиментов любым лицом, относящимся к кругу лиц, имеющих в силу закона право на алименты, либо оно предъявлено в интересах такого лица.

В абз. втором п. 14 Постановления Пленума ВАС РФ от 09.12.2002 № 11 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» [14] суд распространительно истолковал нормы ч. 3 ст. 125 и п. 1 ст. 126 АПК

РФ и сформулировал дополняющее правоположение о возможности иных способов вручения копии искового заявления ответчику (нарочным, лично истцом). Документы о реализации таких способов, в частности расписка соответствующего лица в получении документов, являются надлежащими применительно к соблюдению п. 1 ст. 126 АПК РФ.

В ч. 1 ст. 46 КАС РФ установлено право административного истца изменить основание или предмет административного иска. В п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» [15] данной норме дано распространительное толкование, в результате чего сформулировано дополняющее правоположение о праве истца увеличить или уменьшить размер требований имущественного характера, поскольку такое увеличение или уменьшение является уточнением заявленных требований.

Необходимость дополняющего правоположения может требовать сама конструкция толкуемой процессуальной нормы, например, наличием незакрытых перечней, а также употреблением таких словосочетаний, как «иные действия», «иные документы». Это нормы с относительно определенной диспозицией. В п. 9 ч. 1 ст. 126 АПК РФ, помимо выписки из ЕГРЮЛ и ЕГРИП, указывается на возможность представления иного документа, содержащего соответствующие сведения. ВАС РФ в п. 3 Постановления Пленума от 17.02.2011 № 12 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27.07.2010 № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»» [16] уточнил, что иным может являться в том числе распечатанная на бумажном носителе и заверенная подписью истца или его представителя копия страницы официального сайта регистрирующего органа в сети Интернет, содержащей сведения о месте нахождения юридического лица и дату их обновления, а также распечатанные на бумажном носителе сведения, предоставляемые в электронном виде посредством доступа к федеральной базе данных ЕГРЮЛ при определенных условиях.

Толкование п. 6 ч. 1 ст. 135 АПК РФ привело к формулированию дополняющего правоположения, установленного в п. 31 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом»

[17], согласно которому в рамках совершения иных направленных на обеспечение правильного и своевременного рассмотрения дела действий в случае возникновения обстоятельств, препятствующих рассмотрению дела в первоначально назначенную дату, арбитражным судом может быть назначена резервная дата проведения судебного заседания.

При анализе актов официального нормативного толкования процессуального права также могут быть выявлены исключаящие правоположения. Такие правоположения возникают, как правило, в результате ограничительного толкования.

В абз. втором п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» [12] суд, толкуя норму ч. 1 ст. 39 ГПК РФ ограничительно, установил исключение из правила о праве на заключение мирового соглашения, указав, что, исходя из характера спора по искам об оспаривании отцовства, утверждение судом мирового соглашения по указанным делам является недопустимым.

Исключаящее правоположение установлено в абз. втором п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2007 № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» [18]. ВС РФ, осуществляя ограничительное толкование нормы ч. 1 ст. 98, ч. 1 ст. 102, ч. 3 ст. 103 ГПК РФ, указал на неприменимость данных правил в части распределения судебных расходов при частичном удовлетворении требований об оспаривании нормативных правовых актов.

Исключаящие правоположения достаточно немногочисленны. Это обусловлено тем, что для формирования такого вида правоположений требуются достаточно веские обстоятельства, свидетельствующие о том, что в действительности смысл нормы уже ее словесного выражения. Кроме того, в силу отраслевой специфики нормы процессуального права часто формируются как императивные, исключение из которых должно быть тщательно мотивированными.

Результаты

Официальное абстрактное толкование норм цивилистического процессуального права может приводить к формированию специальных процессуальных правоположений, дополняющих или ограничивающих содержание толкуемой процессуальной нормы. В результате распространительного толкования процессуальной нормы возникает дополняющее правоположение. Результатом

ограничительного толкования является исключительное процессуальное правоположение. Данные правоположения по отношению к толкуемой процессуальной норме являются специальными, подлежат применению в строго обозначенных случаях. Потребность в специальных процессуальных правоположениях, формируемых при толковании по объему, связана с необходимостью учета особенностей реализации процессуальной нормы в различных правовых ситуациях, выявлением действительного смысла нормы с учетом судебной практики ее реализации.

Список литературы

1. Голубева Л. А. Толкование права в законотворческом процессе // Журнал правовых и экономических исследований. 2013. № 2. С. 44–47.
2. Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. М. : Юнити-Дана, 2003. 381 с.
3. Вершинина С. И. К вопросу о толковании норм права // Вектор науки ТГУ. Сер. Юридические науки. 2010. № 2 (2). С. 36–39.
4. Боннер А. Т. Применение нормативных актов в гражданском процессе. М. : Юрид. лит., 1980. 160 с.
5. Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР. М. : Госюриздат, 1962. 166 с.
6. Вопленко Н. Н. Официальное толкование норм права. М. : Юрид. лит., 1976. 118 с.
7. Черданцев А. Ф. Основные проблемы теории толкования советского права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1972. 35 с.
8. О Верховном Суде Российской Федерации : федер. конституц. закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 30.10.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 6, ст. 550 ; 2018. № 45, ст. 6823.
9. О Конституционном Суде Российской Федерации : федер. конституц. закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 13, ст. 1447 ; 2018. № 31, ст. 4811.
10. Лазарев В. В. Правоположения : понятие, происхождение и роль в механизме юридического воздействия // Правоведение. 1976. № 6. С. 7–15.
11. Гурвич М. А. Судебное решение. Теоретические проблемы. М. : Юрид. лит., 1976. 176 с.
12. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.
13. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 56 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.
14. О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума ВАС РФ от 09.12.2002 № 11 // Вестн. ВАС РФ. 2003. № 2.
15. О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 11.
16. О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27.07.2010 № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» : постановление Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 № 12 // Вестн. ВАС РФ. 2011. № 4.
17. О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8.
18. О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2007 № 48 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 1.

Образец для цитирования:

Потапенко Е. Г. Результаты абстрактного толкования по объему норм цивилистического процессуального права // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 324–329. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-324-329>

Results of Abstract Interpretation of the Volume of Norms of Civil Procedural Law

E. G. Potapenko

Evgeny G. Potapenko, <https://orcid.org/0000-0002-1108-4719>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, egpotapenko@rambler.ru

Introduction. The interpretation of legal norms is one of the main issues of legal science and practice which are quite debatable.

The problem of interpreting norms in terms of their volume is very significant and is widely discussed in modern jurisprudence. The interpretation of the volume of norms acquires particular importance when it concerns civil procedural law as a system of norms that establish the procedure of hearing and solution of civil cases, administrative cases and some other ones. **Theoretical analysis.** An abstract interpretation of procedural norms is a relatively independent legal activity that is not absorbed by law-making and law enforcement. The results of such interpretation should not be included in the interpreted procedural norm. The legal provisions formed as a result of the procedural norms interpretation can differ

from the content of the interpreted norm (restrictive and extensive interpretation). **Empirical analysis.** The practice of abstract interpretation of procedural norms by senior courts allows to identify complementary and excluding legal provisions which in terms of their volume and content differ from the interpreted procedural norm. Exclusive provisions are less common due to the prevailing imperative nature of civil procedure law. **Results.** The extensive and restrictive interpretation of the norms of civil procedural law leads to the formation of special complementary and excluding legal provisions that express the real meaning of the procedural norm with the generalization of practice of its implementation (including certain types of cases and certain legal situations).

Keywords: civil process, arbitral procedure, interpretation of the procedural norms, procedural form.

References

1. Golubeva L. A. The interpretation of law in lawmaking process. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy* [Journal of legal and economic research], 2013, no. 2, pp. 44–47 (in Russian).
2. Cherdantsev A. F. *Tolkovanie prava i dogovora* [Interpretation of law and contract]. Moscow, Unity-Dana Publ., 2003. 381 p. (in Russian).
3. Vershinina S. I. To a Question on interpretation of Norms of the Right as an Independent Kind of Legal Activity. *Vektor nauki TGU. Ser. Yuridicheskie nauki* [Science vector of TSU. Ser. Jurisprudence], 2010, no. 2 (2), pp. 36–39 (in Russian).
4. Bonner A. T. *Primenenie normativnykh aktov v grazhdanskom protsesse* [Application of regulatory acts in civil process]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1980. 160 p. (in Russian).
5. Pigolkin A. S. *Tolkovanie normativnykh aktov v SSSR* [Interpretation of regulatory acts in the USSR]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1962. 166 p. (in Russian).
6. Voplenko N. N. *Ofitsial'noe tolkovanie norm prava* [The official interpretation of the law norms]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1976. 118 p. (in Russian).
7. Cherdantsev A. F. *Osnovnye problemy teorii tolkovaniya sovetskogo prava* [The main problems of the interpretation theory of Soviet law]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Jur.). Sverdlovsk, 1972. 35 p. (in Russian).
8. On the Supreme Court of the Russian Federation. Federal constitutional law of 05.02.2014 no. 3-FKZ (an edition of 10.30.2018). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of laws of the Russian Federation], 2014, no. 6, art. 550; 2018, no. 45, art. 6823 (in Russian).
9. On the Constitutional Court of the Russian Federation. Federal constitutional law of 21.07.1994 no. 1-FKZ (an edition of 29.07.2018). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of laws of the Russian Federation], 1994, no. 13, art. 1447; 2018, no. 31, art. 4811 (in Russian).
10. Lazarev V. V. Law Statements: Concept, Origin and Its Role in the Mechanism of Legal Influence. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 1976, no. 6, pp. 7–15 (in Russian).
11. Gurvich M. A. *Sudebnoe reshenie. Teoreticheskie problemy* [Judgment. Theoretical problems]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1976. 176 p. (in Russian).
12. On court application of legislation in the consideration of cases regarding establishment of parentage. Resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 16.05.2017, no. 16. *Biulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the RF], 2017, no. 7 (in Russian).
13. On court application of legislation in the consideration of cases regarding recovery of alimony. Resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.12.2017, no. 56. *Biulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the RF], 2018, no. 4 (in Russian).
14. On some issues related to the introduction of the Code of Arbitration Procedure of the Russian Federation. Resolution of Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 09.12.2002, no. 11. *Vestnik VAS RF* [Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the RF], 2003, no. 2 (in Russian).
15. On certain issues regarding a court application of Administrative Court Procedure Code of the Russian Federation. Resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.09.2016, no. 36. *Biulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the RF], 2016, no. 11 (in Russian).
16. On certain issues of application of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation in wording of the Federal Law of July 27, 2010, no. 228-FZ “On Amendments to the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation”. Resolution of Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 17.02.2011, no. 12. *Vestnik VAS RF* [Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the RF], 2011, no. 4 (in Russian).
17. On consideration by commercial courts of economic disputes involving cross-border relations. Resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.06.2017, no. 23. *Biulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the RF], 2017, no. 8 (in Russian).
18. On the practice of court proceedings on challenging regulatory acts in whole or in part. Resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.11.2007, no. 48. *Biulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the RF], 2008, no. 1 (in Russian).

Cite this article as:

Potapenko E. G. Results of Abstract Interpretation of the Volume of Norms of Civil Procedural Law. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 324–329 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-324-329>

УДК 347.2/3

Цифровые права как новый объект гражданских прав

И. М. Конобеевская

Конобеевская Ирина Михайловна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ikonobeevskaya@yandex.ru

Введение. В статье анализируются внесенные в Гражданский кодекс РФ изменения, касающиеся введения нового объекта гражданских прав – цифровых прав. **Теоретический анализ.** Категория цифровых прав призвана урегулировать отношения, возникающие по поводу использования криптоактивов, в первую очередь, таких как криптовалюты и токены. В то же время в принятой редакции закона это прямо не указывается, использованное в нем определение цифровых прав может потенциально распространяться на гораздо больший круг объектов. При этом собственно криптовалюты и токены принципиально новыми объектами прав не являются. По сути, они представляют собой записи в децентрализованном реестре, построенном с использованием блокчейн-технологий. Сами по себе они не являются ни имуществом и ни имущественными правами, а представляют собой технологически новый способ записи об имущественных правах.

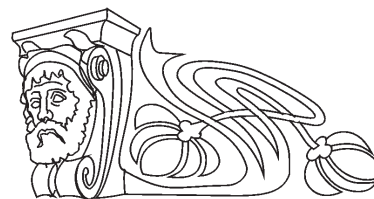
Результаты. На основе изложенного в статье делается вывод об ошибочности отнесения цифровых прав к объектам гражданских прав. Для целей регулирования хозяйственного оборота достаточно было бы признания того факта, что имущественные права могут быть зафиксированы в цифровой форме, в том числе посредством внесения записей в децентрализованные реестры. Закрепление в гражданском законодательстве подобных положений уже позволило бы распространять на криптоактивы все необходимые для их использования и защиты гражданско-правовые инструменты.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровые права, криптовалюты, токены, имущественные права.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-330-334>

Введение

Право как регулятор общественных отношений объективно должно успевать за изменениями этих отношений, реагировать на появляющиеся новые отношения и меняющиеся традиционные. Серьезным вызовом законодателю в этом плане являются современные цифровые технологии, которые с конца XX в. с огромной скоростью изменяют все современное общество. Не является исключением и экономика, которая подверглась существенным изменениям уже с появлением Всемирной сети Интернет. Электронная торговля, электронная коммерция, расчеты посредством сети Интернет уже прочно вошли в нашу жизнь. Новым фактором, с каждым годом все более влияющим на экономические отношения, стало появление криптовалют, а затем и токенов.

В течение нескольких последних лет, когда многие страны уже активно регулировали в рамках национального законодательства рынок криптовалют и ICO (США, Япония, Швейцария, Беларусь и др.), Российское государство оставалось в стороне от этого процесса, более того, демонстрировало свое негативное отношение к указанным экономическим феноменам (достаточно вспомнить, например, Информацию Банка России от 27.01.2014 г. «Об использовании при совершении сделок “виртуальных валют”», в частности, Биткойн»). Однако с каждым годом становилось все более очевидным, что такая политика приведет лишь ко все большему отставанию Российской Федерации от других государств. Как результат, в высшем руководстве страны все-таки сложилось определенное понимание необходимости развития и в том числе посредством адекватного правового регулирования того, что в целом именуют «цифровой экономикой» (Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»; Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы “Цифровая экономика Российской Федерации”» и др.). Во исполнение данных документов программного характера были внесены изменения и в гражданское законодательство, в результате которых список объектов гражданских прав, предусмотренный ст. 128 Гражданского кодекса РФ, был расширен за счет включения в их число так называемых цифровых прав.

Теоретический анализ

Указанные изменения вступают в силу с 1 октября 2019 г., и с этого момента ст. 128 ГК РФ будет выглядеть следующим образом: «К объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага».

Надо сказать, что путь данного законопроекта, до того как он стал законом, был отнюдь не простым. Внесенный в Государственную Думу 26 марта 2018 г., он подвергался резкой критике со стороны как государственных чиновников и предпринимателей, задействованных в криптоэкономике, так и научного сообщества. Если сравнить итоговый текст данного законопроекта с первоначальным, несложно заметить, что концепция его была существенным образом изменена. Фактически можно говорить о двух разных документах.

Что же мы можем видеть в результате? Само понятие цифровых прав дано в новой статье 141.1 ГК РФ «Цифровые права». Согласно ч. 1 данной статьи «цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу» [1].

Надо отметить, что в первоначальной редакции законопроекта определение цифровых прав отличалась довольно существенно. Согласно ч. 1 ст. 141.1 ГК РФ проекта федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», внесенного в Государственную Думу, «в случаях, предусмотренных законом, права на объекты гражданских прав, за исключением нематериальных благ, могут быть удостоверены совокупностью электронных данных (цифровым кодом или обозначением), существующей в информационной системе, отвечающей установленным законом признакам децентрализованной информационной системы, при условии, что информационные технологии и технические средства этой информационной системы обеспечивают лицу, имеющему уникальный доступ к этому цифровому коду или обозначению, возможность в любой момент ознакомиться с описанием соответствующего объекта гражданских прав. Указанные цифровой код или обозначение признаются цифровым правом» [2].

Принципиальным здесь видится то, что законодатель отказался в итоге от привязки цифровых прав исключительно к децентрализованным информационным системам (децентрализованным реестрам). Такое узкое понимание цифровых прав, к которым в результате могли быть отнесены только права, фиксируемые в реестрах,

ведущихся посредством использования блокчейн-технологий, с самого начала подверглось серьезной критике. К примеру, в Экспертном заключении по проекту Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» отмечалось: «...проект необоснованно сужает понятие “цифрового права”, связывая его существование только с распределенным реестром. Права в электронной форме могут существовать не обязательно только в блокчейне; более того, они уже существуют в такой форме и активно реализуются миллионами людей. В этом несложно убедиться, обратившись к балансу собственного аккаунта мобильной связи. Принятый Проектом подход нарушает принцип технологической нейтральности, дискриминируя все другие технологии, способные оформлять права в электронном виде» [3].

Отчасти с этой позицией можно согласиться. Действительно, блокчейн-технология, как и любая технология, вполне очевидно имеет временные рамки существования. Возможно, она просуществует и будет активно использоваться десятилетия или даже века, а, возможно, лишь годы – и на смену ей придет более совершенная. И, конечно, в таком основополагающем документе, как Гражданский кодекс Российской Федерации, тем более в его базовых положениях, методологически не слишком верно использовать конструкции, которые могут за сравнительно короткое время устареть.

Однако что мы получили в результате? Определение цифровых прав, содержащееся сейчас в ст. 141.1 ГК РФ, потенциально настолько широко, что может включать практически любые права, фиксируемые в цифровой форме. К примеру, в вышеупомянутом Экспертном заключении это совершенно верно применительно к балансу мобильного телефона. Однако также в качестве цифровых прав можно рассматривать и баллы, накапливаемые клиентом какого-либо банка и фиксируемые в информационной системе этого банка (к примеру, бонусы «Спасибо» от Сбербанка). Цифровыми правами при желании можно назвать и различные бонусы, на которые может претендовать участник компьютерных сетевых игр. Можно привести и другие примеры, при этом совершенно очевидно, что с развитием цифровых технологий и все большим их вторжением в нашу жизнь количество таких примеров будет только множиться.

В принципе, само по себе на концептуальном уровне может быть все это и не так плохо. Указанные объекты, так же как и многие другие ценности виртуального мира, давно нуждаются

в детальной регламентации, на что указывают многие ученые [4, с. 52; 5, с. 128, 131 и др.]. Вместе с тем нельзя не отметить, что изначально концепция законопроекта была принципиально иной – к цифровым правам предполагалось отнести только права, возникающие у пользователей платформ криптовалют и ICO.

В то же время обратим внимание на то, что указанное широкое толкование цифровых прав заложено в гражданский закон пока лишь потенциально. Это сделано путем закрепления в ч. 1 ст. 141.1 ГК РФ оговорки: «названные в таком качестве в законе» и «отвечающей установленным законом признакам». Какие права будут названы в законе цифровыми и какие признаки будут установлены для указанных информационных систем – вопрос остается открытым. По сути, принятый 18.03.2019 Федеральный закон № 34-ФЗ является лишь констатацией того, что цифровые права существуют и они привязаны к информационной системе.

Иными словами, государство оставило для себя пространство для маневра – вопрос о содержательном наполнении цифровых прав будет решаться в дальнейшем (при этом остается непонятным – какими конкретно актами и в какие сроки это должно быть сделано). Авторы итоговой редакции законопроекта устранились от решения вопроса о цифровых правах по существу, отнеся его к неопределенному будущему. Таким образом, с одной стороны, понятие цифровых прав в законодательство вроде бы как внесено, с другой – объем их не определен и фактически, до появления разъясняющих нормативных документов, применение гражданско-правовых норм о цифровых правах остается невозможным.

Еще до принятия Федерального закона от 18.03.2019 № 34-ФЗ сама концепция закрепления в гражданском, да и вообще в российском законодательстве неких цифровых прав подвергалась определенной критике. В частности, Правовое управление аппарата Государственной Думы в своем заключении «По проекту федерального закона № 424632-7 “О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации”» указывало, что более рационально не вводить в закон новое понятие цифровых прав, а использовать уже устоявшиеся в мировой и российской практике термины «криптовалюты» и «токены» (эта критика была сделана по первой редакции законопроекта и, соответственно, в рамках узкого понимания цифровых прав с привязкой их исключительно к блокчейн-технологиям).

Данная позиция (в рамках узкого понимания цифровых прав) видится нам достаточно обо-

снованной. Если законодатель, как, собственно, следует из пояснительной записки к законопроекту, стремился урегулировать вопросы криптоэкономики, к чему уходить от терминов, понятных во всех странах, и вводить лишние сущности без необходимости? При этом надо иметь в виду, что сам термин «цифровые права» (digital rights) также имеет достаточно устоявшееся понимание в зарубежных источниках, однако относится не к криптоактивам, а характеризует права человека в цифровом пространстве [6, с. 88].

Вместе с тем, даже оставляя терминологию в стороне, зададимся другим вопросом: а являются ли вообще цифровые права правами в собственном смысле этого слова и уж тем более новыми объектами гражданских прав?

Для ответа на него необходимо обратиться к сущности так называемых криптоактивов. Разумеется, единых точных определений в этой сфере не существует, однако определенные позиции можно все же признать устоявшимися.

Так, цифровая валюта (криптовалюта) – это альтернативная форма валюты, обращающаяся, хранящаяся и создаваемая в онлайн, но не имеющая физической формы [7, с. 4]. Она также может быть определена как вид цифрового финансового актива, создаваемый и учитываемый в распределенном реестре цифровых транзакций участниками этого реестра в соответствии с правилами ведения реестра цифровых транзакций [8, с. 144].

Токен – это единица учета в криптовалютах или уникальный символ в системе блокчейна. На сегодняшний день специалисты выделяют три основных вида цифровых токенов: 1) токены приложений; 2) кредитные токены; 3) токены-акции [9, с. 22]. С технологической точки зрения токен – это один из миниатюрных блоков в системе блокчейн, который может использоваться для закрепления различных прав в рамках этой системы.

Таким образом, и криптовалюты, и токены выступают по своей сути способами фиксации прав либо даже притязаний на некие блага в конкретном децентрализованном реестре. К примеру, токен может давать право на получение некоего товара, производимого в рамках реализации проекта ICO, либо на получение прибыли от этого проекта. С этой точки зрения он не сильно отличается от бездокументарной ценной бумаги. Собственно, само по себе появление и бурное развитие ICO является в определенной степени следствием довольно усложненного порядка проведения IPO.

Еще меньше прав предоставляет любая криптовалюта. У владельца токена есть хотя бы право требовать что-то у обязанных лиц – орга-

низаторов ICO. Криптовалюта никаких подобных прав не дает, обязанных лиц в отношении нее не существует, принимать ее в качестве средства платежа никто не должен. Собственно, поэтому она и не является валютой в классическом понимании, а выступает товаром, который может иметь большую или меньшую востребованность (отчасти в силу этого криптовалюты и имеют такую высокую волатильность).

Так или иначе, и криптовалюты, и токены не являются, на наш взгляд, какими-то принципиально новыми объектами с позиций гражданско-правового регулирования (действительно, сложно считать новым объектом права блок в децентрализованном блокчейн-реестре, т.е., по сути, просто цепочку символов). Да и права, которые они предоставляют, принципиально не отличаются от иных прав, давно и хорошо известных законодателю, в том числе российскому. Особенность проявляется лишь в способах фиксации этих прав, которые действительно являются довольно специфичными в связи с использованием распределенных реестров. Абсолютно точно было сказано в официальном отзыве Правительства РФ на проект федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации»: «Исходя из определения понятия цифровых прав, представляется, что такие права фактически являются способом оформления традиционных имущественных прав разной природы (вещные права, обязательственные права, корпоративные права, исключительные права), а также их фиксации и перехода от одного владельца к другому. Однако данные права могут существовать в электронной форме, не создавая при этом новый вид объектов гражданских прав» [10]. В этом плане и криптовалюта, и токен ничем принципиально не отличаются от известного уже тысячелетия человечеству ксюмбаллона (предмета с условными знаками, по которым два лица узнают друг друга, например, по двум половинкам разломанной щепки или монеты, концы которых должны сойтись).

Результаты

Таким образом, на наш взгляд, введение в законодательство понятия «цифровые права» является в принципе терминологически не вполне точным, а их отнесение к объектам гражданских прав и вовсе ошибочным. Конечно, цифровые права можно рассматривать как юридическую фикцию. Однако использование в законодательстве юридической фикции должно преследовать какую-то цель, способствовать достижению

определенного результата. В рассматриваемом случае таким результатом, по-видимому, выступает распространение на криптовалюты и токены режима имущественных прав. Однако, как представляется, в создании такой сложной конструкции объективной необходимости нет – для целей регулирования хозяйственного оборота достаточно было бы признания того факта, что имущественные права могут быть зафиксированы в цифровой форме, в том числе посредством внесения записей в децентрализованные реестры. Закрепление в гражданском законодательстве подобных положений уже позволило бы распространять на криптоактивы все необходимые для их использования и защиты гражданско-правовые инструменты.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. 18.03.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.
2. Проект Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 26.03.2018). URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/> (дата обращения: 20.04.2019).
3. Экспертное заключение по проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 17.01.2019 № 183-1/2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Бухонова Л. Р. Тенденции и перспективы развития конституционного права частной собственности в современном мире // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1. С. 50–57. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.62.1.050-057
5. Савельев А. И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестн. гражданского права. 2014. Т. 14, № 1. С. 127–150.
6. Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Правовая сущность новых цифровых активов // Закон. 2018. № 9. С. 86–89.
7. Андрушин С. А. Технология распределенных реестров в финансовой сфере России // Банковское дело. 2018. № 2. С. 4–14.
8. Белых В. С., Егорова М. А. Криптовалюта как средство платежа: новые подходы и правовое регулирование // Вестн. Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2. С. 140–147.

9. Касаткина В. В. Токен и криптовалюта : их понятие и взаимосвязь в цифровой экономике // Цифровые технологии в экономической сфере : возможности и перспективы : сб. науч. ст.. Тамбов, 2017. С. 22–25.
10. Официальный отзыв Правительства РФ на законопроект о регулировании существующих в интернете новых объектов имущественных экономических отношений. 08.06.2018. URL: <http://m.government.ru/all/32876/> (дата обращения: 29.04.2019).

Образец для цитирования:

Конобеевская И. М. Цифровые права как новый объект гражданских прав // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 330–334. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-330-334>

Digital Rights as a New Object of Civil Rights

I. M. Konobeevskaya

Irina M. Konobeevskaya, <https://orcid.org/0000-0001-6798-6802>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, ikonobeevskaya@yandex.ru

Introduction. The article analyzes the changes made to the Civil Code of the Russian Federation concerning introduction of a new object of the civil rights – the digital rights. **Theoretical analysis.** The category of the digital rights is designed to settle the relations arising from the use of cryptoassets, first of all, such as cryptocurrencies and tokens. At the same time, it is not directly specified in the accepted edition of the law, the definition of the digital rights used in the edition can potentially extend to a much wider range of objects. At the same time, cryptocurrencies and tokens are not essentially new objects of the rights. In fact, they represent entries in the decentralized register constructed with the use of blockchain technologies. They are neither property nor property rights, they represent a technologically new way of a record of property rights.

Results. The author draws the conclusion that it is inaccurate to refer to the digital rights as the objects of civil rights. To regulate economic circulation, it would be sufficient to recognize the fact that property rights can be recorded in a digital form, including recording by means of entering records into the decentralized registers. Consolidation of similar provisions in the civil legislation would allow to apply all the civil tools necessary for the use and protection of cryptoassets.

Keywords: digital technologies, digital rights, cryptocurrencies, tokens, property rights.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part 1) of 30.11.1994 no. 51-FZ (an edition of 18.03.2019). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1994, no. 32 (pt. 1), art. 3301 (in Russian).
2. Draft federal law no. 424632-7 “About modification of parts the first, second and fourth Civil code of the Russian Federation” (the edition brought by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, the text as of 26.03.2018). Available at: <http://sozd.parlament.gov.ru/> (accessed 20 April 2019) (in Russian).
3. The expert opinion under draft federal law no. 424632-7 “About modification of parts the first, second and third the Civil code of the Russian Federation” (it is accepted at a meeting of Russian President’s Council for Codification and Enhancement of Civil Legislation 17.01.2019 no. 183-1/2019). *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
4. Bukhonova L. R. Tendencies and Perspectives of Development of the Constitutional Right to Private Property in the Modern World. *Actual Problems of Russian Law*, 2016, no. 1, pp. 50–57 (in Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2016.62.1.050-057
5. Savelyev A. I. Legal Nature of Virtual Objects Purchased for Real Money in Multiplayer Online Games. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Civil Law Review], 2014, vol. 14, no. 1, pp. 127–150 (in Russian).
6. Sannikova L. V., Kharitonova Yu. S. Legal essence of new digital assets. *Zakon* [Law], 2018, no. 9, pp. 86–89 (in Russian).
7. Andryushin S. A. Technology of the distributed registers in financial to the sphere of Russia. *Bankovskoe delo* [Banking], 2018, no. 2, pp. 4–14 (in Russian).
8. Belykh V. S., Egorova M. A. Cryptocurrency as means of payment: New approaches and legal regulation *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYUA)* [Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)], 2019, no. 2, pp. 140–147 (in Russian).
9. Kasatkina V. V. Token and cryptocurrency: Their concept and interrelation of digital economy. In: *Tsifrovye tekhnologii v ekonomicheskoi sfere: vozmozhnosti i perspektivy* [Digital technologies in the economic sphere: Opportunities and prospects. Collection of sci. art.]. Tambov, 2017, pp. 22–25 (in Russian).
10. Official response of the Government of the Russian Federation on the bill of regulation of the new objects of the property economic relations existing on the Internet. Available at: <http://m.government.ru/all/32876/> (accessed 20 April 2019) (in Russian).

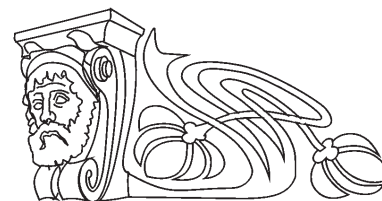
Cite this article as:

Konobeevskaya I. M. Digital Rights as a New Object of Civil Rights. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 330–334 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-330-334>

УДК 342.7

Доступность и эффективность механизмов судебной защиты конституционных прав и свобод человека как показателей верховенства права

А. Ю. Головкова

Головкова Антонина Юрьевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного права, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, s.2610@yandex.ru

Введение. В статье анализируются судебные механизмы защиты конституционных прав и свобод граждан посредством конституционного и административного судопроизводства с учетом специфики федеративного устройства Российской Федерации. **Теоретический и эмпирический анализ.** Принцип доступности обозначенных механизмов защиты прав как показатель верховенства права раскрывается через анализ сформированности системы органов конституционного контроля в Российской Федерации, а также альтернативного механизма защиты конституционных прав судами общей юрисдикции в случае отсутствия конституционных (уставных) судов в конкретных субъектах Российской Федерации; сравнительный анализ критериев допустимости и требований к обращениям граждан в органы конституционной юстиции и суды общей юрисдикции в целях защиты своих субъективных конституционных прав, а также отдельных организационных требований. Вместе с тем раскрывается еще один показатель верховенства права – принцип эффективности обозначенных в статье механизмов защиты конституционных прав и свобод человека через анализ юридической силы решений органов конституционной юстиции, а также судов общей юрисдикции в отношении заявителя, а также их влияние на иных субъектов правоотношений, возможность их пересмотра; анализ исполнимости принятых судебных решений в зависимости от специфики их содержания и влияние таких решений на возобновление дела и пересмотр решений иных судов, послуживших поводом к использованию механизмов судебной защиты конституционных прав и свобод человека посредством конституционного и административного судопроизводства. **Результаты.** Показаны основные проблемы, с которыми сталкиваются граждане при реализации механизмов судебной защиты своих конституционных прав и свобод, предложены отдельные варианты их решения.

Ключевые слова: доступность и эффективность механизмов судебной защиты, верховенство права, органы конституционной юстиции.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-335-343>

Введение

Конституционные права и свободы человека, определяющие смысл, содержание и применение нормативных правовых актов, функционирование публичной власти, обеспеченные правосуди-

ем, являются одним из существенных элементов верховенства права как универсального принципа юридической формы политической и социальной жизни [1]. Наличие нормативных правовых актов, затрагивающих права и свободы граждан, является результатом нормотворческой функции государственных и муниципальных органов, направленной на регулирование отношений в обществе. Однако говорить о ее надлежащем исполнении можно только в том случае, если такие нормативные правовые акты соответствуют как положениям Конституции Российской Федерации, так и конституциям (уставам) субъектов Федерации. При этом потенциальная возможность допущения ошибки органами публичной власти, что однозначно расценивается как нарушение обязанности государства в отношении с обществом, порождает необходимость наличия легитимных механизмов защиты конституционных прав и свобод граждан [2]. При этом, как отмечается Венецианской комиссией, любой механизм защиты прав должен отвечать критериям доступности и эффективности как важным элементам верховенства права [3].

Теоретический и эмпирический анализ

Наиболее эффективным механизмом защиты конституционных прав и свобод граждан при совершении нормоконтроля является судебная защита, осуществляемая в особой процедуре конституционного судопроизводства. При этом федеративное устройство страны, как основа конституционного строя, существенно расширяет возможности по защите конституционных прав граждан в силу наличия органов конституционной юстиции не только на федеральном уровне (Конституционный Суд РФ), но и в субъектах Российской Федерации (конституционные (уставные) суды), которые в совокупности призваны обеспечить единство конституционно-правового пространства в стране при наличии четкого разграничения компетенции между ними. Эффективность механизма судебной защиты посредством конституционного судопроизводства, как подчеркивает Конституционный Суд РФ, обусловлена юридической силой принимаемых

им решений, в результате чего неконституционные нормативные акты утрачивают юридическую силу. Отмечается, что решения Конституционного Суда РФ имеют такую же сферу действия во времени, пространстве и по кругу лиц, как и решения нормотворческого органа, и такое же, как нормативные акты, общее значение, что не присуще правоприменительным актам судов общей юрисдикции и арбитражных судов [4]. В свою очередь, решения региональных органов конституционной юстиции также имеют общее значение и обладают такой же юридической силой в отношении нормативных актов, ставших объектом контроля в рамках их компетенции, что подчеркивается в законах, регулирующих их деятельность [5].

Однако необходимо отметить, что далеко не все субъекты Российской Федерации реализовали свое право, предоставленное федеральным законодателем, по учреждению региональных конституционных (уставных) судов, даже предусмотрев такую возможность в региональном законодательстве. Кроме того, в отдельных субъектах Российской Федерации (в частности в республиках Бурятия, Тыва, в Челябинской области т.д.) прошли процессы упразднения либо приостановления деятельности региональных органов конституционного контроля. На сегодня региональные органы конституционной юстиции осуществляют свою деятельность только в 15 субъектах, что отражает незавершенность системы органов конституционного судебного контроля в России. Представляется, что отсутствие таких механизмов в отдельных регионах снижает уровень защищенности прав и свобод граждан, проживающих на соответствующей территории, поскольку лишает их дополнительных возможностей и гарантий по защите своих конституционных прав и свобод. В связи с этим интересной представляется позиция Конституционного Суда РФ, которую можно свести к тому, что само по себе отсутствие одних механизмов судебной защиты прав граждан не может рассматриваться как ограничение права на доступ к правосудию, пока гарантированы иные механизмы судебной защиты их прав [6].

Действительно, на сегодня при отсутствии органов конституционной юстиции в регионе проверка нормативных правовых актов на соответствие конституции (уставу) осуществляется в рамках иного вида судопроизводства – административного, судами общей юрисдикции. При этом следует поддержать О. В. Брежнева, что нормы Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» оказали влияние на содержание процедур

административного судопроизводства по делам об оспаривании нормативных правовых актов, что придало им общие черты, в частности, по требованиям к обращениям, методологии судебного исследования нормативного правового акта и т.д. [7]. Однако юридическая сила решений, принимаемых в рамках административного судопроизводства, существенно отличается от решений, принимаемых в рамках конституционного судопроизводства, что оказывает влияние на эффективность механизма защиты прав и свобод граждан. Так, при выявлении факта несоответствия нормативного правового акта конституции (уставу) субъекта Российской Федерации судом общей юрисдикции такой акт или его положение признается недействующим, а не утратившим юридическую силу. Такая ситуация, по мнению Конституционного Суда РФ, не исключает возможности последующего оспаривания такого решения в федеральном органе конституционного правосудия [8]. Кроме того, такая возможность не исключена и в рамках процедур, предусмотренных Кодексом об административном судопроизводстве Российской Федерации.

Помимо наличия механизмов судебной защиты конституционных прав и свобод человека, большое значение приобретает их реальная доступность для конкретного гражданина. В Российской Федерации возможность обращений граждан и их объединений в Конституционный Суд РФ в целях защиты своих субъективных конституционных прав никогда не ограничивалась. В этом отношении весьма показательна статистика таких обращений, опубликованная на официальном сайте Конституционного Суда Российской Федерации, где за период 2016–2018 гг. в федеральный орган конституционной юстиции было подано 44 088 обращений, в том числе 43 729 – это жалобы граждан (99%) [9]. Из них 96 (0,2%) обращений, поступивших от граждан, были рассмотрены по существу, в отношении 8456 (19%) были приняты отказные определения [10]. Очевидно, что в отношении остальных 35 536 обращений, поступивших от граждан, конституционный судебный процесс завершился уведомлением Секретариата Конституционного Суда Российской Федерации.

Однако следует отметить, что возможность обращения граждан в Конституционный Суд РФ корректируется законодателем посредством введения критериев допустимости таких обращений, которые с течением времени становятся жестче. По этому поводу Конституционный Суд РФ неоднократно высказывал свою позицию, согласно которой право на судебную защиту не предполагает свободного выбора гражданином

любых способов и процедур защиты своих прав, они определяются законодательно относительно вида судопроизводства и категории дел [11].

Сегодня граждане вправе обратиться в федеральный орган конституционной юстиции только в случае если: 1) оспаривается конституционность закона (его уровень не уточняется), примененного в конкретном судебном деле, рассмотрение которого завершено; 2) этим законом нарушаются конституционные права заявителя; 3) жалоба подана в срок не позднее одного года после рассмотрения дела в суде [12]. При этом следует отметить, что требование об обязательном применении закона судом появилось только в конце 2010 г. [13], до этого момента было допустимо обращение при наличии возможности применения акта, и не только судебным органом. Требование о годичном сроке подачи обращения появилось еще позднее – в июне 2014 г. [14]. Представляется, что такая корректировка критериев допустимости обращений, с одной стороны, сокращает число потенциально «рабочих» обращений, так как в некоторых случаях приходится искать формальные поводы для обращения в иные судебные органы с целью получения требуемого судебного решения иного суда, а с другой – расширяет возможности в защите прав, что может дать положительный эффект еще до обращения в Конституционный Суд РФ.

Необходимо отметить, что все действующие региональные органы конституционной юстиции предполагают возможность для защиты прав граждан и их объединений посредством подачи индивидуальных и коллективных обращений. При этом в зависимости от конкретного субъекта Российской Федерации можно отметить разницу в критериях допустимости таких обращений, по категориям дел, по объектам контроля. Анализ законодательства, регулирующего деятельность органов региональной конституционной юстиции, позволяет заметить смягчение критериев допустимости в отношении обращений граждан. Как отмечает С. Э. Несмеянова, в отличие от Конституционного Суда РФ, в региональные органы конституционного контроля граждане имеют возможность обращаться в рамках не только конкретного нормоконтроля, но и в некоторых субъектах Российской Федерации – абстрактного [15, с. 272–273]. Так, не требуется подтверждения факта применения оспариваемого нормативного акта или возможности его применения, а достаточно лишь мнения заявителя о его несоответствии основному закону субъекта Российской Федерации в республиках Башкортостан, Карелия, Северная Осетия – Алания, Саха (Якутия), а также Калининградской области.

Вместе с тем фактом применения оспариваемого нормативного акта или возможности его применения, который должен подтверждаться соответствующими документами, обусловлено обращение граждан с жалобой в региональные органы конституционной юстиции в республиках Адыгея, Коми, Марий Эл, Саха (Якутия), Северная Осетия – Алания, Татарстан, а также Чеченской и Кабардино-Балкарской республиках, Свердловской области. При этом следует отметить, что применение оспариваемого заявителем нормативного правового акта в обозначенных субъектах возможно как судебными органами, так и иными органами. Более жестко в отношении последнего критерия сформулирована норма в законодательстве города федерального значения Санкт-Петербург, где возможность обращения возникает при доказанности факта применения оспариваемого нормативного акта только судебными органами. Чуть шире сформулированы критерии допустимости обращений граждан в суды общей юрисдикции в рамках административного судопроизводства по делам об оспаривании нормативных правовых актов. С одной стороны, наличие факта применения оспариваемого акта, с другой – обоснованное мнение заявителей, что оспариваемым актом нарушены или нарушаются их права, свободы и законные интересы.

Кроме того, в зависимости от субъекта Российской Федерации наблюдается разница и в объектах контроля со стороны граждан и их объединений. В ряде республик, таких как Ингушетия, Саха (Якутия), Северная Осетия – Алания, Чеченская Республика, а также город федерального значения Санкт-Петербург, перечень нормативных актов, подлежащих проверке по инициативе граждан, ограничен республиканскими нормативными актами. Расширение объекта контроля за счет муниципальных нормативных правовых актов наблюдается в республиках Адыгея, Коми, Карелия, Марий Эл, Татарстан, а также Кабардино-Балкарской Республике, Свердловской области. Вместе с тем в Республике Башкортостан, Кабардино-Балкарской Республике объектом контроля также может стать публично-правовой договор.

Несмотря на выделенное разнообразие в критериях допустимости, объектах контроля, статистика по обращениям граждан, рассмотрению их вопросов по существу региональными органами конституционной юстиции имеет сравнительно одинаковые незначительные показатели. Так, в частности, в Уставный суд Калининградской области за 2018 г. поступило четыре обращения от граждан, из них ни одно

не рассмотрено по существу, по двум вынесены отказные определения в связи: 1) с неподведомственностью поставленного вопроса; 2) несоблюдением требований к обращению. В Республике Татарстан за аналогичный период также поступило четыре обращения от граждан, но, в отличие от Калининградской области, по одному обращению принято решение по существу, два находятся в стадии рассмотрения и только по одному обращению принято отказное определение. При этом следует отметить значительный интерес граждан к Конституционному Суду Татарстана, куда за период с января по 10 апреля 2019 г. уже поступило 11 обращений граждан. В Свердловской области за 2018 г. поступило 16 обращений, из них два переданы для рассмотрения по существу, по одному вынесено отказное определение. При этом за 2017 г. в Уставный Суд Свердловской области поступило 26 обращений, из них пять были переданы на изучение судьям. Большую активность граждан можно отметить в Республике Северная Осетия – Алания, где за 2017 г. от граждан поступило 58 обращений, из них дальше Секретариата Суда прошло только два обращения.

Представляется, что подобная ситуация складывается в силу, с одной стороны, относительной новизны института конституционного контроля, в частности, его роли в правовой системе Российской Федерации, а с другой стороны, непонимания многими гражданами особенностей механизма судебной защиты конституционных прав и свобод, что существенно отражается на качестве их обращений. Учитывая некоторую бесполезность в установлении жестких критериев допустимости обращений граждан, сужении совокупности нормативных правовых актов, которые могут стать объектом контроля, думается, что некоторым шагом к повышению доступности механизмов судебной защиты конституционных прав и свобод граждан могут стать ослабление критериев допустимости и расширение совокупности объектов контроля, в первую очередь – на региональном уровне. Такой вариант потенциально расширит возможности граждан по защите своих конституционных прав. В этой связи согласимся с С. А. Беньяминовой, что защита конституционных прав посредством конституционного судопроизводства, инициированного конкретным гражданином, означает не только защиту прав заявителя – гражданина, но и защиту конституционных прав неопределенного круга лиц, которые так или иначе находятся в зоне регулирования оспариваемой нормы [16]. Что касается качества подготовки обращений граждан, то шагом к повышению доступности

механизмов судебной защиты прав, бесспорно, выступит наличие возможности получения гражданином, обратившимся в соответствующий орган, квалифицированной юридической помощи, в частности, при подготовке обращения. Следует отметить, что требования, предъявляемые к обращениям граждан в органы конституционной юстиции, практически аналогичны, в частности, это указание сведений о заявителе, названия оспариваемого нормативного акта и т.д. В большинстве случаев серьезные затруднения при обращении у заявителей вызывает формулировка правовой позиции, которая требует определенных знаний в области конституционного права, а также судебной практики. Именно в момент обращения заявителю нужно приложить максимальные усилия, чтобы доказать неконституционность оспариваемого акта. При этом необходимо отметить, что бремя доказывания этого обстоятельства при оспаривании акта в рамках административного судопроизводства возложено на противоположную сторону, что существенно облегчает возможность обращения.

Развивая вопрос о получении гражданами квалифицированной юридической помощи при реализации механизма судебной защиты конституционных прав, нельзя не коснуться вопроса представительства. Федеральный законодатель предоставил возможность являться представителями граждан в Конституционном Суде Российской Федерации только лицам, имеющим ученую степень по юридической специальности, либо адвокатам. На региональном уровне требования к представителям более мягкие – как правило, достаточно наличия высшего юридического образования. В этой связи вызывает интерес позиция О. В. Брежнева, по мнению которого такие требования ограничивают круг лиц, могущих оказывать юридическую помощь, по сравнению с иными видами судопроизводства [17]. Однако Кодексом об административном судопроизводстве Российской Федерации в рамках категории дел об оспаривании нормативных правовых актов этот вопрос регулируется следующим образом: указывается на необходимость привлечения представителя, имеющего высшее юридическое образование, при отсутствии последнего у заявителя. Представляется, что имеющаяся специфика конституционного судопроизводства, в частности, необходимость доказывания правовых обстоятельств, вполне оправдывает повышенные требования к представителям, хотя на сегодня требований об обязательном представительстве не предусмотрено. При этом, учитывая качество обращений граждан, было бы оправданным введение такого требования, что сделало бы данный

механизм защиты доступней для граждан. Однако в этом случае законодателю следовало бы расширить возможности граждан в получении бесплатной юридической помощи, что также выступает одним из критериев верховенства права в стране.

Еще одним немаловажным показателем верховенства права выступает такой критерий, как эффективность существующих механизмов судебной защиты конституционных прав и свобод граждан, который оценивается через призму исполнимости всех судебных решений, в том числе органов конституционного контроля, что в конечном итоге должно приводить к восстановлению нарушенных прав. Как отмечается Венецианской комиссией, «простая отмена закона, нарушающего конституцию, не является достаточной мерой для устранения последствий такого нарушения, а в случаях неконституционных законодательных упущений это вообще невозможно» [3]. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации также подчеркивается, что «судебное решение не может быть признано справедливым, судебная защита не может считаться полной и эффективной, когда допущена судебная ошибка» [18].

Следует отметить, что сегодня действующее процессуальное законодательство, регулирующее иные виды судебных процессов, в качестве основания для пересмотра принятых судебных решений по новым обстоятельствам рассматривают только решения Конституционного Суда РФ о признании оспариваемого закона не соответствующим Конституции Российской Федерации. Кроме того, такие решения оказывают влияние не только на конкретного заявителя, но и на других лиц, которые не участвовали в конституционном судебном процессе. В отношении третьих лиц, к которым была применена норма, признанная неконституционной, предусмотрена возможность пересмотра дела по новым обстоятельствам, но только тех решений, которые к моменту обращения еще не вступили в законную силу либо вступили в законную силу, но к моменту обращения еще не исполнены или исполнены частично.

Однако решение Конституционного Суда РФ может быть иным, в котором норма признается конституционной, но в выявленном Судом смысле, что может существенно повлиять на права и свободы граждан. Следует поддержать Г. А. Гаджиева, что в такой ситуации нельзя лишить гражданина, обращение которого послужило основанием для исключения из правового поля России практику применения нормы в противоречии с конституционно-правовым смыслом, награды в виде возможности пересмотра дела. По мнению

автора, иное лишало бы смысла акты Конституционного Суда Российской Федерации, в которых выявляется конституционно-правовой смысл [19, с. 41]. По этому поводу Конституционный Суд РФ высказал однозначную позицию, обозначив, что принятие постановления, в котором выявлен конституционно-правовой смысл правовой нормы, устранивший ее действие в неконституционном истолковании, имеет те же последствия, что и постановления, которыми нормы признаются не соответствующими Конституции Российской Федерации. Такие постановления также являются основанием для пересмотра дел иными судебными органами в отношении заявителей по новым обстоятельствам, независимо от того, предусмотрены ли они в соответствующих нормативных правовых актах, регулирующих иные виды судопроизводства [20]. Высказанная позиция нашла свое отражение в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации [21]. Вместе с тем не являются формальным основанием для пересмотра решений иных судов по новым обстоятельствам и решения конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, что также вызывает определенные проблемы на практике. При этом расширение перечня критериев допустимости обращений граждан позволило бы косвенно снизить степень негативного влияния такого отсутствия. Аналогичная ситуация наблюдается в отношении нормативных актов, признанных недействующими судами общей юрисдикции в рамках административного судопроизводства, за исключением Кодекса об административном судопроизводстве, где такое основание имеется. Представляется, что обозначенная ситуация требует реакции со стороны законодателя в части введения новых оснований для пересмотра судебных решений иных органов, таких как выявление Конституционным Судом РФ конституционно-правового смысла нормы, аналогичных решений конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, решений судов общей юрисдикции о признании недействующими нормативных правовых актов.

Результаты

Таким образом, наличие у человека механизмов судебной защиты своих конституционных прав и свобод посредством конституционного судопроизводства, а в определенных ситуациях – административного, позволяет ему обязать государство надлежащим образом выполнять свою обязанность по признанию и соблюдению конституционных прав и свобод человека при принятии и применении нормативных правовых актов.

При этом такие механизмы защиты прав должны являться доступными и эффективными для каждого, что выступает критерием верховенства права. Совершенствуя такие механизмы защиты права, бесспорно, нужно стремиться к созданию целостной системы органов конституционного контроля в Российской Федерации. Их отсутствие в отдельных регионах снижает уровень защищенности прав и свобод граждан, проживающих на соответствующей территории, поскольку лишает их дополнительных возможностей и гарантий по защите своих конституционных прав и свобод. Однако представляется, что в первоочередном порядке доработки требуют следующие вопросы: 1) влияние решений Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов Федерации и судов общей юрисдикции, принятых в рамках категории дел об оспаривании нормативных правовых актов, на возможность пересмотра решений иных судебных органов по новым обстоятельствам; 2) корректировка критериев допустимости обращений граждан в сторону их ослабления, расширения совокупности объектов конституционного контроля на региональном уровне, что потенциально расширит возможности каждого по защите своих конституционных прав; 3) дополнительные возможности получения гражданами бесплатной квалифицированной юридической помощи уже при подготовке обращения в Конституционный Суд РФ, конституционные (уставные) суды Российской Федерации в силу специфики конституционного судопроизводства. Такие меры в итоге положительно отразятся на действенности рассмотренных механизмов судебной защиты прав и свобод человека.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект «Верховенство прав, федерализм и защита прав человека: сравнительное исследование» № 19-011-00697).

Список литературы

1. Зорькин В. Д. Верховенство права и встреча цивилизаций // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 1. С. 2–9.
2. По делу о проверке конституционности пункта 5 части второй статьи 371, части третьей статьи 374 и пункта 4 части второй статьи 384 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К. М. Кульнева, В. С. Лалуева, Ю. В. Лукашова и И. П. Серебренникова : постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1996 № 4-П // Рос. газ. 1996. № 31.
3. Контрольный список вопросов для оценки соблюдения верховенства права, принятый на 106 пленарном заседании Венецианской комиссии (пункт 54 Исследования о прямом доступе к конституционному правосудию) (Венеция, 11–12 марта 2016 г.). URL: www.venice.coe.int (дата обращения: 10.04.2019).
4. По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации : постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 № 19-П // Рос. газ. 1998. № 121.
5. Об Уставном суде Свердловской области : закон Свердловской области от 06.05.1997 № 29-ОЗ // Областная газета. 1997. № 69.
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Половцева Игоря Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 50 и 79 Устава Санкт-Петербурга, статей 15, 18, 20, 29, 30 и 37 Закона Санкт-Петербурга «Об Уставном суде Санкт-Петербурга», а также отдельными положениями Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», Федерального закона «Об органах судебной системы в Российской Федерации» и Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» : определение Конституционного Суда РФ от 02.02.2006 № 20-О. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
7. Брежнев О. В. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации о разграничении подведомственности и особенностях взаимодействия между судами общей юрисдикции и органами конституционного правосудия // Административное и муниципальное право. 2015. № 6. С. 626–633.
8. По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 статьи 1, пункта 1 статьи 21 и пункта 3 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросом Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации : постановление Конституционного Суда РФ от 11.04.2000 № 6-П // Рос. газ. 2000. № 82–83.
9. Статистика по обращениям в Конституционный Суд Российской Федерации // Конституционный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Petition/Pages/StatisticDef.aspx> (дата обращения: 10.04.2019).
10. Решения КС РФ // Конституционный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/extsearch.aspx> (дата обращения: 10.04.2019).
11. По жалобе гражданки Дудник М. В. на нарушение ее конституционных прав п. 2 ч. 3 ст. 43 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» : определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2000 г. // Конституционный Суд Российской Федерации. Постановления. Определения. 2000. М., 2001. С. 558–561.

12. О Конституционном Суде Российской Федерации : федер. конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ // Рос. газ. 1994. № 138–139.
13. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» : федер. конституционный закон от 03.11.2010 № 7-ФКЗ // Рос. газ. 2010. № 253.
14. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» : федер. конституционный закон от 04.06.2014 № 9-ФКЗ // Рос. газ. 2014. № 127.
15. Несмеянова С. Э. Конституционный судебный процесс в России : учеб. пособие. 2-е изд. М., 2018. 204 с.
16. Беньяминова С. А. Право на конституционное судопроизводство как элемент правового статуса гражданина // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 143–150.
17. Брежнев О. В. Принцип доступности конституционного правосудия : содержание и гарантии // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 5. С. 57–64.
18. О вопросе, возникшем после принятия Пленумом Верховного Суда Российской Федерации 5 апреля 2005 г. Постановления № 7 «О внесении изменений и дополнений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2000 г. № 35 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел, связанных с реализацией инвалидами прав, гарантированных Законом Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»» : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2005 № 26 // Рос. газ. 2005. № 293.
19. Гаджиев Г. А. Категория «предназначение» в конституционном судопроизводстве // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. Вып. 2. Казань, 2007. С. 41–51.
20. По ходатайствам граждан Абрамова Дмитрия Александровича, Ветлугаева Владимира Анатольевича, Долгунова Сергея Николаевича, Казаченко Елены Алексеевны и Печкова Виктора Петровича о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября 2017 года № 24-П : определение Конституционного Суда РФ от 13.03.2018 № 586-О-Р // Рос. газ. 2018. № 75.
21. О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.12.2012 № 31 // Рос. газ. 2012. № 295.

Образец для цитирования:

Головкова А. Ю. Доступность и эффективность механизмов судебной защиты конституционных прав и свобод человека как показателей верховенства права // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 335–343. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-335-343>

Accessibility and Effectiveness of Mechanisms for the Judicial Protection of Constitutional Rights and Freedoms as the Rule of Law Indicators

A. Yu. Golovkova

Antonina Yu. Golovkova, <https://orcid.org/0000-0001-9938-446X>, Ural State Law University, 21 Komsomol'skaya St., Ekaterinburg 620137, Russia, s.2610@yandex.ru

Introduction. The mechanisms for the judicial protection of citizens' constitutional rights and freedoms by means of constitutional and administrative proceedings are analyzed in this article, taking into account the federative specifics of the Russian Federation. **Theoretical and empirical analysis.** The principle of accessibility of the rights protection mechanisms as the rule of law indicator is revealed through an analysis of the system of constitutional control bodies in the Russian Federation, the results of their completion process, as well as through an analysis of the alternative mechanism for the constitutional rights protection by the courts of general jurisdiction if there are no constitutional (statutory) courts in particular subjects of the Russian Federation. The principle is also revealed via comparative analysis of the admissibility criteria and requirements for citizens' appeals to constitutional justice bodies and courts of general jurisdiction in order to protect their

constitutional rights and individual organizational requirements. Besides, the article considers another indicator of the rule of law – the principle of the effectiveness of the mechanisms for the constitutional rights and freedoms protection – through the analysis of the legal force of decisions of the constitutional justice bodies and courts of general jurisdiction for the applicant, as well as their influence on other persons within the legal relations; the possibility of revision; the feasibility of court decisions, depending on the specifics of their content and the impact on the resumption of the case and the revision of decisions of other courts, that initially gave grounds for implementation of the judicial protection mechanisms for constitutional human rights and freedoms by means of constitutional and administrative proceedings. **Results.** Furthermore, the article set forth the main problems citizens face while implementing mechanisms for the judicial protection of their constitutional rights and freedoms. The author suggests some options for the solution of these problems.

Keywords: accessibility and effectiveness of mechanism for the judicial protection, rule of law, constitutional control bodies.

Acknowledgements: The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project “The Rule of Rights, Federalism and the Protection of Human Rights: a comparative study” No. 19-011-00697).

References

1. Zor'kin V. D. The rule of law and the meeting of civilizations. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya* [Journal of Constitutional Justice], 2008, no. 1, pp. 2–9 (in Russian).
2. In the case of verifying the constitutionality of clause 5 of part two of article 371, part three of article 374 and clause 4 of part two of article 384 of the RSFSR Criminal Procedure Code in connection with complaints by citizens K. M. Kulneva, V. S. Laleeva, Yu. V. Lukashov and I. P. Serebrennikov. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 02.02.1996 no. 4-P. *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 1996, no. 31 (in Russian).
3. Checklist for assessing compliance with the rule of law, adopted at the 106th plenary meeting of the Venice Commission (paragraph 54 Studies on direct access to constitutional justice) (Venice, March 11–12, 2016). Available at: www.venice.coe.int (accessed 10 April 2019) (in Russian).
4. In the case of the interpretation of certain provisions of Articles 125, 126 and 127 of the Constitution of the Russian Federation. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 16.06.1998 no. 19-P. *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 1998, no. 121 (in Russian).
5. About the Authorized court of Sverdlovsk region. Law of the Sverdlovsk region of 06.05.1997 no. 29-OZ. *Oblastnaya gazeta* [Regional newspaper], 1997, no. 69 (in Russian).
6. On refusal to accept complaints of a citizen of Polovtsev Igor Nikolayevich to violation of his constitutional rights by the provisions of Articles 50 and 79 of the Charter of St. Petersburg, Articles 15, 18, 20, 29, 30 and 37 of the Law of St. Petersburg “On the Statutory Court of St. Petersburg” as well as certain provisions of the Federal Constitutional Law “On the Judicial System of the Russian Federation”, Federal Law “On the Bodies of the Judicial Community in the Russian Federation” and the Law of the Russian Federation “On the Status of Judges in the Russian Federation”. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 02.02.2006 no. 20-O. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian);
7. Brezhnev O. V. The Code of Administrative Justice of the Russian Federation on the delimitation of jurisdiction and the peculiarities of interaction between the courts of general jurisdiction and the bodies of constitutional justice. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo* [Administrative and municipal law], 2015, no. 6, pp. 626–633 (in Russian).
8. On the case of verification of the constitutionality of certain provisions of paragraph 2 of Article 1, paragraph 1 of Article 21 and paragraph 3 of Article 22 of the Federal Law “On the Prosecutor’s Office of the Russian Federation” in connection with the request of the Judicial Collegium for Civil Affairs of the Supreme Court of the Russian Federation. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 11.04.2000 no. 6-P. *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 2000, no. 82–83 (in Russian).
9. Statistics on appeals to the Constitutional Court of the Russian Federation. *Konstitutsionnyi Sud Rossiiskoi Federatsii* [Constitutional Court of the Russian Federation. Site]. Available at: <http://www.ksrf.ru/ru/Petition/Pages/StatisticDef.aspx> (accessed 10 April 2019);
10. Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Konstitutsionnyi Sud Rossiiskoi Federatsii* [Constitutional Court of the Russian Federation. Site]. Available at: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/extsearch.aspx> (accessed 10 April 2019);
11. According to the complaint of citizen Dudnik M.V. on violation of her constitutional rights, clause 2 part 3 of article. 43 of the Federal Constitutional Law “On the Constitutional Court of the Russian Federation”. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 21.12.2000. *Konstitutsionnyi Sud Rossiiskoi Federatsii. Postanovleniya. Opredeleniya. 2000* [Constitutional Court of the Russian Federation. Regulations. Definitions. 2000]. Moscow, 2001, pp. 558–561 (in Russian).
12. About the Constitutional Court of the Russian Federation. Federal constitutional law of 21.07.1994 no. 1-FKZ. *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 1994, no. 138–139 (in Russian).
13. On amendments to the Federal Constitutional Law “On the Constitutional Court of the Russian Federation”. Federal constitutional law of 03.11.2010 no. 7-FKZ. *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 2010, no. 253 (in Russian).
14. On amendments to the Federal Constitutional Law “On the Constitutional Court of the Russian Federation”. Federal constitutional law of 04.06.2014 no. 9-FKZ. *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 2014, no. 127 (in Russian).
15. Nesmeyanova S. E. *Konstitutsionnyi sudebnyi process v Rossii* [Constitutional litigation in Russia. 2nd ed.]. Moscow, 2018. 204 p. (in Russian).
16. Ben'yaminova S. A. The right to constitutional legal proceedings as an element of the legal status of a citizen. *Actual Problems of Russian Law*, 2018, no. 10, pp. 143–150 (in Russian).
17. Brezhnev O. V. The principle of accessibility of constitutional justice: the content and guarantees. *Actual Problems of Russian Law*, 2018, no. 5, pp. 57–64 (in Russian).
18. On the issue that arose after the adoption by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on April 5, 2005 of Resolution no. 7 “On Amendments and Addenda to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 14, 2000 no. 35 “On certain issues arising in the consideration of cases related to the implementation of the rights of persons with disabilities guaranteed by the Law of the Russian Federation “On the social protection of citizens exposed to radiation as a result of the disaster at the Chernobyl

- nuclear power plant”””. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 21.12.2005 no. 26 *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 2005, no. 293 (in Russian).
19. Gadzhiev G. A. Category “purpose” in constitutional legal proceedings. *Aktual'nye probleme teorii i praktiki konstitutsionnogo sudoproizvodstva. Vyp. 2* [Actual problems of the theory and practice of constitutional legal proceedings. Iss. 2]. Kazan, 2007, pp. 41–51 (in Russian).
20. According to the petitions of the citizens of Abramov Dmitry Alexandrovich, Vetlugaev Vladimir Anatolyevich, Dolgunov Sergey Nikolaevich, Kazachenko Elena Alekseevna and Pechkov Viktor Petrovich about the explanation of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 17, 2017 no. 24-P. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 13.03.2018 no. 586-O-R. *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 2018, no. 75 (in Russian).
21. On the application of the norms of the Civil Procedure Code of the Russian Federation when courts consider applications, submissions for review on newly discovered or new circumstances of court decisions that entered into force. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 11.12.2012 no. 31. *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 2012, no. 295 (in Russian).

Cite this article as:

Golovkova A. Yu. Accessibility and Effectiveness of Mechanisms for the Judicial Protection of Constitutional Rights and Freedoms as the Rule of Law Indicators. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 335–343 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-335-343>

УДК 342.41

Реализация конституционного принципа равенства родительских прав и обязанностей при назначении и отбытии уголовного наказания

Р. А. Торосян

Торосян Рима Андраниковна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, rima_t@mail.ru

Введение. Статья посвящена реализации конституционного принципа равенства родительских прав и обязанностей при назначении и отбытии уголовного наказания. **Теоретический анализ.** Автором был проведен анализ Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов Российской Федерации в части реализации конституционного принципа равенства родительских прав и обязанностей при назначении и отбытии уголовного наказания. Отмечается, что в УК РФ устанавливается перечень наказаний, часть которых являются асимметричными, т.е. содержат ничем не обусловленные преимущества в отношении женщин-матерей, что приводит к нарушению родительских прав мужчин. **Результаты.** Подводя итог проведенного исследования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, делается вывод, что в настоящее время принцип равенства мужчин и женщин в сфере уголовно-исполнительного законодательства по отношению к их семейным обязанностям соблюдается. Однако присутствует необоснованная дифференциация некоторых положений уголовного законодательства, что является препятствием для мужчин-отцов к осуществлению родительских обязанностей, закрепленных ч. 2 ст. 38 Конституции РФ.

Ключевые слова: конституционный принцип равенства перед законом, равенство прав и обязанностей родителей, отцовство.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-344-350>

Введение

Часть 2 ст. 38 Конституции РФ [1] устанавливает, что забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей. Этот принцип реализуется в различных сферах жизнедеятельности, в том числе и в семейных отношениях. Так, согласно ст. 61 Семейного кодекса РФ [2], родители имеют как абсолютно равные права, так и несут равные обязанности в отношении своих детей. Таким образом, родители в одинаковой степени вправе и обязаны: воспитывать своих детей и давать им соответствующее образование; защищать их интересы; предоставлять ребенку содержание; общаться со своими детьми, воспитывать их.

Поддержка семьи, материнства, отцовства и детства является одним из приоритетных направлений политики современного государства. Се-

мья – это сложное социально-культурное явление, включающее в себя наиболее важные аспекты человеческой жизнедеятельности и социальной практики.

В настоящее время гарантия защиты семьи, материнства, отцовства и детства государством реализуется не только в семейном законодательстве РФ и ее субъектов, но и в иных отраслях законодательства, в том числе уголовном и уголовно-исполнительном. Заложенные в Конвенции о правах ребенка принципы защиты интересов ребенка нашли свое отражение в различных отраслях законодательства России [3, с. 71].

Теоретический анализ

Хотелось бы более подробно рассмотреть права в отношении воспитания ребенка отдельной категорией лиц, а именно отцов, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Как было сказано выше, право воспитывать и заботиться о своем ребенке – это конституционное право мужчин-отцов. Исходя из этого, необходимо отметить, что несмотря на то что лицо отбывает наказание в местах лишения свободы, его никто не может лишить этого конституционного права.

Однако с точки зрения гендерного подхода преимущественно нарушаются родительские права мужчин-отцов в связи с отсутствием в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве соответствующих прав, позволяющих осужденному отцу реализовать свои родительские права наравне с женщиной-матерью.

Согласно ст. 4 УК РФ [4], лица, совершившие преступление, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола и других обстоятельств. Рассматриваемый принцип раскрывает уголовно-правовую специфику общего принципа равенства, закрепленного ч. 3 ст. 19 Конституции РФ.

Принцип гендерного равенства отражает реальное социальное и правовое равенство мужчин и женщин, обладание ими одинаковыми субъективными правами, в том числе равное право и обязанность на воспитание и заботу своих детей.

Принцип справедливости закрепляется в ст. 6 УК РФ, согласно которой наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяе-

мые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т.е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Таким образом, справедливость уголовным законодательством определяется как наличие единого подхода при применении наказания ко всем лицам, совершившим преступление.

Принцип справедливости тесно связан с принципом гуманизма, а именно при назначении наказания с учетом тяжести и общественной опасности совершенного деяния. Принцип гуманизма закрепляется в ст. 7 УК РФ, согласно которой наказание и иные меры уголовно-правового характера не должны преследовать цель причинения физических страданий или унижения человеческого достоинства. И. Я. Козаченко определяет сущность принципа гуманизма, которая выражается в признании ценности человека: преступника и пострадавшего при назначении наказания [5, с. 21].

Примером реализации принципов гуманизма, справедливости и равенства при осуществлении родительских прав является предусмотренное ст. 82 УК РФ право на отсрочку наказания женщине, имеющей ребенка в возрасте до четырнадцати лет, и мужчине при наличии аналогичных условий, в том числе являющемуся единственным родителем. Важно отметить, что данное право обеспечивает реализацию родительских прав и обязанностей несмотря на наличие содержащихся в наказании правоограничений.

Для осуществления осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы, родительских прав и исполнения обязанностей необходимы специальные формы, благодаря которым осужденные смогут оказать воспитательное воздействие на своих детей. Эти формы определяются условиями отбывания наказания.

Следует отметить, что ст. 4 УК РФ определяется равенство граждан по отношению к уголовной ответственности, но не предопределяется равный подход при определении меры наказания.

Уголовным кодексом РФ устанавливается перечень наказаний, часть которых, на наш взгляд, являются асимметричными, т. е. содержат ничем не обусловленные преимущества в отношении женщин-матерей, что приводит к гендерной дискриминации мужчин-отцов. Нельзя не отметить, что в некоторых случаях преимущества, установленные в пользу женщин, вполне целесообразны, так как направлены на защиту интересов ребенка. Рассмотрим подробнее эти области гендерной асимметрии в уголовном законодательстве.

Так, согласно ч. 4 ст. 49 УК РФ обязательные работы не назначаются лицам, признанным инвалидами первой группы, беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет. Согласно ч. 5 ст. 50 УК РФ женщины, по аналогии со ст. 49 УК РФ, освобождаются от исправительных работ. Необходимость неназначения беременной женщине обязательных и исправительных работ не вызывает сомнения, однако отнесение к данной категории только женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, и неотнесение к данным субъектам отцов-одиночек, у которых могут быть малолетние дети, на наш взгляд, является дискриминационным. Аналогичная ситуация присутствует при назначении принудительных работ (ч. 7 ст. 53.1 УК РФ), когда отцы-одиночки, имеющие детей в возрасте до трех лет, не освобождаются от принудительных работ, тогда как женщины при наличии аналогичных условий освобождаются от них. Согласно ч. 2 ст. 54 УК РФ арест не назначается женщинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет, тогда как мужчины (отцы-одиночки), имеющие детей в возрасте до 14 лет, могут быть подвергнуты аресту [6, с. 134–135].

Нельзя исключать ситуации, когда у малолетнего ребенка есть только один родитель или есть оба родителя, но мать фактически не осуществляет обязанности по воспитанию ребенка, не заботится о нем. В таких ситуациях при осуждении отца ребенок фактически оказывается либо на попечении равнодушной матери, либо в детском доме. Данные ограничения в отношении мужчин-отцов являются препятствием к осуществлению родительских обязанностей, закрепленных ч. 2 ст. 38 Конституции РФ, согласно которой забота о детях и их воспитании является равным правом и обязанностью родителей. Следовательно, можно говорить о неоправданной дискриминации мужчин-отцов и игнорировании прав ребенка. Таким образом, защищая интересы ребенка и отцов, законодателю необходимо предусмотреть возможность распространения действия рассматриваемых положений ст. 49, 50, 53.1, 54 УК РФ не только на женщин, но и на одиноких мужчин-отцов, имеющих малолетних детей.

Одновременно ст. 82 УК РФ предусматривает одинокому мужчине, имеющему ребенку до 14 лет, наравне с женщиной право на отсрочку отбывания наказания при условии, что он не был осужден к наказанию в виде лишения свободы за совершение преступлений против личности, преступлений против половой неприкосновенности лиц не достигших 18 лет. Следовательно, по аналогии с данной статьей представляется

возможным внесение следующих изменений в УК РФ: ч. 4 ст. 49 дополнить словами: «обязательные работы не назначаются отцам-одиночкам, имеющим детей в возрасте до трех лет»; ч. 5 ст. 50 дополнить: «исправительные работы не назначаются отцам-одиночкам, имеющим детей в возрасте до трех лет»; ч. 7 ст. 53.1 дополнить: «принудительные работы не назначаются отцам-одиночкам, имеющим детей в возрасте до трех лет»; ч. 2 ст. 54 дополнить словами: «арест не назначается отцам-одиночкам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет».

Нельзя не отметить, что зачастую реализация родительских прав является затруднительной в местах лишения свободы, что связано с закрытым характером современной уголовно-исполнительной системы.

Уголовно-исполнительное законодательство предусматривает особые условия содержания в местах лишения свободы для осужденных женщин, находящихся в состоянии беременности, кормящих матерей и женщин, имеющих несовершеннолетних детей (ст. 100 УИК РФ). В рамках данной нормы «в исправительных учреждениях, в которых отбывают наказание осужденные женщины, имеющие детей, могут организовываться дома ребенка. В домах ребенка исправительных учреждений обеспечиваются условия, необходимые для нормального проживания и развития детей. Осужденные женщины могут помещать в дома ребенка исправительных учреждений своих детей в возрасте до трех лет, общаться с ними в свободное от работы время без ограничения. Им может быть разрешено совместное проживание с детьми» [7].

Однако законодатель ничего не говорит об осужденных мужчинах, являющихся добросовестными отцами малолетних детей или единственными родителями в семье. Это упущение является как минимум несправедливым, не говоря уже о том, что нарушаются права отцов и интересы детей [8, с. 185]. Тогда как одной из форм осуществления родительских прав и исполнения обязанностей осужденными к лишению свободы являются свидания с детьми. Важно отметить, что данная форма реализации родительских прав занимает особое место в процессе ресоциализации осужденных мужчин.

Дифференциация также наблюдается при анализе ст. 145 УК РФ: в части привлечения к уголовной ответственности работодателя в случае необоснованного отказа в приеме на работу или необоснованного увольнения с работы женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет, важно отметить, что данная мера наказания распространяется только на женщин. Тогда как

согласно ст. 261 ТК РФ [9] гарантии, связанные с ограничением права работодателя на увольнение, распространяются помимо женщин и на мужчин, при условии, что мужчина является единственным кормильцем ребенка-инвалида в возрасте до восемнадцати лет либо единственным кормильцем ребенка в возрасте до трех лет в семье, воспитывающей трех и более малолетних детей, если другой родитель (иной законный представитель ребенка) не состоит в трудовых отношениях. Следовательно, гарантия защиты трудовых прав мужчин-отцов имеется при наличии указанных условий, а ответственность при отказе им в приеме на работу или увольнении отсутствует.

Важно отметить, что данная гарантия была предусмотрена в ТК РФ после рассмотрения дела А. Е. Остаева [10] Конституционным Судом РФ, по итогам которого Суд признал право отца, являющегося единственным кормильцем, не быть уволенным по инициативе работодателя [11, с. 62–53]. Тем самым Суд признал аналогичные права для тех мужчин, которые являются единственными кормильцами в семье, даже в тех случаях, когда мать присутствует и осуществляет функции ухода за детьми. Конституционный Суд РФ подтвердил право законодателя предусмотреть определенные гарантии и льготы для работников, которые вследствие необходимости особого ухода за детьми не могут в полном объеме наравне с другими выполнять предписанные общими нормами обязанности в трудовых отношениях, в том числе ограничить возможность их увольнения по инициативе работодателя [12]. Таким образом, решение Конституционного Суда РФ было направлено на защиту интересов мужчин-отцов в реализации их социальных, родительских прав.

Следовательно, действующая редакция ст. 145 УК РФ является асимметричной, так как предусматривает уголовную ответственность только при необоснованном отказе в приеме на работу или необоснованном увольнении с работы женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет, при том что в ТК РФ предусмотрена гарантия недопустимости увольнения мужчин при наличии аналогичных обстоятельств.

Считаем необходимым внести изменения в рассматриваемую статью УК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Статья. 145 *Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины, женщины и мужчины, имеющих детей в возрасте до трех лет.*

Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение женщины по мотивам ее беременности, а равно необоснованный

отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение с работы женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет, а также *необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение с работы мужчины, имеющего детей в возрасте до трех лет, являющегося единственным кормильцем...*» влечет ответственность, предусмотренную данной статьей УК РФ. Данные изменения обеспечат равную защиту родительских права в сфере уголовного называния, реализацию равенства всех перед законом.

Важно отметить, что в настоящее время принцип равенства мужчин и женщин в сфере уголовно-исполнительного законодательства по отношению к их семейным обязанностям соблюдается. Долгое время положения ст. 89 и 97 Уголовно-исполнительного кодекса РФ [7] закрепляли право только женщинам покидать колонии для устройства детей и свидания с ними, что ущемляло, во-первых, права отцов, а во-вторых – права самих детей.

Но Федеральным законом от 26.07.2017 № 200-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав детей, родители которых отбывают наказание в виде лишения свободы» [13] были внесены изменения, касающиеся прав мужчин-отцов осужденных. Теперь, согласно новой редакции УИК РФ, осужденные мужчины, имеющие детей в возрасте до 14 лет и являющиеся единственным родителем, имеют право на дополнительные длительные свидания в выходные и праздничные дни, с проживанием вне исправительного учреждения, но в пределах муниципального образования, на котором находится учреждение, где лицо отбывает наказание (ч. 2.1 ст. 89 УИК РФ). Также этой категории лиц может быть разрешен выезд до 10 суток для свидания с ребенком (ч. 2.2 ст. 97 УИК РФ). Теперь, также по аналогии с правами женщин-осужденных, мужчины, имеющие несовершеннолетних детей-инвалидов и являющиеся единственным родителем, имеют право на четыре выезда, каждый из которых может составлять 15 суток, для свидания со своим ребенком (ч. 2.1 ст. 97 УИК РФ).

Важно отметить, что данное право обеспечит поддержание и укрепление социально полезных и родственных связей осужденных. При этом необходимо учитывать характеристику осужденного и информацию о его поведении во время отбывания наказания. Целесообразно в данном случае получить заключение органа опеки и попечительства, в котором будет указано, что такое посещение не причинит вреда физическому

и психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию. Таким образом, правильное применение института выездов во многом поможет более эффективному осуществлению родительских прав и исполнению обязанностей осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы.

При решении вопроса периодичности и формы посещения детей и их заключенных родителей в первую очередь должны учитываться интересы и желание самого ребенка. В странах, где нет проблем с телефонной связью, общение по телефону между членами семьи более популярно, чем письма: ирландское исследование обнаружило, что около половины респондентов-заключенных (из небольшой, по общему признанию, группы в 26 человек) разговаривали со своими детьми каждый или почти каждый день, в то время как только 15% обменивались открытками и письмами каждую неделю или чаще [14, с. 28]. Отмечается, что родители, которые разговаривают со своими детьми, лучше приспосабливаются к тюремной среде, а дети лучше справляются с разлукой, если у них есть возможность частых контактов с заключенными родителями [15].

Интересным представляется опыт Австрии и Канады в части права на проживание несовершеннолетних детей с осужденным отцом наравне с осужденной матерью. Во Франции дети могут проживать в местах лишения свободы только с биологической матерью до достижения ими возраста полутора лет. Если отец против нахождения своего ребенка в пенитенциарном учреждении, то срок совместного проживания матери и ребенка может быть сокращен. Также закон не включает возможность нахождения ребенка в местах лишения свободы с отцом, если он является единственным законным опекуном [16, с. 38].

В отличие от зарубежных стран, российское законодательство в вопросе проживания детей в исправительных учреждениях закрепляет это право только за биологической матерью.

Дети в наших исправительных учреждениях проживают в домах ребенка (там, где они есть) в женских колониях. Законодатель не предусматривает возможности нахождения детей с отцами в мужских колониях, но допускает возможность отсрочки отбывания отцом наказания за некоторые преступления до достижения ребенком 14-летнего возраста (только в том случае, если отец является единственным родителем), а также право на краткосрочные свидания с ребенком.

Учитывая опыт зарубежных стран, где возможно проживание ребенка на территории исправительных учреждений не только с осужденной матерью, но и с отцом, целесообразно рассмотреть вопрос о создании домов ребенка в мужских исправительных учреждениях в России в случаях, когда мать отказалась от ребенка, а родственников у осужденного отца нет. Кроме того, необходимо учитывать отношение отца к ребенку, наличие желания заботиться о нем. К каждому из таких случаев необходимо подходить индивидуально.

Результаты

Для осуществления осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы, родительских прав и исполнения обязанностей необходимы определенные формы, с помощью которых осужденные могут оказывать воспитательное воздействие на своих детей. Однако осужденные могут их осуществить лишь в тех формах, которые определены условиями отбывания наказания.

Залог полноценного воспитания детей – постоянный контакт ребенка с родителями. Отбывание одним из родителей наказания в виде лишения свободы может осложнить его общение с ребенком. Посредством свиданий осужденные реализуют воспитательное воздействие на своих детей, и это позволяет сделать вывод, что именно свидания являются основной формой реализации родительских прав и обязанностей лицами, осужденными к лишению свободы.

Таким образом, в настоящее время принцип равенства мужчин и женщин в сфере уголовно-исполнительного законодательства по отношению к их семейным обязанностям соблюдается. Однако присутствует необоснованная дифференциация некоторых положений уголовного законодательства в части обеспечения равенства родительских прав и обязанностей при назначении наказания, что является препятствием для мужчин-отцов к осуществлению обязанностей, закрепленных ч. 2 ст. 38 Конституции РФ. С целью реализации конституционной обязанности единственным родителем – отцом, при назначении наказаний, наряду с матерью, заботиться о детях необходимо провести конституционализацию уголовного законодательства.

Следовательно, нормы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства должны не только декларировать права и обязанности, но и соответствовать ч. 3 ст. 19 Конституции РФ, в частности, если это связано с обеспечением защиты интересов детей.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30 (ч. 1), ст. 4202 ; 2014. № 31, ст. 4398.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1, ст. 16 ; 2019. № 12, ст. 1225.
3. Долина В. А., Борченко В. А. К вопросу о реализации родительских прав отцами, осужденными к лишению свободы // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе : материалы Междунар. науч. конф. адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов. Самара, 2018. С. 71–73
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954 ; 2019. № 22, ст. 2668.
5. Козаченко И. Я. Уголовное право как основной инструмент уголовно-правового регулирования. М. : Городец-издат, 2004. 412 с.
6. Торосян Р. А. Конституционное регулирование запрета дискриминации мужчин в России : дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2017. 236 с.
7. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 2, ст. 198 ; 2018. № 53 (ч. I), ст. 8474.
8. Хачак Б. Н. Отсрочка отбывания наказания по уголовному – исполнительному законодательству : гендерный анализ // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. Регионоведение : философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 1. С. 183–188.
9. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 01.04.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. I), ст. 3 ; 2019. № 14 (ч. I), ст. 1461.
10. По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Е. Остаева : постановление Конституционного Суда РФ от 15.12.2011 № 28-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 52, ст. 7639.
11. Силко И. Г. Нельзя уволить отца, являющегося единственным кормильцем в семье // Отдел кадров государственного (муниципального) учреждения. 2012. № 1. С. 62–70.
12. По делу о проверке конституционности положений части второй статьи 170 и части второй статьи 235 Кодекса законов о труде Российской Федерации и пункта 3 статьи 25 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности»

- в связи с запросами Зерноградского районного суда Ростовской области и Центрального районного суда города Кемерово : постановление Конституционного Суда РФ от 24.01.2002 № 3-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 7, ст. 745.
13. О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав детей, родители которых отбывают наказание в виде лишения свободы : федер. закон от 26.07.2017 № 200-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 31 (ч. I), ст. 4749.
14. King D. Parents, children and prison : Effects of parental imprisonment on children. Dublin : Dublin Institute of Technology, 2002. 80 p.
15. Murray J. The effects of imprisonment on families and children of prisoners // Maruna S., Leibling A. (eds.). The effects of imprisonment. Devon : Willan Publishing, 2005, pp. 454–455.
16. Робертсон О. Влияние на детей тюремного заключения их родителей : пер. с англ. М. : PRI, 2010. 56 с. (Женщины в тюрьме и дети заключенных матерей).

Образец для цитирования:

Торосян Р. А. Реализация конституционного принципа равенства родительских прав и обязанностей при назначении и отбытии уголовного наказания // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 344–350. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-344-350>

Realization of the Constitutional Principle of Equality of the Parental Rights and Duties while Imposing and Serving Criminal Penalty

R. A. Torosyan

Rima A. Torosyan, <https://orcid.org/0000-0001-8870-7809>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, rima_t@mail.ru

Introduction. The article is devoted to the implementation of the constitutional principle of equality of parental rights and obligations while imposing and serving criminal punishment. **Theoretical analysis.** The author analyzes the Criminal and penal codes of the Russian Federation in terms of the implementation of the constitutional principle of equality of parental rights and obligations while imposing and serving criminal punishment. The author notes that the criminal code stipulates a list of penalties, some of which are asymmetric, that is, they contain no conditional benefits for women mothers, which leads to a violation of parental rights of men. **Results.** Summarizing the results of the study of criminal and penal enforcement legislation, the author comes to the conclusion that at present the principle of equality of men and women in the field of penal enforcement legislation in relation to their family responsibilities is observed. However, there is an unjustified differentiation of some provisions of the criminal law, which is an obstacle for men-fathers to the exercise of parental responsibilities, enshrined in part 2 of article 38 of the Constitution.

Keywords: constitutional principle of equality before the law, equality of rights and duties of parents, paternity.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote of 12.12.1993) (amended of 30.12.2008 no. 6-FKZ, of 30.12.2008 no. 7-FKZ, of 05.02.2014 no. 2-FKZ, of 21.07.2014 no. 11-FKZ). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 30 (pt. 1), art. 4202; 2014, no. 31, art. 4398 (in Russian).
2. Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 no. 223-FZ (an edition of 18.03.2019). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1996, no. 1, art. 16; 2019, no. 12, art. 1225 (in Russian).
3. Dolina V. A., Borchenko V. A. On the issue of the realization of parental rights by fathers sentenced to imprisonment. In: *Problemy i perspektivy razvitiya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossii na sovremennom etape* [Problems and prospects for the development of the penitentiary system of Russia at the present stage. Proc. of the Int. sci. conf. of adjuncts, graduate students, cadets and students]. Samara, 2018, pp. 71–73 (in Russian).
4. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 no. 63-FZ (an edition of 29.05.2019). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1996, no. 25, art. 2954; 2019, no. 22, art. 2668 (in Russian).
5. Kozachenko I. Ya. *Ugolovnoe pravo kak osnovnoi instrument ugolovno-pravovogo regulirovaniya* [Criminal law as the main instrument of criminal law regulation]. Moscow, Gorodets-izdat, 2004. 412p. (in Russian).
6. Torosyan R.A. *Konstitutsionnoe regulirovanie zapreta diskriminatsii muzhchin v Rossii* [Constitutional regulation of the prohibition of discrimination against men in Russia]. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Penza, 2017. 236 p (in Russian).
7. Criminal Executive Code of the Russian Federation of 08.01.1997 no. 1-FZ (an edition of 27.12.2018) (rev. and add. of 08.01.2009). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1997, no. 2, art. 198; 2018, no. 53 (pt. I), art. 8474 (in Russian).
8. Khachak B. N. Delay in punishment by criminal – executive legislation: the gender analysis. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya* [The Bulletin of Adyge State University. Ser. Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies], 2011, no. 1, pp. 183–188 (in Russian).
9. Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001 no. 197-FZ (an edition of 01.04.2019). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1996, no. 1, art. 16; 2019, no. 12, art. 1225 (in Russian).

- zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2002, no. 1 (pt. I), art. 3; 2019, no. 14 (pt. I), art. 1461 (in Russian).
10. In the case of verifying the constitutionality of the fourth part of Article 261 of the Labor Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen A. E. Ostaeva. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 15.12.2011 no. 28-P. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2011, no. 52, art. 7639 (in Russian).
 11. Silko I. G. You can not dismiss the father, who is the sole breadwinner in the family. *Otdel kadrov gosudarstvennogo (munitsipal'nogo) uchrezhdeniya* [Personnel Department of the state (municipal) institution], 2012, no 1, pp. 62–70 (in Russian).
 12. In the case of the verification of the constitutionality of the provisions of part two of article 170 and part two of article 235 of the Labor Code of the Russian Federation and clause 3 of article 25 of the Federal Law “On Trade Unions, Their Rights and Guarantees of Activities” in connection with requests from the Zernogradsky District Court of the Rostov Region and the Central District Court of Kemerovo. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 24.01.2002 no. 3-P. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2002, no. 7, art. 745 (in Russian).
 13. On amendments to the Penal Code of the Russian Federation in order to protect the rights of children whose parents are serving a sentence of imprisonment. Federal law of 26.07.2017 no. 200-FZ. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2017, no. 31 (pt. I), art. 4749 (in Russian).
 14. King D. *Parents, children and prison: Effects of parental imprisonment on children*. Dublin, Dublin Institute of Technology, 2002. 80 p.
 15. Murray J. The effects of imprisonment on families and children of prisoners. In: Maruna S., Leibling A. (eds.). *The effects of imprisonment*. Devon, Willan Publishing, 2005, pp. 454–455.
 16. Robertson O. *Vliyanie na detei tiuremnogo zakliucheniya ikh roditel'ei* [Impact of their parents' imprisonment on children]. Moscow, PRI, 2010. 56 p. (in Russian).

Cite this article as:

Torosyan R. A. Realization of the Constitutional Principle of Equality of the Parental Rights and Duties while Imposing and Serving Criminal Penalty. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 344–350 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-344-350>
